

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

ТиПЛ

Журнал входит в РИНЦ

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3

Выпуск 3, № 3, 2017

Номер посвящается памяти выдающегося фонетиста Н. Б. Вольской, так рано покинувшей нашу лингвистическую семью

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкоznания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкоznания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор*Андрюсова Светлана Викторовна*

д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора*Деркач Светлана Викторовна*

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия*Архипова Нина Геннадьевна*

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань

доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна

канд. филол. наук (Университет Западной Флориды, США)

Бурыкин Алексей Алексеевич

д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра

д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Пирогова Марина Андреевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей

д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тъен Дэвид

доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюарт)

Чой Мун-Джеонг

доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна

д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru.*Адрес редакционной коллегии:*

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3

Volume 3, Issue 3, 2017

The Issue is dedicated to the memory of an outstanding phonetician N. B. Volskaya who left our linguistic family too early

---

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveschensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor*Svetlana V. Androsova*

Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors*Svetlana V. Derkach*

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board*Nina G. Arkhipova*

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan

PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett

PhD (University of West Florida, the US)

Alexis A. Burykin

Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva

Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier

PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova

PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov

Doctor of Philology, professor (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova

Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek

PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina

Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin

Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya

Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien

PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi

PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva

Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina

PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko

Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code

675027; website: lingua.amursu.ru

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

**УДК 81'34, 81'161.1
UDC 81'34, 81'161.1**

**Кожина Наталья Витальевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация**
**Natalya V. Kozhina
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation**
natalyakozhin@mail.ru

**Шуйская Татьяна Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация**
**Tatiana V. Shuiskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation**
T.Shuiskaya@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАСНЫХ
В РЕЧИ ДЕТЕЙ 3,6–3,9 ЛЕТ
PECULIARITIES IN CONSONANTS PRONUNCIATION
IN THE SPEECH OF 3,6–3,9 YEAR-OLD CHILDREN**

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты акустического анализа замен и эллипсиса согласных в речи десяти русских нормально развивающихся детей в возрасте 3,6–3,9 лет. Спектрографическому анализу были подвергнуты 2580 реализаций согласных. По сравнению с результатами, полученными у этих же детей полгода назад, соотношение случаев замен согласных и эллиптирования осталось прежним с заметным преобладанием замен. Как и ожидалось, процент и замен, и эллипсиса согласных сократился по сравнению с показателями полугодовой давности. Эллиптированию подвергались только переднеязычные согласные; эллипсис губных, среднеязычного и заднеязычных не отмечался. Замены согласных /r/ и /ʃ/ оказались самыми частотными.

Abstract

The current paper focuses upon the results of an acoustic study of consonant substitution and elision cases in the speech of ten Russian normally developing 3,6–3,9 year-old children. 2580 occurrences of consonants were studied by means of dynamic spectrograms. Compared to the data obtained from the same subjects half a year ago, the proportion of consonant substitution and elision instances remained the same with the considerable prevalence of the former. As expected, the number of both substitution and elision cases was reduced compared to the one noticed 6 months ago. Only forelingual consonants were subjected to elision while labial, mediolingual and velar consonants were not omitted at all. Substitution of /r/ and /ʃ/ were among the most frequent.

Ключевые слова: детская речь, замены, эллипсис, переднеязычные, заднеязычные, среднеязычный.

Keywords: child speech, substitution, elision, forelingual, velar, mediolingual.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_5_16

1. Введение

Изучению фонетической стороны речи нормально развивающихся детей дошкольного возраста, проживающих на территории Амурской области, а именно в г. Благовещенске, уже посвящено ряд работ [Шуйская, 2016, 2017]. Выявлены звуковые замены, упрощения групп согласных, слоговые элизии, эллипсис, акустические корреляты соответствующих фонем. Вместе с тем, динамика развития речи детей-дошкольников г. Благовещенска не рассматривалась.

Исследователи ещё в конце XIX – начале XX вв. смогли выделить возрастные этапы в соответствии с речевым развитием ребёнка. Так, В. Штерн выделял четыре эпохи или периода речевого развития: первая эпоха (1 год – 1 год 6 мес.), вторая эпоха (1 год 6 мес. – 2 года), третья эпоха (2 года 6 мес. – 4–5 лет) [Штерн, 1914]. Последующее изучение детской речи, в частности, проведённое Н. А. Рыбниковым и А. Н. Гвоздевым, помогли уточнить временные рамки усвоения ребёнком родного языка [Рыбников, 1926 ; Гвоздев, 1927]. В различных лингвистических исследованиях, посвящённых нормам и характерным особенностям детской речи, особенно после трёх лет, наиболее привычным промежутком в речевом развитии считается год [James, 2001 ; Елисеева, 2008]. Мы можем найти данные об особенностях детей и их речи с трёх до четырёх лет, с пяти до шести лет и так далее. Представляется, что год – весьма долгий промежуток времени даже для детей после трёх лет, за который ребёнок изменяется психофизически, что, несомненно, отражается на его речевом репертуаре. Учитывая это, исследователи проводят анализ речи детей с учётом их взросления в промежутке пять [Fox, Dodd, 2001] и шесть [Grunwell, 1987] месяцев. В настоящей работе изучается динамика развития паттернов реализации согласных за полугодовой период, а именно сравнивается количество замен и случаев эллиптизации, зафиксированное ранее у детей в возрасте 3 лет [Шуйская, 2017], с аналогичным показателем, полученным через полгода.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для анализа послужили изолированно произнесённые знаменательные слова в произнесении десяти нормально развивающихся детей в возрасте 3,7–3,9 лет (далее – дикторы). Слуховому и акустическому анализу были подвергнуты 2580 реализаций согласных. Акустический анализ был проведён в программе обработки речевого сигнала Praat [Boersma, 2017].

В результате количественной обработки экспериментального материала был выявлен процент замен и эллипсиса того или иного звука по отношению к общему количеству случаев его употребления в списке слов. Полученные данные представлены в таблицах 1–2.

2.2. Замены согласных

Согласно данным таблицы 1 наибольшую трудность для детей представляло произнесение согласного /r/, замена которого произошла 77 раз, что составило 47% от общего числа употреблений этой фонемы. Данная особенность сохраняется у детей с 3 до 3,7 лет, однако почти вдвое сокращается частота замен – с 86,9% до 47% [Шуйская, 2017]. Обращает на себя внимание то, что в 16% случаев вместо согласного /r/ был произнесён другой сложный для артикуляции согласный /l/: *рак* [lak], *жир* [žil], *марка* [malka], *рожки* [lɔski] с характерными для плавного сонорного низкочастотными составляющими. Второй по частотности особенностью в реализации /r/ является его вокализация (13,5%): *шар* [sli], *кор* [sɔi], *жир* [ži] и подобные. Акустический анализ продемонстрировал наличие формантной картины, характерного для огубленного закрытого заднерядного гласного [u]. Как правило, тенденция к вокализации прослеживалась при расположении /r/ в конце слова.

Реже происходила замена /r/ на /h/ (10%): *ветер* [vjeteh], *сыр* [sih] и другие. На рисунке 1 представлено слово *сыр*, в котором согласный /r/ был заменён на /h/.

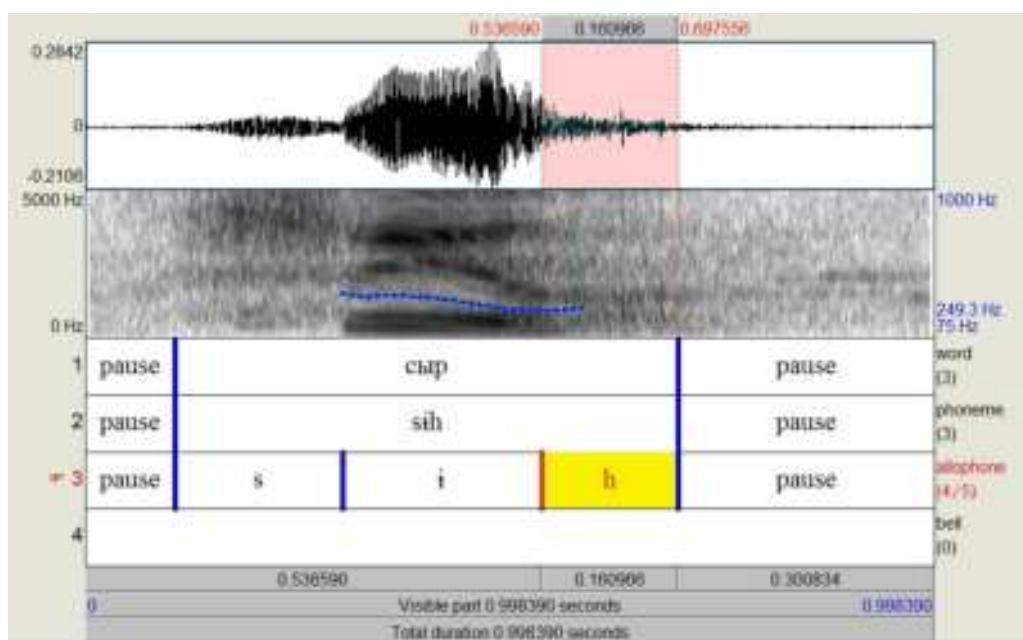

Рисунок 1. Замена /r/ на /h/ в слове *сыр*

Отмечается характерный слабый фрикативный шум в нижне-средней области спектра, усиливающийся в районе F1 и F2 соседнего гласного,

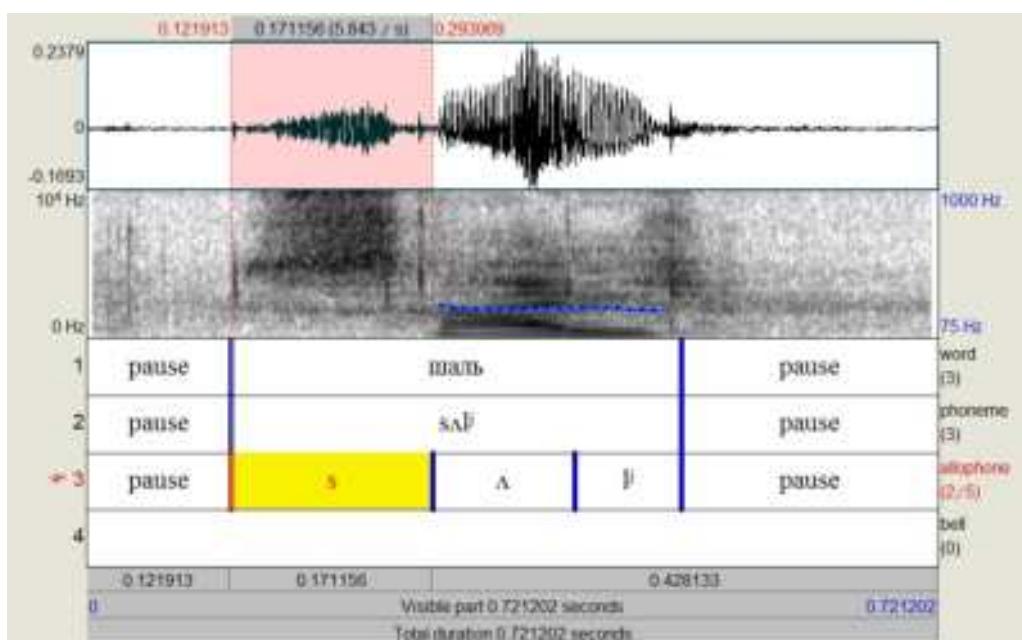
акустические корреляты ударов отсутствовали. В 6% случаев на месте /r/ реализовался губно-зубной согласный /v/: *дрова* [dvʌvʌ], *трава* [tvʌvʌ]. Данная замена отмечена после согласного перед гласным – в некоторых превокальных кластерах. Ещё реже /r/ заменяется на среднеязычный /j/ (1,5%), например в слове *соп* [sɔj].

Т а б л и ц а 1. Замены согласных в речи детей

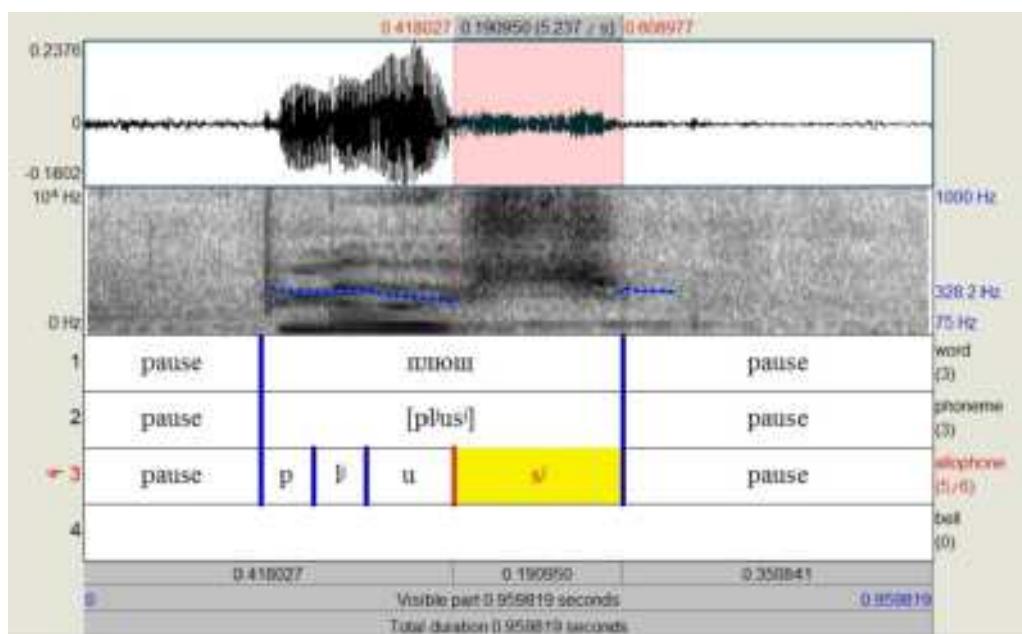
#	Замены	Кол-во (абсолютные ед.)	%	#	Замены	Кол-во (абсолютные ед.)	%
1	/r/→/l/	22	16	23	/ts/→/s/	3	15
2	/r/→/u/	19	13,5	24	/b/→/p/	7	14
3	/r/→/h/	14	10	25	/h/→/f/	2	10
4	/r/→/v/	8	6	26	/s/→/ʃ/	24	10
5	/r/→/j/	2	1,5	27	/ʒ/→/s/	7	7
6	/ʃ/→/s/	36	43	28	/s/→/z/	2	7
7	/ʃ/→/s̥/	20	41	29	/s/→/f/	2	7
8	/tʃ/→/t̪/	45	40	30	/l/→/u/	8	3
9	/r̪/→/j/	7	17,5	31	/l/→/v/	4	1,5
10	/r̪/→/l̪/	5	12,5	32	/l/→/h/	1	0,4
11	/r̪/→/h̪/	1	2,5	33	/l/→/n/	1	0,4
12	/ʒ/→/z/	34	31	34	/n̪/→/m̪/	1	5
13	/d/→/t/	9	23	35	/d/→/p/	1	5
14	/l̪/→/j/	20	20	36	/s/→/ts/	1	4
15	/l̪/→/g̪/	1	1	37	/f/→/s/	1	3
16	/l̪/→/d̪/	1	1	38	/f/→/v/	1	3
17	/g/→/k/	9	18	39	/v/→/f/	2	2
18	/z/→/ʒ/	6	8	40	/ʒ/→/ʃ/	2	2
19	/z/→/s/	4	5	41	/m̪/→/n̪/	1	1
20	/z/→/ʃ/	1	1	42	/m/→/b/	1	1
21	/z/→/d/	1	1	43	/p/→/t/	1	0,8
22	/z/→/dʒ/	1	1	44	/t̪/→/tʃ/	1	0,7

Следующим по частотности замен после согласного /r/, является звук /ʃ/. В 43% /ʃ/ был заменён на переднеязычный зубной /s/. Например: *шаль* [sʌl̪], *кошка* [kəskl̪], *мишка* [miskl̪], *тишиь* [tus] и так далее.

На рисунке 2 приведён пример замены переднеязычного нёбно-зубного /ʃ/ на переднеязычный зубной /s/ в слове *шаль*. Можно наблюдать ярко выраженный турбулентный шум в средне-верхней области спектра.

Рисунок 2. Замена /ʃ/ на /s/ в слове *шаль*

Ещё одной частотной заменой согласного можно считать замену /ʃ/ на мягкий согласный /s/ (41%): *щёлка* [ʂɔlkə], *пищать* [rjɪʂt̪ɪ], *плац* [plas̪]. На рисунке 3 продемонстрирован пример замены /ʃ/ на /s/ в слове *плющ*. Отмечается усиление шумовых составляющих в более высоких областях спектра – от 3,5 кГц – по сравнению с теми, которые свойственны /ʃ/ – от 1,8 кГц.

Рисунок 3. Замена /ʃ/ на /s/ в слове *плющ*

Исследование также показало, что одним из сложных для произнесения согласных оказался переднеязычный нёбно-зубной /tʃ/. В 40% случаев вместо данного звука был произнесён переднеязычный мягкий /tj/: *чайка* [tʃljkla], *чёлка* [tʃɔlkla], *меч* [mjetʃ], *ночь* [nɔtʃi], *дочка* [dɔtʃikla], *вечер* [vjetʃel]. Отметим, что указанная замена происходила во всех позициях слова – в начале, конце и середине.

Рисунок 4 иллюстрирует замену /tʃ/ на /tj/ в слове *точка*. На спектре отмечается более высокое положение высокочастотного шума (как для /s/) по сравнению с тем, который характерен для щелевой фазы в реализации аффрикаты /tʃ/. По длительности согласного принципиальных изменений не произошло, поскольку и у аффрикаты, и у /tj/ имеется усиленная фрикционная фаза (длительность замены составляет почти 150 мс).

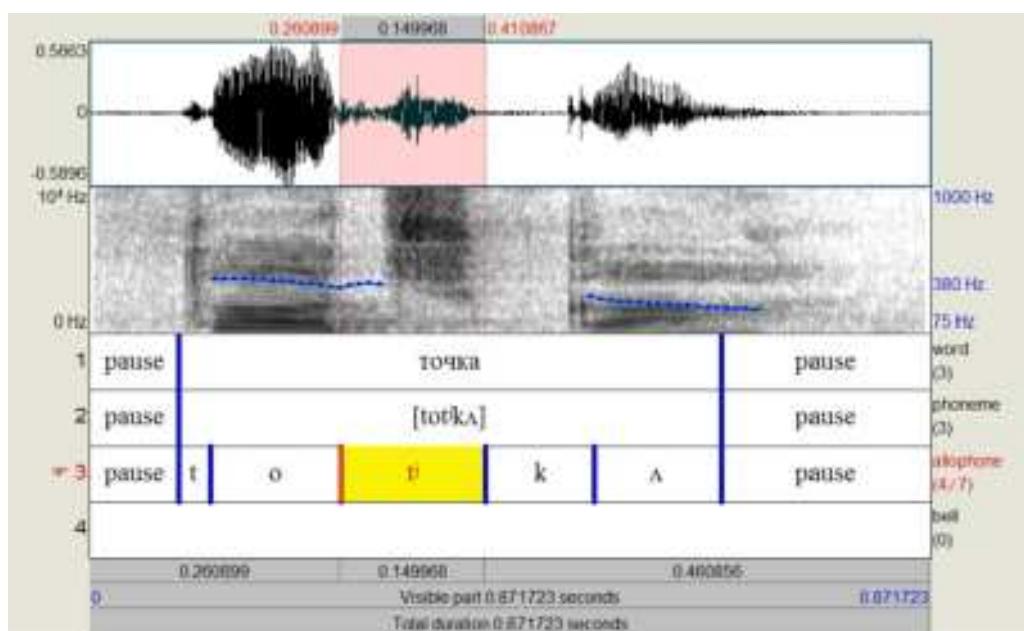

Рисунок 4. Замена /tʃ/ на /tj/ в слове *точка*

Замена звука /r^j/ происходила в 32,5% случаев. Данная фонема заменилась на /j/ (17,5%): *редька* [jetʃkla]. В 12,5% вместо /r^j/ был реализован /lj/: *Рим* [ljim], а в 2,5% случаев произошла замена на /h^j/: *Рим* [h^jim].

Параллельно с заменой /ʃ/ на /s/, о которой говорилось выше, была реализована замена /ʒ/ на /z/ (31%): *жар* [zlr], *жук* [zuk], *рожса* [rɔzla]. В 7% /ʒ/ заменился на глухой переднеязычный зубной /s/: *рожски* [rɔski], *нож* [nɔs], *ложки* [lɔski]. В 2% случаев /ʒ/ был заменён на его глухой парный /ʃ/. В этих случаях переднеязычный нёбно-зубной был заменён на согласный аналогичный по месту образования. Это произошло в словах *жар* [ʃlgr] и *жук* [ʃuk].

На рисунке 5 показана замена /ʒ/ на /z/ в слове *жар*. На спектре можно наблюдать значительное смещение вверх нижней границы шума (интенсивный шум начинается приблизительно от 5 кГц) по сравнению с тем, которых характерен для /ʒ/.

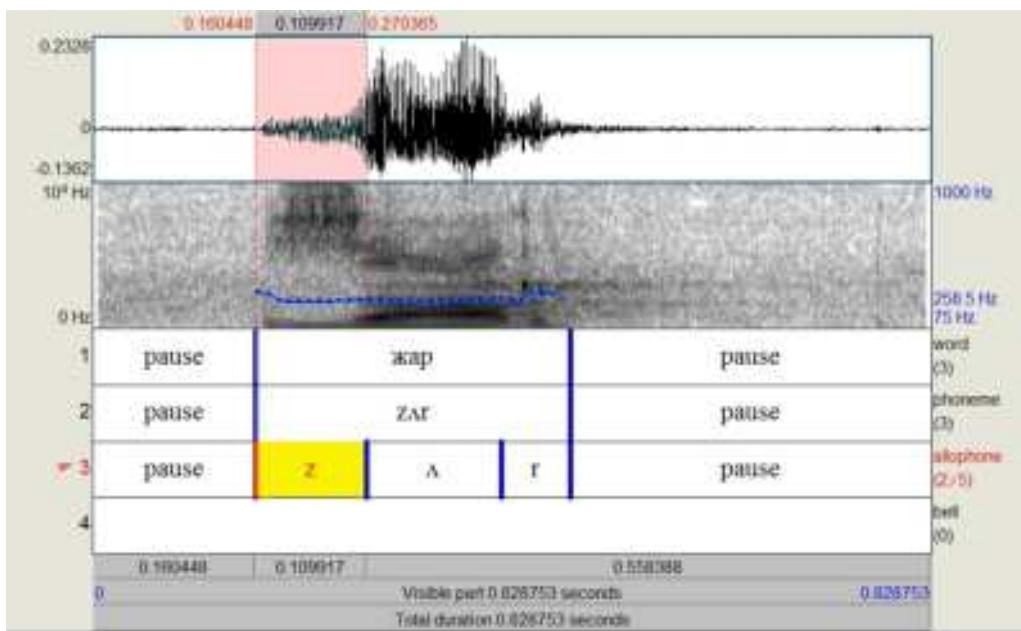

Рисунок 5. Замена /ʒ/ на /z/ в слове *жар*

Замены /ʃ/→/s/, /ʃ/→/s̪/, /tʃ/→/t̪/, /ʒ/→/z/ наглядно демонстрируют неготовность артикуляционного аппарата детей в возрасте 3,7–3,9 лет к произнесению сложных по своей артикуляции звуков, которая приводит к тому, что в их речи отмечается тенденция к замене переднеязычных нёбнозубных согласных на переднеязычные зубные согласные.

Было обнаружено достаточное количество замен других согласных, встретившихся с меньшей частотностью. Ряд этих замен произошли вследствие несвойственного русской речи взрослых превокального оглушения парных звонких согласных. К примеру, фонема /d/ заменялась на /t/ (*дочка* [tɔtʃkə], *древа* [trʌvə]) – 23%, /g/ на /k/ (*гид* [kit], *голос* [kɔłs]) – 18%. Замена /d/ на /t/ осуществлялась у 5 детей примерно в равном процентном соотношении, в то время как /g/ на /k/ заменили 3 ребёнка, двое из которых произвели данную замену в одинаковом процентном соотношении (по 40% от общего количества случаев данной замены).

Замены фонемы /i/ имели место в 22% случаев. Основное количество составила замена /i/ на среднеязычную плавную сонорную /j/ – 20% случаев: *галька* [gljkl], *ель* [jej], *шаль* [sλj] и тому подобные. Единичные замены составили 2%: /i/→/gi/ (*лик* [gjik]), /i/→/di/ (*люк* [dju:k]). На рисунке 6 приведён пример замены /i/→/j/ в слове *соль*. Акустическая картина имеет характерное сходство с типичными реализациями /j/: низкая F1 и высокая F2 (черта, свойственная и гласной /i/), а также незначительные шумовые составляющие и некоторая прерывистость формантной структуры, наблюдаемая в области F2 (черты, свойственные /j/ в дополнение к указанному соотношению F1 и F2).

В исследуемом материале были выявлены и менее частотные замены. Фонема /z/ была заменена на /ʒ/ в 16% случаев: *роза* [lɔʒl], *луга* [luʒl].

В 5% /z/ был заменён на /s/ (*зиять* [sijalt̪]). Также произошли 3 единичные замены (по 1%), а именно: /z/→/ʃ/ (*зуб* [ʃup]), /z/→/dʒ/ (*зуб* [dʒup]), /z/→/d/ (*зиять* [dijalt̪]). Замены /ts/ на /s/ (*цвет* [svjet]) – 15%, /b/ на /p/ (*бил* [piu]) – 14%, /h/ на /f/ (*хит* [fit]) – 10%. Также фонема /s/ была заменена на /ʃ/ в 10% случаев. Это происходило в словах: *вок* [vɔʃk], *лес* [l̪eʃ], *лоск* [lɔʃk], *нос* [nɔʃ]. На рисунке 7 представлено слово *лес*, в котором согласный /s/ был заменён на /ʃ/. Отмечается наличие турбулентного шума и его усиление в более низкой по сравнению с /s/ области спектра.

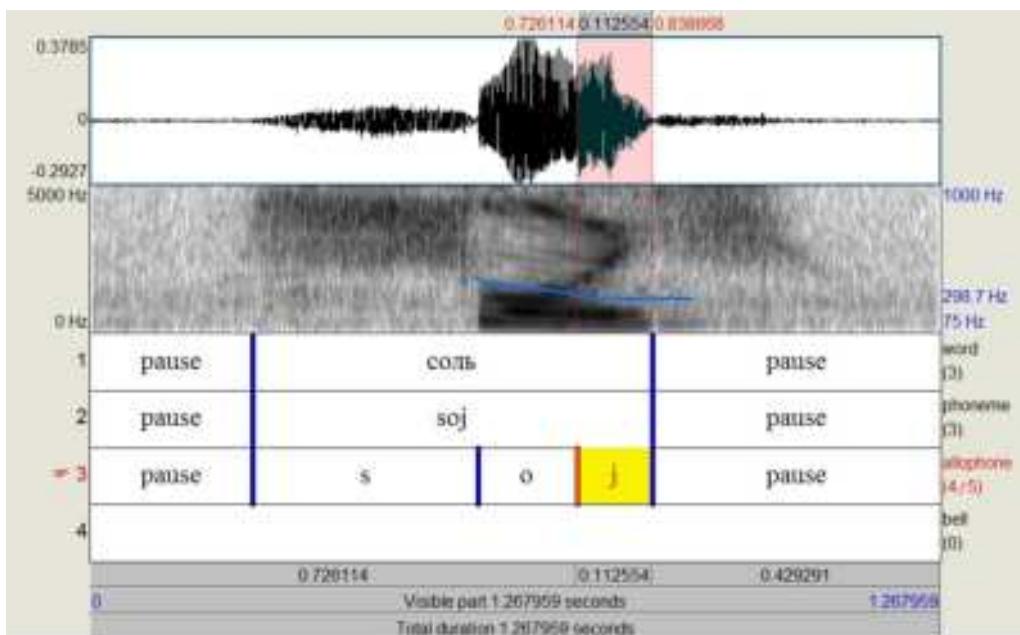

Рисунок 6. Замена /ʃ/ на /j/ в слове *соль*

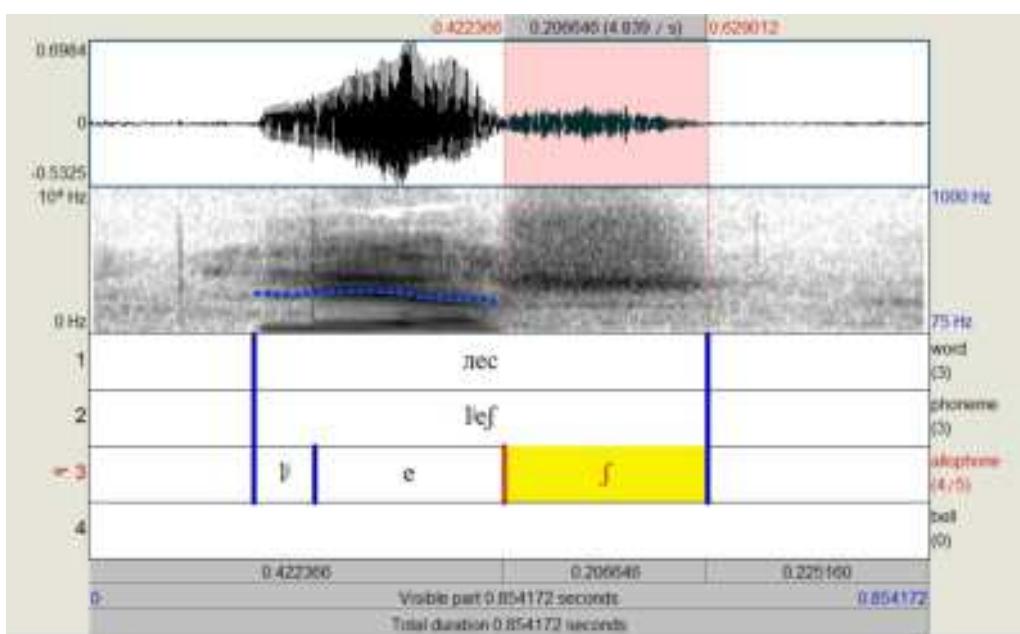

Рисунок 7. Замена /s/ на /ʃ/ в слове *лес*

Кроме того, происходила вокализация согласного /l/ в 3% случаев: *бил* [piu], *пил* [riu] и другие. Встретились случаи замен /l/ на /v/ (1,5%): *салат* [sʌvlt], *халат* [fʌvlɪt]. Также произошли единичные замены (менее 1%): /l/ на /h/ (*стол* [stɔh]), /l/ на /n/ (лук [nuk]).

Каждая из следующих замен была реализована менее, чем в 10% от общего количества определённых фонемоупотреблений: /s/ → /z/ (*сажа* [zʌzə]) и /s/ → /f/ (*лес* [l̥eſ]) – по 7%, /v/ → /f/ (*ваза* [fʌzə]), /d/ → /p/ (*гид* [gip]), /f/ → /s/ (*финт* [s̥int]), /f/ → /v/ (*фаза* [vʌzə]) – 2%, /m/ → /n/ *мишка* [n̥iʃkə], /m/ → /b/ (*мыть* [bit̥]), /n/ → /m/ (*нить* [m̥it̥]), /p/ → /t/ (*плети* [tl̥eſ]), /s/ → /ts/ (*свет* [tsv̥et̥]) и /t/ → /tʃ/ (*Петьяка* [p̥jetʃkə]).

В результате изучения замен согласных в речи детей в возрасте 3,7–3,9 лет можно заключить, что их речь всё ещё отличается высокой варианностью и разнообразием звуковых замен, что было отмечено для детей более раннего возраста. Процент замен отдельных согласных сокращается, однако увеличение или сокращение разнообразия замен согласных в репертуаре детей разного возраста ещё предстоит изучить.

2.3. Эллиптизирование

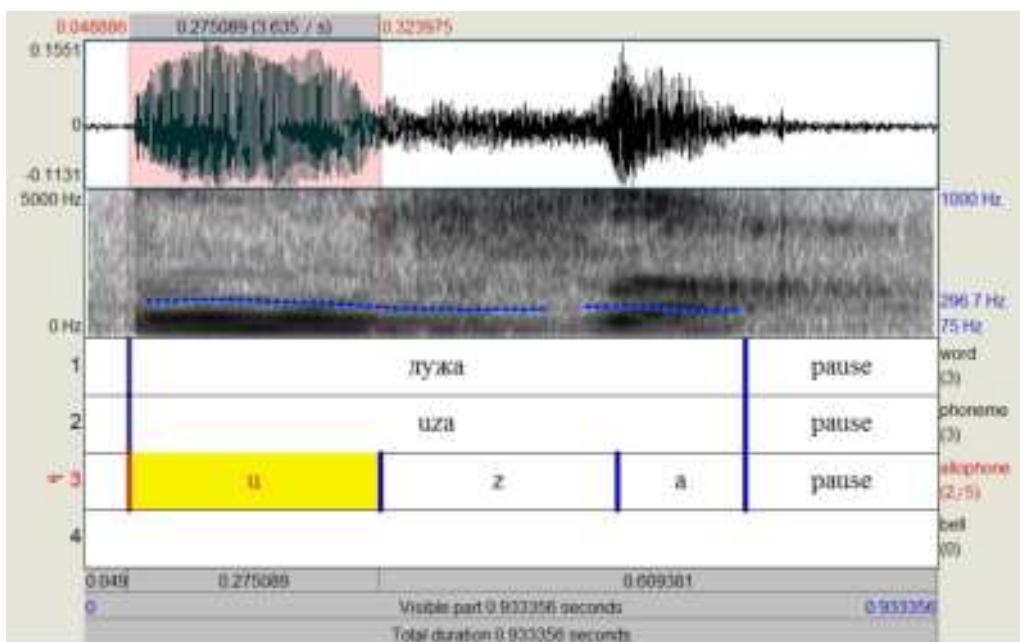
В речи детей отмечаются не только замены согласных, но и случаи эллипсиса. На данном материале было выявлено эллиптизирование согласных /l̥/, /r̥/, /r/ и /l/. Эллипсис губных, среднеязычного и заднеязычных не отмечался. Из таблицы 2 видно, что количество эллипсиса в целом небольшое. Замены фонемы /r/ (47%) более, чем в 20 раз, превышают количество её эллиптизаций (2%). Эллипсис был замечен в таких словах, как: *рожса* [ɔzə], *рожски* [ɔʃki] и других. Чаще других эллиптируется согласный /r̥/ (4%): *Rim* [im] и так далее.

Т а б л и ц а 2. Эллиптизирование согласных в речи детей

Фонема	Эллипсис (%)	Замены (%)
r̥	4%	32,5%
l̥	3%	22%
r	2%	47%
l	1%	5,3%

Замены фонемы /l̥/ происходят на 10,5% реже, чем / r̥/. Вместе с тем, процент эллиптизаций этих фонем практически не отличается (4% и 3% соответственно). Например: *лик* [ik], *лица* [itsə], *лим* [im], *люк* [ju:k].

Пример одного из эллиптизаций фонемы /l/ показан на рисунке 8. В начале спектра мы наблюдаем четкую формантную структуру, которая соответствует акустическим характеристикам гласного заднего ряда /u/. Кроме того, заметна относительно большая интенсивность гласного.

Р и с у н о к 8. Эллиптизование /l/ в слове лужа

Важно отметить, что, как и процент замен, так и процент эллиптизаций одних и тех же согласных за полугодовой промежуток времени сокращается. Так, эллипсис фонемы /r/ составлял 8,8%, а на данном материале – 2%. Эллипсис фонемы /l/ в речи детей трёх лет – 10,6%, а в возрасте 3,7–3,9 лет – 3%. [Шуйская, 2017].

3. Заключение

Проведённый анализ реализаций согласных в речи детей 3,7–3,9 лет позволил прийти к следующим выводам.

Наибольшее количество замен выявлено среди согласных /r/ и /ʃ/. Это частично коррелирует с данными по заменам согласных в речи детей трёх лет. Переднеязычный твёрдый /r/ по-прежнему остаётся самым трудным для произнесения согласным и, как следствие, самым заменяемым. Однако если у трёхлетних детей процент замен /r/ и /r:/ составляет 86,9% и 80%, то промежуток в шесть месяцев позволяет детям в большей степени освоить артикуляцию мягкого согласного /r:/. При этом вторым по частотности замен теперь выступает согласный /ʃ/, процент замен которого ранее тоже был высоким (63%). Представляется важным в дальнейшем не только выявить процент замен в речи детей разного возраста, но и сравнить характер этих замен.

Полугодовая разница в возрасте от 3,1–3,3 лет до 3,7–3,9 лет отличает детскую речь в сокращении процента эллипсиса согласных. Как и прежде, дети предпочитают не эллиптизировать, а заменять согласные.

Перспективой настоящего исследования станет проведение перцептивного эксперимента с целью обращения к знанию носителей русского языка для определения фонологического статуса замен и эллипти-

рований согласных. Кроме того, следует сравнить полученные данные в репрезентации детей с учётом разных периодов их взросления и разных форм речи.

Список литературы

1. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи [Текст] / А. Н. Гвоздев. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 471 с.
2. Елисеева, М. Б. «Нормальные» ошибки в речи детей раннего возраста [Текст] / М. Б. Елисеева // Практическая психология и логопедия. – 2008. – № 2 (31). – С. 57–62.
3. Рыбников, Н. А. Язык ребёнка [Текст] / Н. А. Рыбников. – М., 1920. – 34 с.
4. Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста речи [Текст] // В. Штерн – Петроград, 1915. – 77 с.
5. Шуйская, Т. В. Слоговая структура слов в речи трёхлетних детей [Текст] / Т. В. Шуйская // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – № 3 (1). – С. 124–135.
6. Шуйская, Т. В. Элизия и эллипсис в речи детей трёх лет [Текст] / Т. В. Шуйская // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – № 3. (2). – С. 104–112.
7. Шуйская, Т. В. Акустические характеристики в речи ребёнка [Текст] / Т. В. Шуйская, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2016 – № 2 (3). – С. 123–137.
8. Boersma, P. Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.1 5) [Computer Program] / P. Boersma, D. Weenink. – Retrieved April 7, 2017 from <<https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.
9. Fox, A. V. Phonologically disordered German-speaking children [Text] / A. V. Fox, B. Dodd // American Journal of Speech-Language Pathology. – 2001. – № 10. – P. 291–307.
10. Grunwell, P. Clinical phonology. (2nd ed.) [Text] / P. Grunwell – London : Croom Helm. – 1987. – 224 p.
11. James, D. G. H. The use of phonological process in Australian children aged 2 to 7:11 years [Text] / D. G. H. James // American Journal of Speech-Language Pathology. – 2001. – № 13. – P. 109–128.

References

1. Gvozdev, A. N. (1961). *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Issues of child speech]. Moscow: APN RSFSR.
2. Eliseeva, M. B. (2008). «Normalnye» oshibki v rechi detei rannego vozrasta [«Normal» mistakes in young children speech]. *Prakticheskaya psihologiya i logopediya* [Practical Psychology and Speech Therapy], 2 (31), 57–62.
3. Rybnikov, N. A. (1920). *Yazyk rebenka* [Child speech]. Moscow.
4. Shtern, V. (1915). *Psihologiya rannego detstva do shestiletnego vozrasta rechi* [Psychology of children under six years old]. Petrograd.
5. Shujskaja, T. V. (2017). Slogovaya struktura slov v rechi trekhletnih detej [Syllable structure of words in the speech of 3-year-olds]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 124–135.

6. Shujskaja, T. V. (2017). Ehliziya i ehllipsis v rechi detej trekh let [Elision in 3-year-olds speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (2), 104–112.
7. Shujskaja, T. V., Androsova S. V (2016). Akusticheskie harakteristiki v rechi rebenka [Acoustic features of child speech sounds: consonants]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (3), 123–137.
8. Boersma, P., Weenink, D. (2016). *Praat: Doing phonetics by computer* (Version 5.4.1 5) [Computer Program]. Retrieved April 7, 2017 from <<https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.
9. Fox, A. V., Dodd, B. (2001). Phonologically disordered German-speaking children. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 10, 291–307.
10. Grunwell, P. (1987). *Clinical phonology* (2nd ed.). London : Croom Helm.
11. James, D. G. H. (2001). The use of phonological process in Australian children aged 2 to 7:11 years. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 13, 109–128.

УДК 811.512.212, 81'33
UDC 811.512.212, 81'33

Копьёва Дарья Александровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Daria A. Kop'iova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
dasha.kop.da@mail.ru

Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
androsova_s@mail.ru

**«ЯЗЫКОВОЕ ГНЕЗДО» КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
СОХРАНЕНИЯ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ***
**«LANGUAGE NEST» AS A WAY TO SOLVE THE PROBLEM
OF PRESERVING THE EVENKI LANGUAGE
IN THE AMUR REGION**

Аннотация

Статья посвящена проблеме исчезновения языков коренных малочисленных народов российского Севера, проживающих на территории Амурской области. В качестве одного из способов решения данной проблемы рассматривается языковое гнездо как подход к обучению языкам, основанный на идеи погружения в языковую среду в процессе образования и воспитания будущего поколения. Реализация принципов один воспитатель – один язык, использование только этнического языка и мотивация вместо принуждения обеспечивает значительно более эффективное усвоение языка, а также формирование билатерального билингвизма, повышающего жизнеспособность исчезающего языка. Ситуация рассматривается на примере эвенкийского языка.

Abstract

The present article focuses upon the problem of endangered languages of native minorities living in the Russian North, particularly in the Amur Region. One of the ways to solve the problem could be so called «Language Nest» as an approach to language teaching and learning that is based on the idea of language dive during education and up-bringing of the future generations. Applying the principles one teacher – one language, the use of only ethnic

---

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

language and motivation instead of forcing provides a considerably more effective language acquisition as well as bilateral bilingualism forming that in its turn increases an endangered language vitality. The situation with the Evenki language is viewed as an example.

Ключевые слова: языки коренных малочисленных народов Севера, языковое гнездо, образование, исчезновение языков, возрождение языков.

Keywords: languages of native minorities of the North, language nest, education, disappearing of languages, language revitalization.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_17_25

1. Введение

Язык является важнейшей составляющей культурного наследия и этнического самосознания любого народа. Поскольку каждая этническая группа представляет собой определённое языковое сообщество, и утрата языка неизбежно ведёт к потере её этнокультурной самобытности и в конечном итоге – к исчезновению этноса. Вместе с языком утрачиваются уникальные для каждой языковой группы представления об устройстве мира и локальной среды, культурные традиции и социальные нормы.

В настоящее время проблема утраты языков приобрела по-настоящему глобальный характер (см., напр., книгу Л. А. Гренобль и Л. Дж. Уэйли [Grenoble, Whaley, 2006]). В современном мире насчитывается более 6000 языков, большая часть из которых находится под угрозой исчезновения. Считается, что к концу 21 в. сохранится лишь около 10% из ныне существующих языков, в результате чего радикально сократится разнообразие человеческих культур и этносов. В то время, как человечество уже достаточно давно осознало важность охраны биологического разнообразия, проблема сохранения языков только недавно стала привлекать пристальное внимание научного мира и языковых сообществ [Crystal, 2000].

Культура коренных малочисленных народов России, численность которых неуклонно сокращается, привлекает всё большее внимание исследователей. Этому во многом способствует государственная политика по сохранению национально-исторических корней, возрождению национального самосознания (см. подробнее [О выполнении..., 2013]). Одним из аспектов процесса сохранения культурного наследия автохтонов является создание языковой среды для данного этноса. Языки в той или иной степени утрачиваются практически во всех странах мира. Несмотря на то, что в России существует давняя традиция многонациональности, многие из языков, на которых говорят на её территории, также находятся под угрозой исчезновения. К таким языкам относятся, в первую очередь, языки малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Эвенкийский язык в Амурской области не является исключением. В настоящее время на территории Амурской области коренные малочисленные народы – эвенки – говорят, в основном, на русском языке, за исключением

старшего поколения, всё ещё говорящего на эвенкийском. Эвенкийский язык является исчезающим. С каждым годом количество говорящих на нём неуклонно сокращается. Этот язык уже почти не используется для речевой коммуникации и не передаётся молодому поколению. Несмотря на то, что эвенкийский язык преподается в некоторых школах (местах компактного проживания эвенков Амурской области), среднее и молодое поколение коренных народов им практически не владеет [Груздева, 2017].

Очевидно, что в нынешней ситуации для сохранения и возрождения эвенкийского языка необходимо использовать максимально эффективные методы их восстановления или, как говорят лингвисты, ревитализации. К таким методам, хорошо зарекомендовавшим себя в различных частях мира, относятся: образование «языковых гнезд» и изучение родного (этнического) языка как второго или унаследованного языка.

2. Языковое гнездо

«Языковое гнездо» – это детский сад или группа в детском саду, функционирующие исключительно на возрождаемом языке. Дети приходят в языковое гнездо, как правило, не зная этого языка. Педагоги с самой первой минуты говорят с ними только на возрождаемом языке. Фактически, это полное языковое погружение (см. подробнее [Лаурен, 1992]) в раннем дошкольном возрасте. Опыт показывает, что, как это ни удивительно, дети начинают понимать язык уже через несколько месяцев, а впоследствии и сами начинают говорить на нём. Предполагается, что уровень языковой компетенции повышается у детей в течение всего периода обучения языку в детском саду, после чего дети продолжают изучение языка в школе [Лаурен, 1992].

Изучение родного (этнического) языка как второго или унаследованного языка нацелено прежде всего на тех представителей языкового сообщества, которые хотели бы улучшить своё владение языком, а также на тех, кто не владеет языком, но хотел бы изучить его и стать его активным носителем.

Такое изучение хорошо ориентировать, прежде всего, на практическое владение языком. Языки, особенно языки малочисленных народов, по существу являются средствами устной коммуникации, и главной задачей ревитализации является сохранение их устных функций в нормальном повседневном общении.

Здоровое языковое сообщество должно включать активных носителей языка из всех возрастных групп. Особенno важно, чтобы язык всё время передавался младшему поколению.

За последние десятилетия в мире накоплен достаточно большой опыт успешной ревитализации исчезающих языков. Одним из самых ярких примеров является язык маори в Новой Зеландии, где впервые был разработан метод языковых гнёзд, показавший свою эффективность. С помощью указанного метода также удалось возродить инари-саамский язык, на котором говорят на севере Финляндии, и другие саамские языки в Фин-

ляндии, Швеции и Норвегии [Pasanen, 2003]. Увенчалась успехом и программа по возрождению гавайского языка на Гавайских островах – в конце прошлого столетия удалось переломить тенденцию резкого сокращения числа носителей гавайского языка, который теперь используется даже в университетском образовании. Главной идеей «языкового гнезда» было обеспечить полное языковое погружение, при котором язык выступает не как объект обучения, а как средство общения (подробнее о применении данного метода для обучения французскому языку детей англоговорящих родителей на франкоязычных территориях Канады см. [Laurén, 1992]). Овладение национальным языком по методике «языкового гнезда» осуществлялся на основе интеграционного подхода к содержанию и приёмам организации погружения детей в языковую среду, позволяющего создавать благоприятные условия для практического овладения языком.

В новой образовательной системе методические проблемы обучения детей родным, национальным языкам требуют своего переосмыслиния с точки зрения процессов овладения изучаемыми языками в различных условиях. В связи с этим, важное значение имеет создание условий в дошкольном образовательном учреждении, обеспечивающих усвоение национального языка, изучение национальных реалий, культуры, традиций народа – носителя языка. У ребёнка умение осваивать язык выражено лучше, чем у взрослого. Как же ребёнок учит свой первый, родной язык? Сначала он слышит речь, ничего не понимая. Постепенно начинает понимать то, что он слышит, и повторять. Это простой естественный процесс: слышишь, слушаешь, понимаешь, говоришь. Метод обучения языку, когда создаются условия обучения наиболее близкие к естественным, принято называть языковым погружением.

В дошкольном возрасте ребёнок более восприимчив к языкам: обучается языкам в игровой форме, мгновенно усваивая язык. Как начать обучение в детском саду? Можно выделить ряд условий, которые, на наш взгляд, абсолютно необходимо соблюдать.

1. Язык следует изучать в естественной обстановке.
  2. Обязательно придерживаться важного принципа: один воспитатель – один язык.
  3. Воспитатель должен говорить только на изучаемом языке, при этом, язык воспитателя должен быть родным или он должен говорить на нём на очень высоком уровне.
  4. Язык нельзя заставлять учить. Вместо этого, необходимо мотивировать ребёнка говорить.
- В результате языкового погружения должны быть решены следующие задачи:
- 1) функциональное знание второго языка;
  - 2) знание родного языка соответственно возрасту;
  - 3) понимание культуры второго языка и осознание её ценности;
  - 4) знание других языков на хорошем уровне (напр., государственного русского и международного английского).

Согласно А. Пасанен [Пасанен, 2003] «языковое гнездо» представляет собой особую форму обучения дошкольников, реализуемую на национальном языке малочисленного народа того или иного региона. Данная форма основана на принципе, аналогичном раннему и полному языковому погружению, когда ребёнок, изначально в семье усваивающий доминирующий язык – язык национального большинства (напр., на русский), попадает в «языковое гнездо» дошкольного учреждения, в котором персонал во всех без исключения ситуациях общается с ребёнком только на соответствующем этническом языке (напр., на том или ином говоре эвенкийского языка). В таких условиях понимание ребёнком нового языка начинается практически сразу. В первые дни такого погружения дети научаются соотносить фонетический облик слов и фраз с их семантикой.

Пусть и немногочисленный, международный опыт применения подхода «языковое гнездо», накопленный в ходе работ по спасению языков малочисленных народов, позволяет утверждать, что в результате пребывания в «языковом гнезде» ребёнок начинает понимать большую часть обращённой к нему устной речи. Временные рамки периода, после которого ребёнок начинает сам говорить на языке, могут значительно варьироваться: у одних детей это происходит быстрее, а другие затрачивают больше времени. Определённая часть детей может повторять слова на этническом языке вслед за педагогом уже с первых дней, тогда как другим для этого требуются долгие месяцы.

А. Пасанен [Пасанен, 2003] выделяет два важнейших принципа.

1. Воспитатели обращаются к обучаемому исключительно на изучаемом этническом языке, при этом перевод сказанного на знакомый ребёнку доминирующий язык не допускается. Причина состоит в том, что при использовании воспитателем обоих языков ребёнок будет автоматически рассчитывать на такое облегчение и в дальнейшем, поэтому усвоивание этнического языка так и не преодолеет нулевую точку.

2. Дети должны иметь возможность общения на любом из двух языков. На начальном этапе, согласно естественному положению вещей, обучаемые будут отдавать предпочтение только изначально усвоенному доминирующему языку в силу неразвитости умений и навыков общения на другом языке. Исключение составляют самые маленькие обучаемые, у которых ещё не развиты навыки говорения ни на каком языке. В сложившейся ситуации перед воспитателями стоит задача изначально показать факт понимания всего произнесённого ребёнком на доминирующем языке. Это обеспечит обучаемым столь важное в новой обстановке чувство безопасности и создаст доверительную атмосферу: дети будут осознавать, что их нужды будут удовлетворены, несмотря на непонимание нового языка, которым пользуются воспитатели в самом начале обучения. Ребёнка, уже освоившегося в «языковом гнезде» (если имеются соответствующие признаки), можно мотивировать к говорению на этническом языке, но при этом какие-либо элементы принуждения должны быть полностью исключены.

В каждый вид детской деятельности внедрены наиболее приемлемые для определённого возраста и сезона игры, наблюдения, темы для общения педагога с детьми, подвижные игры и развлечения. Один из первых и основных приёмов в начале работы группы – это использование речевых штампов-образцов, которые являются неизменными. В работе по речевому развитию нужно использовать упражнения на словообразования. Во всех видах деятельности следует регулярно использовать пальчиковую и артикуляционную гимнастику. Одновременно необходимо вести работу по поддержанию родителей в их желании использовать национальный язык в домашних условиях. Проводить обучающие, информационно-установочные и образовательные семинары для родителей, мастер-классы, анкетирование, совместную образовательную деятельность с детьми на национальном языке, праздники и развлечения. Особое внимание отводится мониторингу достижений детей в овладении языком и воспитательно-образовательного процесса в группе в целом.

«Языковое гнездо» является эффективным способом содействия формированию так называемого билатерального билингвизма, в условиях которого не только национальное меньшинство овладевает языком национального большинства, но и национальное большинство овладевает языком национального меньшинства.

На территории России, перечисленные выше методы ревитализации особенно активно применяются для возрождения некоторых финно-угорских языков, в том числе карельского, вепсского и языка коми. Хорошие результаты достигнуты также на Таймырском полуострове среди носителей энечского, нганасанского и долганского языков. Для детей, изучающих эти языки, были созданы «языковые гнёзда», в результате чего за несколько лет работы удалось вырастить группы детей, говорящих на этих языках. Следовательно, заложена основа для дальнейшего развития данных языковых сообществ [Груздева, 2017].

В настоящее время эвенками Якутии, предпринимается попытка создания образовательной модели с использованием возможностей социальной сети. Эвенки Якутии запускают общественную инициативу – социально-лингвистический эксперимент «Языковое гнездо Эвэды». В основе его методики лежит «языковое гнездо», с помощью которого будет создаваться искусственная среда общения на родном языке посредством мессенджера WhatsApp. Авторы идеи говорят: «Мы предлагаем нашим сородичам поддержать инициативу – создавать компактные социальные группы в мессенджерах, привлекая носителей языка, педагогов и невладеющих эвенкийским языком. Структура обучения и эффективного обучающего общения будет строиться опытным путём. Будет необходим обмен опытом и системная корректировка» [Эвенки в контакте, 2017].

При применении методики «языкового гнезда» к обучению эвенкийскому языку в дошкольных учреждениях Амурской области требуется обучать детей слушать и понимать звучащие эвенкийские тексты различных типов (диалоги, полилоги и монологи) и жанров (песни, стихи, сказки, загадки и т. п.), произносимые мужскими и женскими голосами.

В данной ситуации материалы Речевого корпуса эвенкийского языка (РКЭЯ) предоставляют широкий спектр возможностей лингвометодической работы для формирования и дальнейшего развития навыков слухового восприятия эвенкийской речи, а также навыков порождения высказывания, адекватного для каждой конкретной ситуации. В проекте РКЭЯ представлено определённое количество тем бытового общения, типичных для традиционных видов деятельности амурских эвенков (оленеводство, охота, рыболовство, выделка шкур, приготовление традиционных эвенкийских блюд и т. д.). В корпусе преобладают монологические тексты целиком на эвенкийском языке, логически завершённые, которые являются бесценным материалом для аудирования, пригодными для использования на всех этапах изучения языка. От элементарного уровня (напр., ситуация знакомства с информацией об имени, фамилии, возрасте, образовании, месте жительства и т. д.) до уровня практически свободного владения языком (например, прослушивание песенных эпических сказаний) [Морозова 2017, с. 54–55].

3. Выводы и перспективы

Работа по возрождению этнических языков может послужить толчком для решения многих проблем, которые не имеют прямого отношения к языку. Известно, что повсюду в мире малочисленные народы нередко подвергаются социальной и экономической маргинализации, которая может быть преодолена или, по крайней мере, уменьшена благодаря восстановлению и повышению статуса языков этих народов. Успешная ревитализация языка автоматически ведёт к повышению самосознания его носителей, что в свою очередь стимулирует их социальную и экономическую активность. Кроме того, известно, что приобретённое в раннем детстве двуязычие имеет только положительное влияние на умственное развитие человека. Двуязычному человеку всегда легче овладевать и другими языками, и он легче адаптируется в многоязычной среде.

Следует подчеркнуть, что ревитализация местных языков не влияет на то положение, которое занимают и должны занимать более «сильные» государственные и международные языки. Возрождение языков коренных народов эвенков Амурской области предлагает конкретный путь к интеграции локальных традиций и современного мира, в котором всё больше растет понимание необходимости сохранения разнообразия этносов, культур, языков и окружающей их среды.

Для возрождения и успешного сохранения языков коренных малочисленных народов Севера недостаточно применения методики «языкового гнезда» только в дошкольных учреждениях – её необходимо применять и в школах. Для использования этой методики требуется наличие квалифицированных педагогов, методистов, разработка учебной литературы с акцентом на разговорную направленность обучения языку.

Необходимо отметить, что именно система образования является единственным эффективным инструментом воспроизведения и реальной

поддержки знания языков коренных малочисленных народов Севера. Как уже отмечалось, согласно результатам социологических исследований, знание родных языков коренных малочисленных народов Севера, сохраняют преимущественно представители старших возрастных групп, в то время как дети и молодёжь уже не владеют языком своих предков, в семьях на этнических языках почти не общаются.

Поэтому одним из способов, с помощью которого находящийся под угрозой язык национального меньшинства может быть передан ребёнку в ситуации, когда это невозможно сделать в семье, является «языковое гнездо». Этот способ позволяет активизировать роли семьи и сообщества и выступает в качестве мостика, по которому ребенку передаются язык и культура. Язык при этом является не объектом изучения, а средством общения и познания родной культуры. Созданный в Амурском государственном университете Речевой корпус эвенкийского языка способен оказать ощутимую помощь в создании необходимой языковой среды.

Список литературы

1. Груздева, Е. Сохранение и возрождение языков коренных народов Сахалина [Электронный ресурс] / Е. Груздева, Ю. Янхунен. – ОМОО «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры КМНС «Кыыхкых» («Лебедь»)», 2017. – Режим доступа: <<http://www.kykhkykh.org/>>. (дата обращения 10.08.2017).
2. Морозова, О. Н. Эвенкийская устная спонтанная речь на занятиях по аудированию родного языка для невладеющих [Текст] / О. Н. Морозова // Казанская наука. – 2017. – № 2. – С. 53–55.
3. О выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Российской Федерации в рамках третьего цикла мониторинга [Электронный ресурс] : доклад, 30.04.2013 // Council of Europe. National minorities. – Режим доступа: <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_3rd_SR_RussianFed_ru.pdf>. (дата обращения 10.08.2017).
4. Эвенки в контакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<https://vk.com/evenkil>>. (дата обращения 10.08.2017).
5. Crystal, D. Language Death [Text] / D. Crystal. – New York : Cambridge University Press, 2000. – 208 p.
6. Grenoble, L. A. Saving languages. An introduction to language revitalization [Text] / L. A. Grenoble, L. J. Whaley. – New York : Cambridge University Press, 2006. – 237 p.
7. Laurén, C. Kielikylpykoulu ja sen taustaa [Text] / C. Laurén // Kielikylpymenetelmä: kielen käyttö mielekkääksi / ed. by C. Laurén. – Vaasa. Vaasan yliopiston täydennyskoulutuskeskus, 1992. – P. 11–22.
8. Пасанен, А. (2003). «Языковое гнездо» и проект «Финно-угорское языковое гнездо»: история вопроса, содержание и цели [Электронный ресурс] / А. Пасанен. – Режим доступа: <komishkola.ucoz.ru/annika_pasanen.doc>. (дата обращения 10.08.2017).

References

1. Gruzdeva, E., Yankhunen, Yu. (2017). Sokhranenie i vozrozhdenie yazykov korennykh narodov Sakhalina. *Center for traditional culture preservation and development «Swan»*. Retrieved August 10, 2017 from <<http://www.kykhkykh.org/>>.
2. Morozova, O. N. (2017). Evenkiyskaya ustnaya spontannaya rech' na zanyatiyakh po audirovaniyu rodnogo yazyka dlya nevladeyushchikh [The Evenki spontaneous speech at the lessons on listening comprehension of the native language for Russian speaking Evenks]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2, 53–55.
3. O vypolnenii polozheniy Ramochnoy konventsii o zashchite natsional'nykh men'shinstv Rossiyskoy Federatsii v ramkakh tret'ego tsikla monitoringa [3rd CM Resolution. Framework Convention for the Protection of National Minorities]. *Council of Europe*. National minorities. Retrieved August 10, 2017 from <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_3rd_SR_RussianFed_ru.pdf>.
4. Evenki v kontakte [Evenks in contact]. Retrieved August 10, 2017 from <<https://vk.com/evenkil>>.
5. Crystal, D. (2000). *Language Death*. New York : Cambridge University Press.
6. Grenoble, L. A., Whaley, L. J. (2006). *Saving languages. An introduction to language revitalization*. New York : Cambridge University Press.
7. Laurén, C. (1992). Kielikylpykoulu ja sen taustaa. In C. Laurén, *Vaasan yliopiston täydennyskoulutuskeskus* (pp. 11–22). Vaasa.
8. Pasanen, A. (2003). «Yazykovoe gnezdo» i proekt «Finno-ugorskoe yazykovoe gnezdo»: istoriya voprosa, soderzhanie i tseli [«Language nest» and the project «Finn-Ugric language nest»: History, content, and goals]. Retrieved August 10, 2017 from <komishkola.ucoz.ru/annika_pasanen.doc>.

**УДК 81'23, 81'36
UDC 81'23, 81'36**

Кравченко Евгения Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская федерация
Evgeniya V. Kravchenko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
kravchenko0992@mail.ru

**КЛАССИФИКАЦИИ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
CLASSIFICATIONS OF MODAL PARTICLES
IN MODERN CHINESE**

Аннотация

В данной статье речь пойдёт о классификациях модальных частиц современного китайского языка, которые были разработаны отечественными и китайскими исследователями-грамматистами. Использование модальных частиц является одной из наиболее характерных особенностей китайского языка. Основные их функции – эмоционально-смысловое выделение и выражение добавочного значения. Модальные частицы оказывают большое влияние на перевод предложения и могут кардинально изменить его смысл и интонацию. Данный факт придаёт модальным частицам китайского языка значимость и актуальность для изучения. Из-за многочисленности модальных частиц исследователями были разработаны независимые друг от друга классификации в соответствии с различными критериями, среди которых частота встречаемости, типы передаваемой интонации, позиция в предложении, количество слогов и типы передаваемых смысловых оттенков. Изучающим китайский язык важно освоить основные особенности модальных частиц для правильного речепроизводства и адекватного речевосприятия.

Abstract

In this article, classifications of modal particles of modern Chinese developed by Russian and Chinese researchers of grammar are discussed. The use of modal particles is one of the most characteristic features of the Chinese language. Their main functions are emotional-semantic accentuation and expression of additional meaning. Modal particles have a significant influence on the sentence translation, and can drastically change its meaning and intonation. This fact makes the modal particles of the Chinese language relevant for further studying. Abundance and variety of modal particles encouraged researchers to develop independent classifications based on different criteria including frequency of occurrence, types of intonation expressed, location in the sentence, number of syllables, and the expressed types of meanings. It is important for Chinese-as-L2 learners to master the variety of modal particles for correct speech production and adequate speech perception.

Ключевые слова: модальные частицы, классификация, интонация, смысловое значение, добавочный оттенок.

Keywords: modal particles, classification, intonation, semantic meaning, additional meaning.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_26_34

1. Введение

Язык как средство коммуникации между людьми является живым отражением их культуры и быта. Посредством языка люди общаются между собой, передают своё психоэмоциональное состояние, свои чувства и переживания. Как раз модальные частицы, о которых пойдёт речь в данной статье, являются средством эмоционально-смыслового выделения слов и целых предложений, средством передачи добавочных оттенков в речи. В речи китайцев закрепилась привычка выражать свои эмоции не только с помощью интонации голоса, но и путём использования модальных частиц. Модальные частицы так плотно вошли в жизнь китайцев, что некоторые предложения без той или иной модальной частицы в конце предложения, являются незаконченными.

По причине того, что они обычно помещаются в конце предложения, их часто называют фразовыми, или конечными частицами. Однако иногда модальные частицы могут находиться и в середине предложения после подлежащего или обстоятельства [Ян Юйлин, 2011, с. 214–215]. Примером является следующее предложение: 我来了呀, 我就是厂长 [Юй Хуа, 2005, с. 284]. – Я пришёл, я и есть директор завода (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. К.). Это употребление частиц является довольно широко распространённым, поэтому, мы считаем термин конечные или фразовые неподходящим для характеристики модальных частиц.

С помощью модальных частиц легко передать эмоции на письме, просто необходимо использовать частицу, которая внесёт тот или иной эмоциональный оттенок. Кроме передачи эмоционально-смылового контекста, модальные частицы могут использоваться для образования общего и риторического вопроса, для обозначения перечисления, для выделения отдельных слов в предложении, для образования повелительного наклонения глагола и тому подобного.

По причине того, что модальные частицы так значимы для китайского языка в целом и выполняют столь различный набор функций, большое количество исследователей китайского языка уделяют внимание изучению и описанию основных свойств и особенностей модальных частиц. Проведя глубокий анализ, учёные разработали некоторые независимые друг от друга критерии, в соответствии с которыми вывели несколько классификаций частиц.

2. Классификации китайских модальных частиц

2.1. Критерий частотности

Во-первых, из всего многообразия модальных частиц выделяются шесть частиц китайского языка – 了, 啊, 呀, 呢, 吧, 的, которые являются наиболее употребительными модальными частицами в современном разговорном и письменном языке [Симатова, 2014, с. 32–33].

Китайские исследователи-грамматисты Бай Сяохун и Чжан Бинь называют данную группу частиц «典型» классическими. Остальные частицы им были названы «一般» обычные, в связи с ограниченностью значений и наименьшей частотностью употребления. В группу «一般» обычные входят следующие частицы: 嘛, 啦, 么, 哟, 呀, 咯, 哟, 哩, 哟, 哪, 哥, 呕, 咯, 也好, 也罢, 的话, 着呢 (着呐), 罢了, 便了, 而已, 不可, 不成, 不行, 也就是 и другие. [Бай Сяохун, 2007, с. 247], [Чжан Бинь, 2000, с. 266].

2.2. Тип передаваемой интонации

Во-вторых, выделяются четыре группы модальных частиц в зависимости от передаваемой интонации: повествовательные, восклицательные, вопросительные и побудительные [Ян Юйлин, 2011, с. 215]. Некоторые группы частиц делятся на подгруппы в соответствии с передаваемым оттенком значения, таких как: сомнение, удивление, недовольство, раздражение и тому подобные.

К основным повествовательным частицам относятся частицы: 呢, 的, 罢了, 了, 啊, 啦, 呀, 嘛. К основным восклицательным частицам относится частица 啊 и её производные, так как данная частица при сочетании с разными словами может изменять чтение. После слов, заканчивающихся на звуки -i, a, o, e, ÿ, частица 啊 а читается как 呀 ya, после – u (ao, iao) читается как 哇 wa, после – g меняет своё чтение на 哪 (呐) na [Ян Юйлин, 2011, с. 215]. Основными вопросительными частицами китайского языка являются частицы: 嗎, 吧, 呢, 啊. Основными побудительными считаются частицы: 吧, 啊, 呀, 嘛, 哪, 哇 [Бай Сяохун, 2007, с. 250 – 252].

В данной классификации мы можем наблюдать, что некоторые частицы одновременно входят в несколько групп. Но стоит отметить, что, употребляясь в разных типах предложения, частицы вносят разные добавочные значения или же выполняют разную функцию. Рассмотрим данное явление на примере частиц 啊 и 吧.

Частица 啊 входит во все группы частиц данной классификации. Употребляясь в повествовательных предложениях, частица 啊 вносит пояснительный, предупредительный смысл, обычно используется, чтобы подчеркнуть сказанное. Например: 你大点说, 我听不清楚啊 [Хоу Сюэчо, 1998, с. 1]. – Говори немного громче, я не слышу. В восклицательных предложениях данная частица выражает восхваление, радость, приятное удивление. Например: 自己是多么愿意和他互换角色啊 [Линь Цзяньфа, 2005, с. 412]! – А как же бы сами хотели поменяться с ним ролями! В побудительных предложениях частица 啊 изменяет тон приказа на предупреждение, поучение, интонация предложения становится более низкой. Например: 你们等等我啊 [Хоу Сюэчо, 1998, с. 2] – Подождите меня. В предложениях с общим вопросом выражает сомнение и удивление спрашивающего. Например: 我们是不是也一定要说这方面啊 [Линь Цзяньфа, 2005, с. 11]? – И нам обязательно нужно идти и говорить об этом?

Частица 吧 входит в группу вопросительных и побудительных частиц. Когда частица употребляется в вопросительных предложениях с общим вопросом, говорящий предполагает каким будет ответ, спрашивает только для того, чтобы убедиться. В переводе на русский язык часто добавляются частицы ведь, же и другие. Например: 又是你们家打来的电话吧 [Линь Цзяньфа, 2005, с. 468]? – Это же снова из твоего дома звонят? Иногда в вопросительных предложениях данная частица может выражать недовольство собеседником. Например: 开什么玩笑, 军大衣, 还戴着皮帽子吧 [Линь Цзяньфа, 2005, с. 170]? – Что за шутки, военное пальто, ещё и кожаную кепку надел? Обычно в таких предложениях интонация очень высокая. В повелительных предложениях частица 吧 может выражать просьбу и приказ. Однако данная частица смягчает форму приказа, больше напоминает совет, просьбу, предложение. Например: 一切听你的, 你说吧 [Линь Цзяньфа, 2005, с. 37] – Все ждут, что ты скажешь, говори.

2.3. Позиция в предложении

Критерием третьей классификации является позиция частицы в предложении. В соответствии с занимаемым в предложении положением, частицы делятся на два вида: 1) частицы, которые могут стоять только в конце предложения; 2) частицы, которые могут находиться в середине предложения. Частиц, которые могут стоять в середине предложения немного, они все одновременно относятся к этим двум видам, то есть могут стоять и в конце предложения, и в его середине. К ним относятся частицы: 啊, 呢, 吧, 么, 嘛, 哪, 啦 и некоторые другие.

При этом употребляясь в разных позициях, частицы изменяют своё значение. Рассмотрим пример с частицей 呢 в обеих позициях. В конце предложения частица может обозначать убеждённость в высказывании и небольшое преувеличение (оттенок преувеличения лучше всего просматривается при употреблении частицы в конструкции «才 / 可 / 还 + глагол / прилагательное + 呢»). Например: 他还会做诗呢 [Люй Шусян, 1996, с. 366] – Он *ещё и стихи писать умеет*. В середине предложения частица 呢 акцентирует внимание на каком-либо слове, аналогично «говоря о, что касается...». Например: 其实呢, 他不来也好 [Люй Шусян, 1996, с. 366] – На самом деле, если он не придёт, тоже нормально. Также частица может быть использована в середине предложений с придаточным условия, в первой его части. Например: 我吃狗肉呢, 你们觉得我不对 [Линь Цзяньфа, 2005, с. 439]? – Если я буду есть собачье мясо, вы думаете, я буду неправ?

2.4. Слоговой состав

Критерием четвёртой классификации модальных частиц является их слоговой состав. Частицы бывают односложными, двусложными и трёхсложными. К односложным частям кроме шести классических (啊, 呀, 呢, 了, 的, 吧) относятся 嘛, 啦, 么, 哟, 唠, 呗, 呢, 哩, 呃, 呦, 呤, 呬, 呔, 呦, 呫, 呮 и другие. Двусложными являются частицы: 也好, 也罢, 的话, 着呢 (着呐), 罢了, 便了, 似的, 而已, 不可, 不

成, 不行 и другие. Трёхсложных частиц значительно меньше, в качестве примера можно привести наиболее часто встречаемую частицу 就是了, значение которой на русский язык может переводиться как «только и всего». Например: 我一定按期完成, 你放心就是了 [Люй Шусян, 1996, с. 366] – Я обязательно закончу вовремя, ты успокойся (*И не сомневайся в этом*).

В группе односложных частиц можно выделить базовые частицы и производные, что служит критерием для ещё одной классификации. Производные частицы могут образовываться на основе базовых частиц, но при этом изменяют их чтение под влиянием различных внешних условий (выше был приведён пример изменения чтения частицы 啊 в зависимости от конечной буквы предыдущего слова). Кроме этого, производные частицы могут образовываться путём слияния чтения двух последовательно расположенных в предложении частиц.

Производными частицами являются частицы, образованные на основе следующих частиц:

- 1) 啊: 呵; 呀; 哇; 哪; 哈; 哟; 哎; 哟;
- 2) 吧: 呗, образованная при слиянии чтения частиц 罢 и 啊; 嚥 – слияние чтения частиц 吧 и 呕;
- 3) 了: 啦 – слияние чтения 啊 и 了; 咯, 嘲, 嘬 и 噏 – слияние чтения 了 и 哟;
- 4) 吗: 么(麼), 嘞, 嘛 – слияние чтения 么 и 啊;
- 5) 呢: 呐, 哩, 呗, 哪 – слияние чтения 呢 и 啊 [Чжан Бинь, 2000, с. 266–267].

Чжу Дэси отмечает, что слияние чтения частиц происходит, когда вторая частица является гласным звуком [Чжу Дэси, 1999, с. 207].

Следует отметить, что модальные частицы, которые образуются при слиянии чтения двух других частиц, то есть при их последовательном употреблении, могут нести смысловое значение каждой из этих двух частиц, или же это может быть частица, которая имеет одинаковое написание и чтение с производной от двух последовательно расположенных частиц, но значение несёт другое. Например, частица 啦, которая образуется путём последовательного употребления частиц 了 и 啊 передаёт и значение частицы 了 – изменение ситуации, наступление нового состояния, и значение частицы 啊 – восклицание, восхваление, воодушевление. Рассмотрим пример: 春天啦 [Хоу Сюэчо, 1998, с. 377]! – Пришла весна! 太好啦 [Линь Цзяньфа, 2005, с. 452]! – Прекрасно! Но также есть частица 啦, которая никак не связана с частицами 了 и 啊, она обычно используется при перечислении. Например: 小李多才多艺, 唱歌啦, 跳舞啦, 画画啦, 他都会 [Бай Сяохун, 2007, с. 247] – Сяо Ли такой талантливый, и петь, и танцевать, и рисовать, всё умеет. 比如朋友啦, 比如父母啦, 比如别的什么人啦, 但那个比率是很小的 [Линь Цзяньфа, 2013, с. 121] – Например друзья, родители, другие люди, но это маловероятно.

2.5. Классификации Чжу Дэси и Ван Ляои (Ван Ли)

Среди классификаций модальных частиц выделяются классификации двух китайских лингвистов – Чжу Дэси и Ван Ляои (Ван Ли), которые следует рассмотреть более подробно.

Классификация модальных частиц китайского исследователя Чжу Дэси имеет свои особенности. Исследователь разделяет модальные частицы на три группы.

К первой группе он относит модальные частицы, выражающие время и состояние: 了, 呢 1. К этой же группе модальных частиц исследователь относит частицу 来着, которую большинство исследователей вообще не считает модальной. Однако мнение исследователя Чжу Дэси можно объяснить тем, что в отличие от видо-временных частиц, в группу которых относят её большинство лингвистов, частица 来着 исторически связана с морфемой-модификатором 来 и поэтому не обязательно стоит непосредственно после глагола (как другие видо-временные показатели), а может быть отделена от него дополнением или так называемым зависимым подлежащим, что сближает её с модальными частицами, которые обычно стоят в конце предложения [Чжу Дэси, 1999, с. 208]. Например: 我今天看見王同志來着。 – Я сегодня виделся с товарищем Ваном [Драгунов, 1952, с. 131–132].

Ко второй группе модальных частиц, Чжу Дэси относит частицы, выражающие восклицание и вопрос: 呢 2, 呀 (么), 吧 1, 吧 2. При этом исследователь указывает на то, что частицы 呢 1 и 呢 2, 吧 1 и 吧 2 произносятся и записываются одинаково, но выполняют разные функции: 呢 1 выражает временную категорию, 呢 2 используется при образовании вопроса, 吧 1 также используется при образовании вопроса, а 吧 2 для выражения побуждения к действию.

Чжу Дэси утверждает, что частицы названных двух групп используются для выражения грамматического значения, в отличие от частиц третьей группы, которые выражают отношение и эмоции говорящего. К данной группе исследователь относит частицы: 啊, 呃, 嘿, 呢 3, 欸.

Существует определённый порядок употребления частиц этих трёх групп. Если в одном предложении встречаются частицы из разных групп, то частицы первой группы ставятся впереди, затем частицы второй группы, и только потом частицы третьей группы. В предложении возможно наличие только частиц двух групп, но порядок всегда сохраняется. Например: 下雨了吗? [Чжу Дэси, 1999, с. 208] – Пошёл дождь? В данном примере сначала употреблена частица 了, которая входит в первую группу – частицы, выражающие время и состояние, а затем частица 吗, которая относится к группе частиц, выражающих восклицание и вопрос.

Китайский лингвист Ван Ли [Ван Ляои, 1954, с. 89–105] утверждает, что модальные частицы ставятся всегда в конце предложения и выражают модальность всего предложения, то есть свойственную всему предложению в целом эмоциональную окраску. Он разделяет модальные частицы на двенадцать основных разрядов:

- 1) определённость – событие, о котором говорится в предложении, уже совершилось, и в то же время, в зависимости от контекста, может иметь оттенок грусти, сожаления, радости, желания и тому подобные (了);
- 2) разъяснение – подтверждение истинности какого-нибудь события, объяснение его причины и сущности (的);
- 3) подчёркивание – преувеличение действительности, намеренное усиление смысла сказанного (呢, 吧了);
- 4) вопрос – просьба сообщить о неизвестном / неясном (吗 (么), 呢);
- 5) риторический вопрос (吗, 么, 呢, 不成);
- 6) условие – лишь возможный, предполагающий факт (呢);
- 7) предположительность (吧);
- 8) повелительность (吧);
- 9) настоятельность (呀, 哇);
- 10) вынужденное согласие (也吧, 吧了, 去);
- 11) возмущение (吗, 么);
- 12) убедительность (啊, 呀, 哪, 咧).

3. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многообразие модальных частиц и выраженных ими значений, очень велико. Данный факт непосредственно побуждает исследователей грамматики китайского языка структурировать их и организовать в классы, различающиеся по значению и функции в предложении. В данной статье было приведено несколько независимых друг от друга классификаций. Критерии, по которым учёные-исследователи распределяли частицы, совсем разные. На основе анализа примеров использования некоторых модальных частиц, можно сделать вывод о том, что частицы одновременно могут входить в разные классы даже в пределах одной классификации, но значения, которые они передают, заметно различаются. Кроме того, некоторые частицы, могут совмещать в себе сразу несколько значений, это встречается при последовательном употреблении модальных частиц, в результате которого образуются производные частицы. Изучающим китайский язык необходимо комплексно подходить к освоению основных особенностей модальных частиц, для того, чтобы грамотно использовать их в речи и правильно толковать высказывание собеседника.

Список литературы

1. Ван Ляои. Основы китайской грамматики [Текст] / Ван Ляои / пер. с кит. Г. Н. Райской, под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Суньюаня. – М.: Изд-во иностр. Лит., 1954. – 263 с.
2. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка [Текст] / А. А. Драгунов. – М.: АН СССР, 1952. – 231 с.
3. Симатова, С. А. Частицы как способ выражения модальности в современном китайском языке [Текст] / А. С. Симатова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. Востоковедение. Африканистика. – 2014. – Вып. 4. – С. 23–37.

4. 白晓红。汉语虚词 15 讲。- 北京 : 北京语言大学出版社, 2007。- 315 页。(= Бай Сяохун. Пятнадцать лекций по служебным словам китайского языка [Текст] / Бай Сяохун. – Пекин : Бэйцзин юянь дасюэ чубаньшэ, 2007. – 315 с.).
5. 林建法, 王荣。2005 中国最佳短篇小说。- 沈阳 : 辽宁人民出版社, 2006。- 514 页。(= Линь Цзяньфа. Самые лучшие китайские рассказы 2005 года [Текст] / Линь Цзяньфа, Ван Жун. – Шэньян : Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2006. – 514 с.).
6. 林建法, 王荣。2013 中国最佳短篇小说。- 沈阳 : 辽宁人民出版社, 2014。- 301 页。(= Линь Цзяньфа. Самые лучшие китайские рассказы 2013 года [Текст] / Линь Цзяньфа, Ван Жун. – Шэньян : Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2014. – 301 с.).
7. 吕叔湘。现代汉语八百词。- 北京 : 商务印书馆, 1996。- 668 页。(= Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка [Текст] / Люй Шусян. – Пекин : Шан'у иньшугуань, 1996. – 668 с.).
8. 候学超。现代汉语虚词词典。- 北京 : 北京大学出版社, 1998。- 800 页。(= Хоу Сюэчao. Словарь служебных слов современного китайского языка [Текст] / Хоу Сюэчao. – Пекин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. – 800 с.).
9. 张斌, 张谊生。现代汉语虚词。- 上海 : 华东师范大学出版社, 2000。- 315 页。(= Чжан Бинь. Служебные слова современного китайского языка [Текст] / Чжан Бинь, Чжан Ишэн. – Шанхай : Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2000. – 315 с.).
10. 朱德熙。语法讲义。- 北京 : 商务印书馆, 1999。- 231 页。(= Чжу Дэси. Лекции по грамматике [Текст] / Чжу Дэси. – Пекин : Шан'у иньшугуань, 1999. – 231 с.).
11. 余华。兄弟。- 上海 : 文艺出版社, 2005。- 735 页。(= Юй Хуа. Братья [Текст] / Юй Хуа. – Шанхай : Вэнь'и чубаньшэ, 2005. – 735 с.).
12. 杨玉玲, 应晨锦。现代汉语语法答问 (上)。- 北京 : 北京大学出版社, 2011。- 266 页。(= Ян Юйлин. Ответы на вопросы по грамматике современного китайского языка [Текст] / Ян Юйлин, Ин Чэнъцзинь. – Ч. 1. – Пекин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2011. – 266 с.).

References

1. Wang Li (1954). *Osnovy kitayskoy grammatiki* [Essentials of Chinese grammar]. Moscow.
2. Dragunov, A. A. (1952). *Issledovaniya po grammatike sovremennoogo kitayskogo yazyka* [Research of modern Chinese grammar]. Moscow.
3. Simatova, S. A. (2014). Chastitsy kak sposob vyrazheniya modal'nostiv sovremennom kitayskom yazyke [Particles as a way of expressing modality in modern Chinese]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies], 4, 23–37.
4. Bai Xiaohong (2007). *Hànyǔ xūcí 15jiāng* [Fifteen lectures on Chinese functional words]. Beijing.

5. Lin Jianfa, Wang Rong (2006). 2005 *Zhōngguó zuìjiā duǎnpiān xiǎoshuō* [The best Chinese stories of 2005 year]. Shenyang.
6. Lin Jianfa, Wang Rong (2014). 2013 *Zhōngguó zuìjiā duǎnpiān xiǎoshuō* [The best Chinese stories of 2013 year]. Shenyang.
7. Lü Shuxiang (1996). *Xiàndài hànyǔ bābǎi cí* [Eight hundred words of the modern Chinese language]. Beijing.
8. Hou Xuechao (1998). *Xiàndài hànyǔ xūcí cídiǎn* [Modern Chinese dictionary of functional words]. Beijing.
9. Zhang Bin, Zhang Yisheng (2000). *Xiàndài hànyǔ xūcí* [Functional words of the modern Chinese language]. Shanghai.
10. Zhu Dexi (1999). *Yǔfǎ jiǎngyì* [Lectures on Grammar]. Beijing.
11. Yu Hua (2005). *Xiōngdì* [Brothers]. Shanghai.
12. Yang Yuling, Ying Chenjin (2011). *Xiàndài hànyǔ yǔfǎ dáwèn (Shàng)* [Answers to questions on the Grammar of modern Chinese. Part 1]. Beijing.

**УДК 811.511.142; 81'366.58
UDC 811.511.142; 81'366.58**

Лельхова Федосья Макаровна

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

Lelkhova Fedosja Makarovna

Ob-Ugrian Institute of Applied Researches and Development

Khanty-Mansiysk, Russian Federation

lelhovafm@yandex.ru

**ГЛАГОЛЫ ИНТЕНСИВНОГО ТЕМПА ДВИЖЕНИЯ
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
VERBS DENOTING INTENSE PACE OF MOVEMENT
IN THE KHANTY LANGUAGE**

Аннотация

В данной работе рассматривается семантическая структура глаголов интенсивного темпа движения в хантыйском языке. Глаголы движения обозначают перемещение живых существ в пространстве и во времени. Главным semanticическим признаком в их смысловой структуре является направление движения. Пространственными конкретизаторами являются: трасса движения, скорость, способ, исходный и конечный пункты. По интенсивности движения глаголы разделяются на две группы: глаголы интенсивного темпа движения и глаголы медленного темпа движения.

Abstract

The current paper views semantic structure of verbs denoting fast tempo of movement in the Khanty language. Verbs of movement denote changing location in space and time of living organisms. The major semantic feature in the structure of their meaning is movement direction. Specifiers of space location are: route, speed, way of movement, starting point, and destination. According to intensity, verbs of movement are divided into 2 groups: verbs of fast tempo movement and the ones of slow tempo movement.

Ключевые слова: хантыйский язык, лексико-семантическая группа глагола, семантика, лексическое значение слова.

Keywords: the Khanty language, lexico-semantic verb group, semantics, lexical meaning of a word.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_35_43

1. Введение

Во многих языках глагол отличается исключительной сложностью своего содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей. Глагол является

«самой сложной и самой ёмкой грамматической категорией русского языка» [Виноградов, 2001, с. 349]. Хантыйский язык – не исключение.

В хантыйской лингвистике большое внимание уделяется исследованию семантики ведущей части речи – глагола. Описание глагола занимает значительное место в изучении лексической системы хантыйского языка, поскольку особенности грамматического строя, прежде всего, определяются категориальными признаками данного разряда слов. Глаголы движения, входя в основной словарный фонд современного хантыйского языка, обозначают жизненно важные понятия, называя физическое перемещение в пространстве, составляют значительный по объёму и активнейший в семантическом отношении пласт хантыйской глагольной лексики. Глагол в хантыйском языке, как и в других языках, занимает главенствующее положение среди других разрядов слов, поскольку без глагола с его сказуемостной функцией не может быть законченного речевого акта. Лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) глаголов движения выделяется среди других глагольных групп как по количественному составу, так и по частотности употребления в потоке связной речи. В исследовательских работах по хантыйскому языку в первую очередь анализу подвергаются лексико-семантические классы глаголов. В хантыйском языкоznании отдельные лексико-семантические разряды глаголов рассматривались в работах А. Д. Каксина [Каксин, 2008, с. 147–150, 2009, с. 216–221], М. Д. Чертыковой [Каксин, Чертыкова, 2005, с. 47–50], М. Д. Чертыковой [Чертыкова, 1999, с. 162–164], В. Н. Соловар [Соловар, 2001, 2007, 2011 а, б, в]. В диссертационной работе В. Н. Соловар, посвящённой исследованию семантико-сintакического строя простого предложения хантыйского языка, проведено лексико-семантическое описание значений различных ЛСГ глаголов, выявлено их синтаксическое окружение и семантическое варьирование, что позволяет разграничить модели, их семантические, грамматические, прагматические, модальные варианты, а также омонимию, антонимию и синонимию моделей [Соловар, 2011 в, с. 4].

ЛСГ глаголов шурышкарского, сынского, приуральского диалектов хантыйского языка рассматриваются в работах Ф. М. Лельховой [Лельхова, 2011, 2012, 2014, 2015, 2017], Г. Л. Наxрачевой [Наxрачева, 2011], А. А. Шияновой [Шиянова, 2010, 2012].

В монографии С. В. Ониной проведена лексико-семантическая классификация оленеводческой лексики хантыйского языка, изучена её морфологическая структура. Автор выявляет следующие группы глаголов: 1) глаголы, обозначающие действия, производимые оленем; 2) глаголы, обозначающие действия оленеводов; 3) глаголы, обозначающие действия при обработке оленьей шкуры [Онина, 2003].

Морфологическая и семантическая характеристика парных слов шурышкарского диалекта рассматривается в диссертационном исследовании А. А. Шияновой. В работе представлены словоизменительные и словообразовательные формы парных глаголов [Шиянова, 2013]. Лексико-семантическая группа глаголов деструктивного действия, описание их лексической и синтаксической семантики, классификация глаголов данной

группы на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка описаны в диссертации Г. Л. Нахрачевой [Нахрачева, 2014].

Глаголы движения обозначают перемещение живых существ в пространстве и во времени. Главным семантическим признаком в их смысловой структуре является направление движения. К пространственными конкретизаторам относятся трасса движения, скорость, способ, исходный и конечный пункты. Движение означает преодоление пространства во времени и характеризуется такими параметрами, как темп и скорость. Различные виды движения связаны с различными скоростями. Языковая оценка скоростей осуществляется через сравнение со скоростью, воспринимаемой как нормальная. Часть глаголов характеризует высокую скорость движения, его интенсивность. По интенсивности движения глаголы разделяются на две группы: глаголы интенсивного темпа движения и глаголы медленного темпа движения. Рассмотрим глаголы интенсивного темпа, которые в своей семантике содержат указание на очень быстрый темп движения.

2. Анализ глаголов движения

Семантика глагола *ାл китты* ‘мчаться’, ‘умчаться’ ‘двигаться в определённом направлении очень быстро, стремительно’. Субъектами движения при данном глаголе могут быть и человек, и животное. Однако, по словам информантов, данный глагол практически не употребляется по отношению к медведю. Глагол сочетается с директивом-финишем, обозначающим движение к конечной точке, с директивом-стартом (конструкция с послелогом элты, выражающая направленность из начальной точки движения), например: *Үтлы пеңа ାл китдайәт* ‘В сторону, противоположную от берега умчались’; *Кимлы пеңа ାл китсайт* ‘Наружу умчались’. *Пାл рେп ڏоңәл элты ڏохән илды ାл китдәт* ‘С высокой горы на лыжах вниз мчаться’.

Глаголы *наврылтәты* (многокр.) ‘нестись’ и *наврылтыйәлты* содержат сему ‘двигаться в каком-либо определённом направлении прыжками, галопом, быстро, с большой поспешностью (на лошади, лошадях, оленях)’. Указанные глаголы сочетаются со словами, обозначающими движение к конечной точке, например: *Кай худәм лова ڏэләмтәс, вүтлы пеңа туп пусән каврәлман наврылтыйәс* ‘Кай сел на упряжку трёх лошадей, поскакал к лесу (от берега) так, что только снежная пыль кружилась’; *Даңкийэт йүх хүват наврәлтыйләт* ‘Белочки по деревьям скачут, прыгают’. Субъектами движения являются человек и животное. Семантика интенсивного темпа движения выражается также глаголом: *ାл наврылыйәлты* ‘быстро бегать туда-сюда’, например: *Ин имел нۆх киңәмтәс, шай тут үүх алман вүр шөрңәлман ାл наврылыйәл* ‘Жена его вскочила, быстро бегает туда-сюда, нося дрова для (приготовления) чая, кровь течёт[из груди её]’.

Семантика глагола *навэртты* ‘прискакать’ – прибывать в какое-либо место, достичь чего-либо очень быстро, бегом или приехать на чём-либо), например: *Хот ов йәлтийа лөвәң ики наврәс* ‘Мужчина на лошади прискакал во двор’. Следующими глаголами со значением быстрого темпа являются глаголы *наврәпты* (мгновен.) ‘скакать, выскочить, подскочить’,

глаголы с превербами *йэл навэрмэты* ‘поскакать’, *нóх навэрмэты* ‘вскакивать, вскочить’, субъектом движения в которых выступает человек или животное, например: *Тáлта сáхат ма ким наврэпдэм* ‘Я отсюда выскочу’; *Ай довээт йэл навэрмэсэт* ‘Жеребята поскакали’; *Лúв лов шанишаа нóх навэрмэс* ‘Он вскочил на лошадь’.

Интенсивное движение передаётся глаголом *њóхэмтты* ‘двинуться (в путь), побежать, убежать’, например: *Күтэл ванапман сора љохэмтэс* ‘Сокращая расстояние, быстро побежал’. Субъектом движения при глаголе *њóхэмтты* является человек.

Значение ‘стремительно двигаться, передвигаться (нестись) с большой скоростью’ выражают глаголы *вóпиты*, *ај вóпиты* и их производные: *вóпемэты* ‘устремляться, бросаться, метнуться’, *вóпсэмтты* ‘промелькнуть’, например: *Евэр вониман мэнэл* ‘Волк несётся с большой скоростью’; *Охсар хáши күтэн вóпсомтэс* ‘Лиса в кустах промелькнула’.

Интенсивное движение вверх с семой неожиданности выражается глаголом *вóсэмтты* ‘вылететь, взлететь’. Субъектами действия при этом являются птица, человек, например: *Вóсэмтэс* ‘Взлетел неожиданно вверх’; *Щицки вóсэмтэс* ‘Птичка взлетела’; При сочетании с превербом *нóх* глагол *вóсэмтты* выражает сему ‘вскочить неожиданно, обрадовавшись’, например: *Йайэл йóхтэс. Амтэс, нóх вóсэмтэс, ким наврамтэс* ‘Брат приехал. Обрадовался, вскочил, выскочил на улицу’.

Глагол *хухэлтты* с семантикой ‘двигаться откуда-либо куда-либо усиленно, быстро перебирая ногами и резко отталкиваясь ими от поверхности земли’ и его производные передают быстрый темп движения, сочетаются с директивом-финишем, обозначающим движение к конечной точке (конструкции с дательно-направительным падежом, с послелогами *унты*, *йэцэлт*, *хóйца*), например: *Хотэва хухэлмийэлдэв* ‘Побежим до дома’; *Хот унты хухэлмиты* ‘Добежать до дома’; *Ов йэлтийа ким хухэлмэс* ‘На крылечко выбежал’.

К глаголам, выражющим быстрый темп движения, относятся глаголы *хóнтты*, *хóнттаты* ‘сбежать, сбегать, убежать’ со значением ‘удаляться (удалиться) откуда-либо тайком, уходя незаметно, скрыто, спасаясь от кого/чего-либо нежелательного; совершать побег, спасаться бегством’: Субъектом движения при данных глаголах может быть человек или животное: *Эвэл хóнтамал* ‘Дочь сбежала, убежала’; *Кáпи хóнтас* ‘Кот убежал’. Данный глагол управляет дательно-направительным падежом, указывающим на направление движения: *Ма воша хонтасэм* ‘Я в город сбежал’; *Войдам унта хóнтасэт* ‘Звери в лес убежали’.

Ещё один глагол интенсивного движения – *эслициты* ‘бежать, мчаться, скакать’. В языковом материале встретился интересный пример, в котором указанный глагол употребляется в составе фразеологического сочетания с лексемой *шуши-пóшэх иты* ‘как блохи’, например: *Ин ими лэнкет шуши-пóшэх иты эслицилэйт лээтот дээцэтман* ‘Женщины бегают (быстро) туда-сюда, как блохи, готовя еду’.

Семантику ‘двигаться в каком-либо направлении быстро, стараясь как можно быстрее попасть куда-либо, оказаться где-либо’ передаёт глагол

эсләмтты ‘поспешить, побежать, быстро удалиться’, ‘пуститься’, например: *Хон ńьол туп вўты рахәмтәс муй ӓнтәм, őвöләң Пильин ики мөхты вўты эсләмтәс* ‘Нос лодки коснулся берега или нет, старик Филипп сразу же побежал, поспешил быстро на берег’.

Глагол *ńухдәсты* ‘помчаться’, ‘преследовать’ с семантикой ‘двигаться за чем/кем-либо, обычно с большой скоростью, стараясь настичь, захватить, поймать’, например: *Йöлта ńухәлләллы* ‘Преследует’; *Нöхәс ńухәлсәв* ‘Соболя преследовали’.

Глагол *ńöхәпты* имеет семантику ‘рывком трогаться с места’, ‘динуться (в путь), побежать, убежать’, например: *Кум шитапмал кемән ловәл хоща ńöхәмтәс. Лов шайниа ләләмтәс* ‘Выждал время, в направлении коня побежал. На коня вскочил’. Субъектом действия выступает человек.

3. Заключение

Таким образом, по интенсивности движения выделяются быстрое движение / перемещение и медленное движение / перемещение. Глаголы, в зависимости от их смысловых значений, могут выражать и само движение, и его направленность, и способ, и вид движения. По своему значению они занимают важное место в языке и передают различные виды движения реальной действительности, поэтому они обладают очень богатыми смысловыми оттенками и особенностями и этим существенно отличаются от глаголов, входящих в другие семантические группы.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – М.–Л.: Наука, 2001. – 720 с.
2. Каксин, А. Д. О глаголах потребления пищи в хантыйском языке [Текст] / А. Д. Каксин // Исследование языков народов РФ в свете новых лингвистических парадигм: теория и практика : сб. трудов Всероссийской науч.-практ. конф., Стерлитамак, 15 июля 2007 г. – Уфа : Гилем, 2008. – С. 147–150.
3. Каксин, А. Д. Сочетаемость глаголов говорения в хантыйском языке [Текст] / А. Д. Каксин // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...» : материалы науч.-практ. конф., с международным участием, Ханты-Мансийск, 23 января 2007 г. ; ЮГУ. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 216–221.
4. Каксин, А. Д. О лексико-семантической группе глаголов эмоции (на примере хакасского и хантыйского языков) [Текст] / А. Д. Каксин, М. Д. Чертыкова // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы Всеросс. науч. конф., (г. Уфа, 1–5 июля 2005 года). – Уфа : Гилем, 2005. – С. 47–50.
5. Чертыкова, М. Д. Когнитивная оценка классификации глаголов говорения в хантыйском языке [Текст] / М. Д. Чертыкова // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации. – Ханты-Мансийск, 1999. – С. 162–164.
6. Соловар, В. Н. Лексико-семантическая группа глаголов поведения и формируемые ими модели ЭПП в хантыйском языке (на материале казымского диалек-

- та) [Текст] / В. Н. Соловар // Вестник угроведения. – 2011 а. – №1 (4). – С. 54–57.
7. Соловар, В. Н. Глаголы прекращения бытия, состояния, действия и их сочетаемость в хантыйском языке [Текст] / В. Н. Соловар // Подвижники Сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрытова, В. М. Наделяев : тез. докладов Все-рос. науч. конф. – Новосибирск, 2007. – С. 217–219.
8. Соловар, В. Н. Семантика глаголов перемещения и формируемые ими элементарные простые предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) [Текст] / В. Н. Соловар // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2011 б. – №1 (2). – С. 45–49.
9. Соловар, В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук 10.02.22 / Соловар Валентина Николаевна ; Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Йошкар-Ола, 2011 в. – 40 с.
10. Лельхова, Ф. М. Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник угроведения. – 2011. – № 1 (4). – С. 30–37.
11. Лельхова, Ф. М. Семантика глаголов движения по воде в хантыйском языке [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4 (52). – Т. 4. – С. 33–36.
12. Лельхова, Ф. М. Глаголы вертикального движения с семантикой ‘падать’ в хантыйском языке [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 4 (60). – Т. 1. – С. 164–168.
13. Лельхова, Ф. М. Глаголы с семантикой ‘преодоления препятствия’ в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) [Текст] / Ф. М. Лельхова // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации : материалы дистанционной науч.-практ. конф., XIII Югорские чтения, Ханты-Мансийск, 20 декабря 2014 г. – Воронеж : ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. – С. 78–81.
14. Лельхова, Ф. М. Глаголы образной характеристики движения в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) [Текст] / Ф. М. Лельхова // Финно-угорский мир. – 2017. – № 1. – С. 6–16.
15. Нахрачева, Г. Л. Семантика глаголов физического воздействия со значением нанесения удара в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Вестник угроведения. – 2011. – № 1. – С. 38–42.
16. Нахрачева, Г. Л. Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] : дис. ... канд. филол наук 10.02.02 / Нахрачева Галина Николаевна ; Югорский государственный университет. – Ханты-Мансийск, 2014. – 166 с.
17. Шиянова, А. А. Лексико-семантические группы парных глаголов хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / А. А. Шиянова // Казымские чтения : материалы науч.-практ., конф. / под ред. Е. А. Игушева, Т. А. Молдановой, Ф. М. Лельховой. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – С. 199–204.

18. Шиянова, А. А. Парные глаголы хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) [Электронный ресурс] / А. А. Шиянова // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 4 (12). – Режим доступа : <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/shijanova.pdf>
19. Шиянова, А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] : дис. ... канд. филол наук 10.02.02 / Шиянова Анастасия Антоновна ; Югорский гос. ун-т. – Ханты-Мансийск, 2013. – 180 с.
20. Онина, С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством [Текст] / С. В. Онина. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т., 2003. – 154 с.

References

1. Vinogradov, V. V. (2001). Russkij jazyk. *Grammatischeskoe uchenie o slove* [The Russian language. Grammatical theory of Word]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
2. Kaksin, A. D. (2008). O glagolah potrebleniya pishhi v hantyyskom yazyke [Verbs denoting food consumption in the Khanty language]. *Proc. of All-Russia Scientific and Practical Conference «Issledovanie jazykov narodov RF v svete novyh lingvisticheskikh paradigm: teoriya i praktika»* [Studies of the languages of Russia within new linguistic paradigm: Theory and practice], Sterlitamak, July 15, 2007 (pp. 147–150). Ufa : Gilem Press.
3. Kaksin, A. D. (2009). Sochetaemost' glagolov govoreniya v hantyyskom yazyke [Distribution rules for the verbs of speaking in the Khanty language]. *Proc. of the scientific and practical conf. With international participation «Sorodichi, ya ne tayu prekrasnoe ot vashih vzorov...»* [My kinsfolk, I am not hiding the beauty from your eyes], Khanty-Mansiysk, January 23, 2007 (pp. 216–221). Khanty-Mansiysk : Yugra State University Press.
4. Kaksin, A. D., Chertykova, M. D. (2005). O leksiko-semanticeskoy gruppe glagolov emotsi (na primere hakasskogo i hantyjskogo jazykov) [Verbs of emotion lexico-semantic group (Examples of Khakas and Khanty)]. *Proc. of the All-Russia scientific conference «Ural-Altai: Through centuries to the future»*, Ufa, July 1–5, 2005 (pp. 47–50). Ufa : Gilem Press.
5. Chertykova, M. D. (1999). Kognitivnaja otsenka klassifikatsii glagolov govorenija v hantyyskom yazyke [Cognitive study of verbs of speaking classification in the Khanty language]. *Yazyki i kul'tura finno-ugorskikh narodov v usloviyah globalizatsii* [Languages and culture of Finno-Ugric people in globalization period] (pp. 162–164). Khanty-Mansiysk.
6. Solovar, V. N. (2011 a). Leksiko-semanticeskaya gruppa glagolov povedeniya i formiruemye imi modeli EPP v hantyjskom jazyke (na materiale kazymskogo dialekta) [Verbs of action semantics and formed by them elementary simple sentences in the Khanty language (Based on Kazym dialect)]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 1 (4), 54–57.
7. Solovar, V. N. (2007). Glagoly prekrashchenija bytija, sostojanija, dejstvija i ih sochetaemost' v hantyjskom jazyke [Verbs with semantics of existence termination, state, action and their distribution in the Khanty language]. *Proc. of the All-Russia*

- scientific conference (Abstracts) «Podvizhniki Sibirskoj filologii: V. A. Avrorin, E. I. Ubrjatova, V. M. Nadeljaev» [Enthusiasts of Siberian Philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubrjatova, V. M. Nadeljaev] (pp. 217–219). Novosibirsk.*
8. Solovar, V. N. (2011 b). Semantika glagolov peremeshheniya i formiruemeye imi yelementarnye proste predlozheniya v hantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta) [Semantics of the verbs of motion and elementary simple sentences formed with them in the Khanty language]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Vyatka State Humanities University. Philology and Art Studies], 1 (2), 45–49.
  9. Solovar, V. N. (2011 c). *Paradigma prostogo predlozheniya v hantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta)* [Simple sentence paradigm in the Khanty language]. Author abstract of Doctoral of Philological sci. dis. Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development. Yoshkar-Ola.
  10. Lel'hova, F. M. (2011). Glagoly fiziologicheskogo sostoyaniya v hantyyskom yazyke (na materiale synskogo dialekta) [Verbs of physiological condition in Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 1 (4), 30–37.
  11. Lel'hova, F. M. (2012). Semantika glagolov dvizheniya po vode v hantyyskom yazyke [Verbs of movement on the water semantics in the Khanty language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 4 (4), 33–36.
  12. Lel'hova, F. M. (2014). Glagoly vertikal'nogo dvizheniya s semantikoy ‘padat’ v hantyyskom yazyke [Verbs of vertical movement with the semantics «to fall» in the Khanty language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 4 (1), 164–168.
  13. Lel'hova, F. M. (2015). Glagoly s semantikoy ‘preodoleniya prepjatstviya’ v hantyyskom yazyke (na materiale synskogo dialekta) [Verbs of overcoming obstacles semantics in the Khanty language]. *Proc. of the distantly held scientific and practical conference «Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii», XIII Ugorskie chteniya* [Native minority tribes of the North, Siberia, and the Far East: Traditions and innovations], Khanty-Mansiysk, December 20, 2014 (pp. 78–81). Voronezh : «MAKS-PRINT»
  14. Lel'hova, F. M. (2017). Glagoly obraznoy harakteristiki dvizheniya v hantyyskom yazyke (na materiale synskogo dialekta) [Verbs of figurative characteristics of movement in the Khanty language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 1, 6–16.
  15. Nahracheva, G. L. (2011). Semantika glagolov fizicheskogo vozdejstvija so znacheniem nanesenija udara v hantyjskom jazyke (na materiale shuryshkarskogo dialekta) [Semantics of verbs of the physical coercion upon an object with value of drawing a blow in Khanty language (on the material of Shuryshkar dialect)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 1, 38–42.
  16. Nahracheva, G. L. (2014). *Semantika i funkcionirovanie glagolov destruktivnogo dejstvija v hantyjskom jazyke (na materiale shuryshkarskogo dialekta)* [Semantics and functioning of the verbs with the meaning of destructive actions]. PhD in Philological sci. dis.; Yugra State University. Khanty-Mansiysk.

17. Shiyanova, A. A. (2010). Leksiko-semanticheskie gruppy parnyh glagolov hantyjskogo jazyka (na materiale shuryshkarskogo dialekta) [Lexical and semantic groups of verb pairs in Khanty (Based on Shuryshkar dialect)]. In E. A. Igusheva, T. A. Moldanova, F. M. Lel'hova (eds.), *Proc. of the scientific and practical conference «Kazymskie chtenija»* [Kazym readings] (pp. 199–204). Hanty-Mansiysk : Yugra State University Press.
18. Shiyanova, A. A. (2012). Parnye glagoly hantyjskogo yazyka (na materiale shuryshkarskogo dialekta) [Verb pairs in the Khanty language (Based on Shuryshkar dialect)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nyh problem* [Society of Russia: Educational space, psychological structures and social values], 4 (12). Retrieved from <<http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/shijanova.pdf>>.
19. Shiyanova, A. A. (2013). *Parnye slova hantyjskogo yazyka (na materiale shuryshkarskogo dialekta)* [Word pairs in the Khanty language (Based on Shuryshkar dialect)]. PhD in Philological sci. dis.; Yugra State University. Hanty-Mansiysk.
20. Onina, S. V. (2003). Otraslevaya leksika hantyjskogo yazyka: slovarnyy sostav, svjazannyy s olenevodstvom [Branch lexical units of the Khanty language: Deer-breeding inventory]. Yoshkar-Ola : Mary State University.

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

**ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ ГЛУХОЙ СМЫЧНЫЙ /К/
 В СЕЛЕМДЖИНСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА***
**VELAR VOICELESS STOP /K/ IN THE SELEMDZHA ACCENT
 OF THE EVENKI LANGUAGE**

Аннотация

Статья посвящена анализу артикуляторных и акустических характеристик эвенкийского заднеязычного глухого смычного согласного /к/. Аллофоны согласного /к/ исследуются во всех позициях в слове (начальная, срединная, конечная, в консонантных кластерах). С помощью слухового и спектрального видов анализа исследованы акустические корреляты аллофонов, свойственных данному согласному. В число этих аллофонов входят придыхательные, спирантизированные, увулярные, палатализованные, имплозивные и аффрицированные. Аффрикатизация эвенкийский /к/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда.

Abstract

The current paper focuses upon articulatory and acoustic features of the Evenki velar voiceless stop /k/. Its allophones are researched in all word positions (initial, medial, final, and in consonant clusters). Auditory analysis and dynamic spectrography were used to determine and describe acoustic correlates of all allophones characteristic for /k/. These include aspirated, fricative (as a result of spirantization), uvular, palatalized, implosive, and affricated ones. Affrication was characteristic for the Evenki /k/ only in word-initial position before front vowels.

Ключевые слова: эвенкийский язык, селемджинский говор, вариативность фонем, согласные, артикуляторные и акустические характеристики.

Keywords: the Evenki language, Selemdzha accent, allophonic variation, consonants, articulatory and acoustic features.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_44_62

---

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

1. Введение

Селемджинские эвенки проживают на северо-востоке Амурской области в горно-таёжной местности, приравненной к территориям Крайнего Севера. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», местом компактного проживания селемджинских эвенков считается с. Ивановское Селемджинского района Амурской области. По данным статистики Ивановского сельсовета Селемджинского района Амурской области на 1.01.2016 г. в с. Ивановское проживало 396 чел., из них – 322 эвенка шести эвенкийских родов (Бута, Эдян (Эдён), Лалигир (Лалэгэрдар), Кумкада, Кангагир, Мэнгэмну (Монго) в порядке убывания количества представителей каждого рода). Эвенкийских родов Аингкаир, Бэтум [Василевич, 1958, с. 576, 577], Бэтунг, Буллот [Болдырев, 2013, с. 11], проживающих на территории Селемджинского района Амурской области, не зарегистрировано.

Селемджинские эвенки говорят на селемджинском говоре, который относится к селемджинско-буреинско-урмийскому диалекту восточного наречия эвенкийского языка [Булатова, 1987]. По своим фонетическим характеристикам селемджинский говор характеризуется как сибилянтно-спирантный на основании дистрибуции (распределения) глухих щелевых согласных с/х, подчиняющихся следующему правилу реализации: в начальной позиции встречается как переднеязычный с, так и фарингальный х (например, *сулаки* ‘лисица’, *хокто* – ‘дорога’), в интервокальной позиции слова реализуется только фарингальный х (*ахи* ‘женщина’) [Константинова, 1964, с. 4].

Инвентарь согласных фонем селемджинского говора (см. табл. 1) включает 18 фонем, примыкая к языкам консонантного типа: количество эвенкийских согласных достигает 62% всего фонемного инвентаря (18 согласных при 11 гласных).

Т а б л и ц а 1. Артикуляционная классификация согласных эвенкийского языка (селемджинский говор)

По способу образования		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Фарингальные
По месту образования						
Шумные	Смычные	p b	t d f(t') d'	-	k g	-
	Щелевые	-	s	-	-	h -
Сонанты	Смычные	m	n n'	-	ŋ	
	Щелевые	β	l	j	-	-

В фонологической системе согласных селемджинского говора эвенкийского языка, как видно из таблицы 1, существуют две основные противополагающие друг другу категории – шумные /p, b, t, tʃ (t^j), d, dʒ , k, g, s, h/ и сонанты /m, n, n^j , ŋ , β , l, j, r/. В категории шумных имеются две оппозиции – смычные /p, b, t, t^j , d, d^j , k, g/ и щелевые /s, h/. Все смычные представлены парами – глухой и звонкий, фонологическое противоположение этих пар состоит не в наличии или отсутствии голоса, а в наличии или отсутствии придыхания. Признак звонкости не является у эвенкийских согласных релевантным [Матусевич, 1960, с. 134]. Шумные щелевые в противоположность смычным не имеют звонких параллелей и имеются в количестве двух согласных /s/ и /h/. Фонологический статус согласных /s/ и /h/ является спорным вопросом эвенкийской фонологии. В группе сонантов все согласные представлены одиночно, без глухих параллелей: /m, n, n^j , ŋ , β , l, j, r/. Внутри категории сонантов можно различить группы смычных /m, n, n^j , ŋ /, щелевых /β, l, j/ и дрожащий /r/. Необходимо отметить, что в речи некоторых селемджинских эвенков не зарегистрировано аффрикат, в частности /ʃ/ (на письме передаваемой буквой «ч»), как это имеется в томмотском говоре, например, /ʃ'a:lba:n/ чāлбāн ‘береза’, /ʃ'a:/ чā ‘чёрный коршун’ и другие. [Андреева, 1988, с. 42]. В соответствующих позициях реализуется переднеязычный смычный палатализованный /t^j/, что было подтверждено в лаборатории экспериментальной фонетики Амурского государственного университета двумя экспертными группами, проводившими записи речи от носителей селемджинского говора эвенкийского языка (август 2011, декабрь 2012).

Число гласных, входящих в фонологическую систему селемджинского говора, в их количественном отношении сравнительно невелико. Имеется всего 11 гласных, образующих оппозиции: 1) по признаку ряда: гласные переднего /i, i:, e:, a, a:/, центрального /ɜ, ɜ:/, заднего /u, u:, o, o:/ рядов; 2) по признаку подъёма: гласные верхнего /i, i:/, среднего /e:, ɜ, ɜ:/, о, о:/, нижнего /a, a:/ подъёмов; 3) по признаку долготы: долгие гласные /i:, u:, ɜ:, o:, a:/ и краткие /i, u, ɜ, o, a/. Гласный переднего ряда среднего подъёма /e:/ не имеет краткой пары.

Своебразие звукового строя селемджинского говора эвенкийского языка проявляется в отличном от литературного эвенкийского произнесении долгого гласного /ɜ:/, который в речи селемджинских эвенков приобретает а-образный характер. Данная диалектная фонетическая черта свойственна большинству восточных говоров эвенкийского языка, благодаря чему восточные эвенкийские говоры в некоторых литературных источниках по эвенкийскому языку получили название «акающих» диалектов. В связи с этим, интересно отметить следующий факт. Русское население Амурской области, употребляя в своей речи эвенкийские слова, также произносят в них гласный /a:/ на месте /ɜ:/. Более того, «аканье» в речи амурских эвенков находит своё отражение в названиях фильмов, созданных русскоязычными режиссерами, например, документальный фильм Н. М. Землянского о жизни и культуре эвенков «Эвэды туран» – пер. ‘эвенкийский язык’ (ср. лит. эвенк. түрән), в названиях общественных ор-

ганизаций, например, экологический клуб при Амурском государственном университете «Улукиткан» – пер. ‘бельчонок’ (ср. лит. эвенк. улукиткэн).

При анализе языковой структуры селемджинского говора необходимо учитывать фактор влияния якутского и русского языков. Яркие черты взаимовлияния родного эвенкийского и русского языков уже отчётливо заметны в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения. На звуковом уровне следует отметить веляризацию бокового сонорного /l/, аффрикатизацию в определённых позициях переднеязычного смычного /tʃ/ → /tʃ/. Черты якутской фонологической системы в речи селемджинских эвенков проявляются в сильной огубленности заднерядных эвенкийских /u, u:, o, o:/ и соответствующих русских гласных. Русско-якутский акцент в речи селемджинских эвенков можно охарактеризовать как стабильный, так как он зафиксирован у большинства участвующих в записи дикторов.

В ходе изучения социолингвистической ситуации у селемджинских эвенков Амурской области были выявлены обстоятельства, определяющие усвоение эвенкими детьми черт артикуляционного уклада, свойственного рускоязычному населению. Так, в 70-е гг. прошлого столетия на территории с. Ивановского Селемджинского района Амурской области начинает работу детский комбинат для эвенкских детей (аналог современного комбинированного детского сада-яслей), где малыши с двухмесячного возраста круглосуточно находятся в течение пяти дней в неделю. Только в выходные у родителей была возможность провести время с ребёнком в кругу семьи. Персонал в Ивановском детском комбинате, а затем в средней общеобразовательной школе, состоял из смешанного рускоязычного и эвенкоязычного населения. Важно отметить, что общение воспитателей и учителей с детьми и обучение в школе осуществлялось на русском языке. Эвенкийский язык в школе преподавался только на начальном этапе – со второго по четвёртый класс [Морозова, 2015, с. 75]. Согласно данным анкетирования, проведённого в июле 2011 г. 52–53-летние представители селемджинского говора эвенкского языка ещё владеют навыками связной речи на эвенкийском языке, 45-летние селемджинские эвенки, воспитывавшиеся в детских комбинатах, уже не говорят на родном языке, хотя знают много отдельных эвенкийских слов, используемых в традиционной хозяйственной деятельности [Морозова, 2014, с. 212].

Кроме того, необходимо констатировать, что фонетическая сторона исконно эвенкийской лексики, характеризующей традиционный уклад жизни, в речи среднего и молодого поколений селемджинских эвенков претерпела значительные изменения. Это касается, в первую очередь, артикуляционного уклада, который характеризуется своей дорсальной природой в отличие от свойственной эвенкому языку апикальной (кончик языка при производстве речи поднят вверх к альвеолам). По нашим данным, около 8 человек старшего поколения из 330 жителей села (2% всего населения) сохраняет национальный апикальный уклад артикуляции. Произнесение дорсальных эвенкийских согласных вместо апикальных на слух малозаметно. Однако этот незаметный перенос в эвенкийскую речь

типичных произносительных особенностей русского языка говорит о смене у современных эвенков языковых механизмов производства и восприятия родной речи.

2. Цель, материал и методика исследования

В основу предлагаемой статьи положены данные литературных источников о вариативности реализации эвенкийского заднеязычного глухого смычного согласного /k/, а также результаты нашего исследования вышеупомянутого согласного в речи дикторов селемджинского говора эвенкийского языка.

К дикторам-носителям селемджинского говора эвенкийского языка, речь которых использовалась нами с целью исследования вариативности эвенкийских гласных и согласных, предъявлялись следующие требования: 1) усвоение родного языка к кругу семьи с младенческого возраста; 2) не-посещение детских яслей и иных дошкольных учреждений с русскоязычным персоналом; 3) коммуникация только на эвенкийском языке до поступления в школу; 4) постоянное (либо длительное) проживание в охотничьих угодьях, оленеводческих бригадах; 5) ограниченные контакты в течение жизни с русскоязычным населением; 6) возраст старше 60 лет; 7) отсутствие дефектов речи и слуха (более подробно о причинах предъявляемых требований к дикторам см. в [Морозова, 2015, с. 75–76]). В соответствии с вышеперечисленными требованиями из фонархива по эвенкийскому языку Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (далее – ЛЭФИ) Амурского государственного университета [Фонархив, 2016] были выбраны записи речи четырех дикторов (две женщины и два мужчины), которые являются представителями эвенкийских родов Кангагир, Бута и Эдян. Записи речи селедмжинских эвенков были получены в период с 2011 по 2016 гг. в ходе экспедиций в с. Ивановское Селедмжинского района Амурской области, а также в ЛЭФИ при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета.

Целью исследования вариативности эвенкийского заднеязычного смычного глухого согласного /k/ было выявление его набора аллофонов и сравнение полученных результатов с имеющимися данными о варьировании /k/ в говорах эвенков России.

3. Артикуляторно-акустические характеристики

аллофонов фонемы /k/

3.1. Общая характеристика

По своим артикуляционно-акустическим характеристикам эвенкийский /k/ – заднеязычный, смычный, глухой согласный. По результатам анализа палатограмм, М. И. Матусевич приходит к выводу, что эвенкийский согласный /k/ в ербогачёнском говоре эвенкийского языка, артикулируется не очень глубоко: касание нёба задней частью спинки языка происходит на уровне чётвёртых коренных зубов или третьего, а у некоторых респонден-

тов – даже второго коренного зуба [Матусевич, 1960, с. 146]. Данные М. И. Матусевич подтверждаются анализом, проведённым в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Сибирского отделения Российской Академии Наук фонетистом Т. Е. Андреевой [Андреева, 1988, с. 73]. Автором зафиксирована смычка эвенкийского /k/, образующаяся задней или межуточной частью спинки языка. Локализация смычки /k/ в первом случае происходит на второй трети задней части твёрдого нёба, во втором случае в пограничной зоне твёрдого и мягкого нёба ближе к задней части твёрдого нёба. В целом, комбинаторно-позиционные аллофоны эвенкийского /k/ по данным дентопалатограмм, рентгенограмм и пограмм в речи носителей томоттского говора эвенкийского языка реализуются как смычные согласные, не лишённые аффрикатизации [Андреева, 1988, с. 73].

Фонема /k/ встречается во всех позициях в слове – начальной, срединной, конечной, в сочетаниях согласных: *кавка* ‘гортань’, *калан* ‘котёл’, *кётара* ‘кривой’, *кэнэн* ‘опухоль’, *экӣ* ‘сестра’, *дюкэ* ‘лёд’, *ӯчак* ‘верховой олень’, *умӯк* ‘гнездо’, *Ӧринэк* ‘муравейник’ [Константинова, 1964, с. 22; Morozova, 2013, с. 238].

В позиции абсолютного начала, по имеющимся данным, согласный /k/, аналогично прочим глухим смычным, всегда имеет приыхание, обычно довольно сильное, реже слабое [Матусевич, 1960, с. 147; Андреева, 1987, с. 75]. На материале селемджинского говора эвенкийского языка также отмечено сильное приыхание при реализации начального /k/ (см. рис. 1, 2, 4, 7), за исключением препозиции к огубленным гласным /o/, /u/, где реализуется увулярный неприыхательный аллофон [q] (см. рис. 1, 3–5).

В интервокальном положении /k/ обычно сохраняет свой смычный характер и часто имеет взрыв, хотя и слабовоздушный. Взрыв нередко довольно сильно аффрицируется, особенно перед /i/ в словах типа *лукӣ* ‘стрела’. В очень редких случаях в результате полной спирантизации интервокальная /k/ приближается к типу щелевого. В интерферированной речи (у эвенкийско-якутских билингвов) в интервокальном положении фонема /k/ реализуется как увулярный смычный. Приыхание при этом обычно сохраняется. Случаев озвончения /k/ в указанной позиции на материале ербогоченского говора эвенкийского языка не зафиксированы [Матусевич, 1960, с. 147]. Таким образом, в интервокальной позиции имеются данные о реализации трёх разных аллофонов, сложнокомпонентных, преимущественно щелинно-смычнощелинных типа [^yk^x], значительно реже – смычно-щелевых типа [gk^x] (обычное явление), [gk^y] (спорадически), полностью щелевых типа [x^y]. В соответствии с исследованиями Т. Е. Андреевой, средняя относительная длительность смычного компонента в позиции между краткими гласными составляет 46–57% общей длительности аллофонов, в позиции после долгого и перед кратким гласными 42–64%, в позиции после краткого перед долгим гласными от 52 до 59%, в позиции между долгими гласными от 46–56% общей длительности аллофонов [Андреева, 1988, с. 75].

В позиции перед смычным согласным или аффрикатой в словах типа *саримукта* ‘ресница’, *дāкта* ‘клещ’ *кōкчāн* ‘малое заднее копытце’, предшествующий смычному согласному или аффрикате аллофон фонемы /k/ будет имплозивным (см. рис. 5, 6.). Аналогично происходит при реализации геминаты, например, *авакка* ‘возглас досады’. В препозиции к щелевым согласным в словах типа *вāкся* ‘добыв’, *доксун* ‘неспокойный олень’, *сīкся* ‘вечером’, реализуются аллофоны типа [v^k], [v^x], реже [v^k] (см. рис. 9).

В позиции после согласного оттенки фонемы /k/ сложнокомпонентные. В позиции после сонантов в словах типа *гиркī* ‘друг’ фонема /k/ реализуется в щелинно-смычнощелинных оттенках типа [v^k]. В позиции после шумных глухих и звонких согласных, например, в словах *дōскī* ‘внутрь’, аллофоны /k/ двухкомпонентные, в основном полностью глухие смычно-щелевые типа /k^x/ [Андреева, 1988, с. 44].

В конечном положении /k/ в словах типа *йк* ‘чехол для инструментов по выделке шкур’, *тадук* ‘оттуда’, может быть как эксплозивным, так и имплозивным, причём последнее, по материалам М. И. Матусевич, более обычное явление [Матусевич, 1960, с. 147]. В настоящее время в селемджинском говоре эвенкийского языка конечный согласный /k/ в большинстве случаев реализуется как чистый смычный с большой и сильной фазой выдоха (эксплозивный). В словах типа *оңкучак* [oŋkučak^h] ‘яма, впадина’ (см. рис. 3) взрыв конечного /k/ характеризуется преимущественно высокочастотным, сильным и длительным шумом.

3.2. Признак палатализации

В позиции перед гласным переднего ряда высокого подъёма /i/ заднеязычный смычный глухой /k/ показывает двойственную картину. Анализируемый согласный может реализовываться как палатализованным, так и с отсутствием палатализации. Данные палатограмм М. И. Матусевич зафиксированы при артикуляции эвенкийского /k/ в препозиции к /i/ сильную продвинутость языка вперёд со сжатием, указывающим на подъём средней части спинки языка [Матусевич, 1960, с. 146].

В. А. Горцевская также отмечает наличие в баргузинском говоре смягчённого согласного /k/, который не является особенностью только баргузинского говора. Мягкое произношение /k/ перед узкими гласными в словах типа *кīран* ‘орёл’ зафиксировано в непском говоре эвенкийского языка [Горцевская, 1936, с. 5] и в подкаменно-тунгусских говорах [Константинова, 1960, с. 26]. На материале томмотского говора эвенкийского языка Т. Е. Андреева также отмечает в позиции перед /i/, /e/, /z/ особый аллофон фонемы /k/ [Андреева, 1987, с. 75].

В селемджинском говоре палатализованные аллофоны заднеязычного /k/ зафиксированы в позиции перед гласным переднего ряда /i:/, например, *кукāкī* ‘кукша’ (рис. 1), *туксакī* ‘заяц’ (рис. 2). Как показано на спектрограммах, полоса высокочастотного шума начинается от 2000 Гц, усиливаясь в области F2 (второй форманты) переднерядного гласного.

3.3. Варьирование /k/ по способу образования

3.3.1. Аффрикатизация /k/

По способу образования начальный /k/ всегда является смычным согласным, аффрикатизация согласного может быть как сильной, так и слабой [Матусевич, 1960, с. 146]. Аффрицированность /k/, по некоторым данным, вовсе необязательна. Так, М. И. Матусевич зарегистрированы реализации чистого смычного /k/. В селемджинском говоре эвенкийского языка случаи аффрикатизации /k/ отмечены перед гласными переднего ряда, в словах типа *киңә* ‘лыжа’ (см. рис. 10). Причина аффрицированного произнесения заднеязычного /k/ лежит, как правило, в ослаблении артикуляции согласного, а именно, его взрывной фазы. На динамическом спектре взрыв аффрицированных аллофонов эвенкийского /k/ ослабляется или практически устраняется.

3.3.2. Спирантизация /k/

В отдельных случаях интервокальные оттенки являются полностью узкощелевыми [Андреева, 1987, с. 75]. В селемджинском говоре эвенкийского языка также представлены случаи спирантизации (ослабления смычки) заднеязычного /k/. Однако, эти случаи не ограничиваются только интервокальной позицией (см. рис. 1). Спирантизированные аллофоны /k/ встречаются как перед глухим щелевым /s/ (см. рис. 9), так и перед гласным в слабой фразовой позиции (см. рис. 8). Спирантизированные аллофоны /k/ на динамической спектrogramме характеризуются высокочастотным шумом на месте смычки согласного. Интересно заметить, что при ослаблении смычки заднеязычного /k/ её полного озвончения не происходит. В селемджинском говоре зарегистрированы редкие случаи частичного озвончения интервокального /k/, что, возможно, является исключением, подтверждающим правило (см. рис. 1). На спектrogramме видны усиления в области, характерной для частоты основного тона (50–500 Гц), на смычке согласного /k/.

3.3.3. Увулярные аллофоны /k/

У некоторых дикторов при реализации анализируемого согласного наблюдается увулярная артикуляция в результате колебательных движений маленького язычка под влиянием выходящей воздушной струи [Матусевич, 1960, с. 146–147]. М. И. Матусевич объясняет такую реализацию влиянием якутского языка. Однако в фонетике якутского языка увулярные аллофоны /k/ учёными не отмечены [Дьячковский, 1977, с. 44; Широбокова, 2001, с. 96–97]. Между тем, в якутском языке имеется увулярный аллофон согласного /h/ – [q], охарактеризованный С. В. Ястремским как «звук нюансирующий», который, в зависимости от индивидуальных привычек говорящего, может «выговариваться то как аспирированный взрывной (kh), то как (кх)» [Ястремский, 1938, с. 5]. Вероятно, при описании реализации увулярного аллофона эвенкийского /k/ М. И. Матусевич имелось ввиду

влияние на речь ербогочёских эвенков якутского увулярного аллофона фонемы /h/. Для этого есть веские основания, поскольку в эвенкийском языке имеется фонетическое соответствие /k/~/h/. Так, в произношении некоторых эвенков токминского, подкаменно-тунгусских говоров фарингальному начальному /h/ соответствует /k/, например, [kuju~huijukun, hulukun] хулукун ‘маленький’, [kəmtʃig̡:~həmtʃig̡:] хэмчурэ ‘меховые короткие унты’, [kuju~huju:-, huju-] ую-ми ‘кипятить’, [kukti~hukti] укты-ми ‘бежать (о звере)’ [Василевич, 1948, с. 95, 115].

Хотя существует и другое мнение. В близкородственных эвенкийско-му языках (эвенском, негидальском и маньчжурском) имеется интересная зависимость реализации звукотипов [k] и [q] от последующего им гласного контекста [Цинциус, 1949]. Для некоторых говоров эвенского языка В. И. Цинциус выделяет в ряду заднеязычных согласных /k/, /g/, /ŋ/ глухой заднеязычный увулярный смычный в виде аллофонов [q]~[x]~[kχ], делая акцент на его аффрицированность. При этом исследователь отмечает, что, несмотря на отчётливую глубокую артикуляцию увулярного смычного [q], он является, по её мнению, лишь одним из двух возможных способов реализации согласного /k/, так как реализация увулярного смычного стоит в прямой связи с составом гласных [Цинциус, 1949, с. 214]. Современные российские исследования разных говоров эвенского языка подтверждают положение В. И. Цинциус о наличии не менее двух аллофонов эвенского заднеязычного глухого смычного [Бурыкин, 2004, с. 286; Шарина, 2015, с. 205]. Корейский исследователь Ким Джувон, анализируя аллофонное взыворование заднеязычного глухого смычного /k/ в березовском говоре эвенского языка, приходит к выводу о существовании трёх разных аллофонов /k/, находящихся в условиях дополнительной дистрибуции. Основной аллофон [k] реализуется в препозиции к /ə/, /u/, /o/, например, [kuʃukən] ‘маленький’, [ko:kən] ‘невестка’, [nəlkə] ‘весна’. Увулярный глухой смычный аллофон [q] зафиксирован учёным в позиции перед /a/, /ɔ/, /ə/ и в абсолютном конце слова, например, [tuqa] ‘шуба’, [quŋa] ‘ребёнок’, [qɔ:lanaq] ‘духи’. Палатальный глухой смычный аллофон [c] отмечен перед узкими гласными переднего ряда /i, ɪ/, например, [cimdaŋ] ‘повар’, [həwci] ‘Бог’ [Kim, 2011, р. 27].

Кроме того, в негидальском языке, по наблюдению В. И. Цинциус, также имеется зависимость употребления заднеязычного глухого смычного [k] и увулярного глухого смычного [q] от последующего гласного контекста, что говорит в пользу их дополнительной дистрибуции, и далее, о принадлежности данных аллофонов к одной фонеме. Что касается маньчжурского языка, в его структуре так же имеется параллель звукотипов [k]-[q], реализация которых зависит от последующего гласного контекста, например, [kə], [ki], но [qa], [qo], [qu] [Цинциус, 1949, с. 215].

В селемджинском говоре эвенкийского языка согласный /k/ перед гласными /o, u/ обладает настолько слабым взрывом, что на слух воспринимается как выдох либо как реализация фарингального /h/. Подобный слабый взрыв характерен для увулярных смычных согласных. Спектральными характеристиками такого увулярного смычного [q] шумовые состав-

ляющие в области 1000 Гц при слабых высокочастотных шумах либо их отсутствии (см. рис. 1 *кукāкӣ* [quk^ha:k^hi:] ‘кукша’, *кōкчāн* [qok^hʃa:n] ‘заднее копыто’, *кумикāн* [qumjik^ha:n] ‘букашка, насекомое’. В характеризуемом говоре увулярные аллофоны /k/ в абсолютном конце слова не отмечены.

3.3.4. Свободное варьирование аллофонов /k/

В речи селемджинских эвенков было зарегистрировано явление свободного варьирования аллофонов /k/ на материале изолированных слов. Методика их записи была следующей. Дикторов просили произнести каждое слово трижды. При анализе экспериментального материала было отмечено, что каждую группу реализованного три раза слова дикторы произносили с определённой интонацией. Первая реализация слова произносилась с интонацией повышения, вторая – ровным тоном, третья – с падающей завершающей интонацией. Другими словами, троекратное произнесение каждого слова характеризовалось интоационным контуром «утвердительного предложения». При этом, были зарегистрированы случаи произнесений в одной и той же позиции в речи одного и того же диктора трёх разных аллофонов фонемы /k/: заднеязычного смычного придыхательного [k^h], фрикативного [χ] и увулярного [q] (напр., в повторениях слова *калан* ‘котёл’ и др.), которые были результатом модификаций /k/ по способу образования и активному органу. Подобные примеры свободного варьирования не относятся к явлениям ассимиляции согласных, поскольку в них нет комбинаторного влияния, ни контактного, ни дистантного.

4. Фонетические соответствия /k/ другим согласным

При анализе вариативности увулярных смычных аллофонов фонемы /k/ нами уже было рассмотрено фонетическое соответствие фонем /k/~/h/ на материале токминского говора эвенкийского языка, которое Г. М. Васильевич называет архаичным, имеющим важное значение для истории развития эвенкийского языка.

Кроме того, в подкаменно-тунгусских и илимпийском говорах, в ряде слов встречаются соответствия /k/~/tʃ/, /k/~/t/, например, [kunmi:~tʃunmi:] *чунми* ‘шишка’, [ki:mka~tʃi:mka] *чимкā* ‘основная жердь юрты’, [ul'ok:i:gən~ul'oʃ:i:gən] *улэккӣрэн* ‘обманул’, [turkanʃa~turʃanʃa] *Турчанча* (мужское имя), [kuktı~tuktı] *тукты-ми* ‘подниматься (по наклону)’, [kuktıbın~tuktıbın] *түктывун* ‘лестница’, [kokʃıra~kotʃıra] *кокира-мӣ* ‘пересохнуть (о коже для выделки)’, [mϊkʃa:n~mϊtʃa:n] *митчāн* ‘кабарга, дикий олень’ [Васильевич, 1948, с. 115].

В непском, токминском говорах было зафиксировано соответствие /k/ и глухого щелевого аллофона губно-губного /β/ – [ɸ], например, [tiksa~tɪɸsa] *тыкса* ‘берестяная покрышка для чума’, [su:ksʃil:a~su:ɸsʃil:a] *сүксилла* ‘лыжа’, [tu:ksa~tu:ɸsa-] *түкса-мӣ* ‘бежать’, [этэksэ~этэɸʃэ] *эмэксэ* ‘придя’ [Васильевич, 1948, с. 141; Мыреева, 2004, с. 632].

В илимпийском диалекте отмечено интересное соответствие начального /k/ нулю звука в словах, в которых опускается начальный /k/, напри-

мер, [кокоβи:n~окоβи:n] *соковүн*, *сокöвун* ‘ковш’, [kokor~okor] *сокор-ми* ‘потерять’, [kukʃa] *сукча-ми* ‘сломать, разрушить’ [Василевич, 1948, с. 161; Мыреева, 2004, с. 512, 521].

5. Перестановка (метатеза) согласного /k/

Необходимо отметить факт перестановки заднеязычного конечного /k/ основы слова в сочетании с губно-губным /р/ (ассимилированным [β]) аффиксом винительного падежа *-на*, возвратно-притяжательным аффиксом *-ни* либо конечного /k/ в падежном аффиксе *-дук* и *-н* возвратно-притяжательных аффиксов. Например, *бакадяпкан* (из *бакадякпан*) ‘место его находки’, *дебдепкэтин* (из *дебдекпэтин*) ‘место их еды’, *лāцилдупкӣ* (из *лāцилдуккӣ*) ‘из своей ловушки’, *дялдупкӣ* (из *дялдуккӣ*) ‘от своих товарищей’, *орордупкар* (из *орордукпар*) ‘от своих оленей’ [Константинова, 1960, с. 26]. В селемджинском говоре эвенкийского языка данное правило не всегда соблюдается. Существуют варианты *бакадяпкан* и *бакадявун* ‘место находки’, *соксадуккӣ* и *соксадук* ‘место их еды’, *орордуккӣ* и *орордук* ‘от своих оленей’, *септуккӣ* ‘из своего кармана’, *дялдуккӣ* ‘от своих товарищей’. Важно подчеркнуть, что носители селемджинского говора эвенкийского языка знают о перестановке данных согласных, отмечают эту перестановку в речи носителей соседствующих говоров эвенкийского языка, но настаивают на своём варианте, как свойственном их родной речи.

6. Заключение

Таким образом, в селемджинском говоре эвенкийского языка при помощи объективных методов анализа зарегистрирована широкая вариативность заднеязычного смычного /k/. К его частотным аллофонам можно отнести придыхательные, спирантизированные, увулярные, палатализованные и имплозивные. Аффрикатизации эвенкийский /k/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда. Зафиксированная широкая вариативность /k/ коррелирует с гармонией гласных, а также зависит от фразовой позиции (начало, середина, конец высказывания), от позиции в слове. Причиной выявленных многочисленных модификаций эвенкийского /k/ является, во-первых, общая ненапряженность эвенкийской артикуляции, которая приводит к произношению щелевых аллофонов /k/ на месте смычных, благо фонологическая система эвенкийского языка этому не препятствует. Во-вторых, факты существования смычных и щелевых аллофонов в качестве свободных вариантов /k/, реализуемых в одних и тех же позициях, говорят о переходных процессах, происходящих в современном эвенкийском языке.

Исследование вариативности и вариантности звукового строя эвенкийского языка далеко от своего завершения. В период, когда носители малочисленного этноса начинают в качестве общения использовать язык своих многочисленных соседей, а свой родной использовать от случая к случаю, все элементы уровней исчезающего из общения языка подвергаются «проверке на прочность», что подтверждается результатами исследо-

ваний на материале других языков (см. напр., [Kobayashi, 2015]). В ходе дальнейшего изучения звуковой вариативности и вариантности в эвенкийском языке предстоит ответить на вопрос, какие признаки обеспечивают устойчивость языка в процессе его забывания, а какие элементы языковой системы будут «разрушаться» прежде всего.

Список литературы

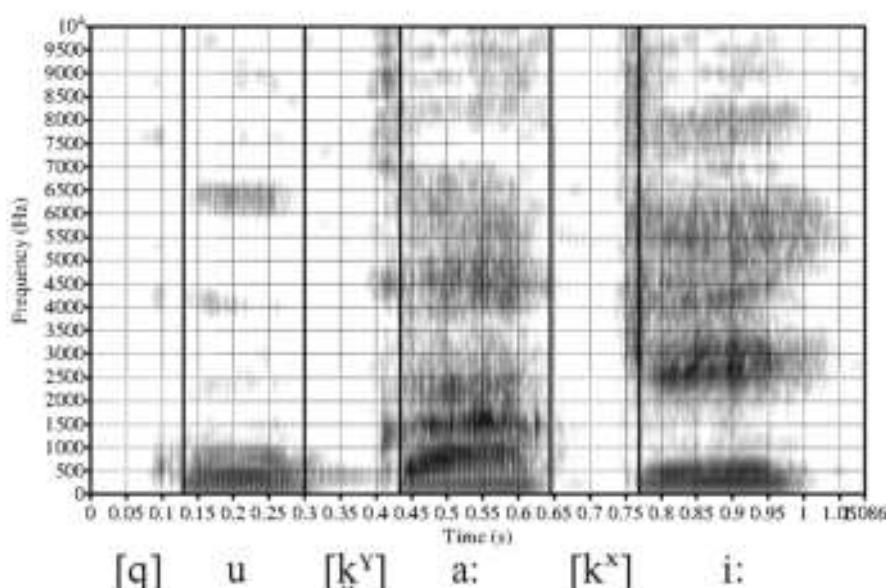
1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск : Наука, 1988. – 142 с.
2. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. – 168 с.
3. Бурыкин, А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенкийского языка) [Текст] / А. А. Бурыкин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.
4. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л., 1948. – 353 с.
5. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : ГИИНС, 1958. – 803 с.
6. Горцевская, В. А. Характеристика говора баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Попе [Текст] / В. А. Горцевская. – М. – Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
7. Дьячковский, Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм [Текст] / Н. Д. Дьячковский. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1977. – 256 с.
8. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л., Наука. 1964. – 274 с.
9. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1960. – Вып. 40. – № 237. – С. 132–169.
10. Морозова, О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке [Текст] / О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 74–85.
11. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэдь-лúчадь түрэрүк [Текст] / А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 46 с.
12. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Л. А. Афанасьева. Ч. 1. – Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2013. – 463 с.
13. Фоноархив лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского гос. ун-та. Благовещенск. 2016.
14. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
15. Шарина, С. И. Состав согласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1. – Ч. 1. – С. 204–206.
16. Широбокова, Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма [Текст] / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Наука, 2001. – 151 с.

17. Ястремский, С. В. Грамматика якутского языка [Текст] / С. В. Ястремский. – М. : Учпедгиз, 1938. – 228 с.
18. Kim, J. A Grammar of Ewen [Text] / J. Kim. – Seoul, Korea: Seoul National University Press, 2011.
19. Kobayashi, Y. Changes in spoken Mongolian in Inner Mongolia Caused by Language Contact with Chinese [Text] / Y. Kobayashi // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2015. – Т. XI. – Ч. 3. Исследования по монгольским языкам. – С. 233–240.
20. Morozova, O. N. Acoustic and perceptual features of Selemdzha Evenki consonants [Text] / O. N. Morozova // Proc. of the 11th Seoul Inter. Altaistic Conference «Synchronic and diachronic studies on Altaic languages». The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU, Korea, 2013. P. 233–247.

References

1. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language]. Novosibirsk.
2. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
3. Burykin, A. A. (2004). *Yazyk malochislenного народа в его письменной форме (на материале evenkiyskogo yazyka)* [A minority language in its written form (Based on Evenki)]. St. Petersburg : Asian-Studies-in-Petersburg Press.
4. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Outlines of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
5. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow.
6. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govora barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Pope* [Features of Barguzin Evenks accent]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
7. D'yachkovskiy, N. D. (1977). *Zvukovoy stroy yakutskogo yazyka. Ch. II. Konsonantizm* [The Yakut sound system. Chapter II. Consonants]. Yakutsk Press.
8. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. – Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
9. Matusevich, M. I. (1960). Ocherk sistemy fonem erbogochenskogo govora evenkiyskogo yazyka na osnove eksperimental'nykh dannykh [The outline of Erbogochen accent of the Evenki language phonological system]. *Uchenye zapiski LGU. Ser. filol. Nauk* [Scientific papers of Leningrad State University. Series Philological Sciences], 40 (237), 132–169.
10. Morozova, O. N. (2015). Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (1), 74–85.
11. Myreeva, A. N. (2004). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.

12. Boldyrev, B. V., Bykova, G. V., Varlamova, G. I., Afanas'eva, L. A. (2013). *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti* [Dictionary of Selemdzha Accent of Amur Region Evenks]. Part 1. Blagoveshchensk.
13. The phonetic archive of the laboratory of phonetic experimental research of the Amur State University. 2016.
14. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
15. Sharina, S. I. (2015). Sostav soglasnykh fonem verkhnekolymskogo govora evenskogo yazyka [Consonant inventory of the Upper-Kolyma accent of the Evenki language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1 (1), 204–206.
16. Shirobokova, N. N. (2001). *Istoricheskoe razvitiye yakutskogo konsonantizma* [Historical development of the Yakut consonant system]. Novosibirsk : Nauka Press.
17. Yastremskiy, S. V. (1938). *Grammatika yakutskogo yazyka* [Yakut Grammar]. Moscow : Uchpedgiz Press.
18. Kim, J. (2011). *A Grammar of Ewen*. Seoul, Korea: Seoul National University Press.
19. Kobayashi, Y. (2015). Changes in spoken Mongolian in Inner Mongolia Caused by Language Contact with Chinese. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Mongolian Studies*, 11 (3), 233–240.
20. Morozova, O. N. (2013). Acoustic and perceptual features of Selemdzha Evenki consonants. *Proc. of the 11th Seoul Inter. Altaistic Conference «Synchronic and diachronic studies on Altaic languages»* (pp. 233–247). The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU, Korea.

Р и с у н о к 1. Реализация слова **кукакӣ** ‘кукша’

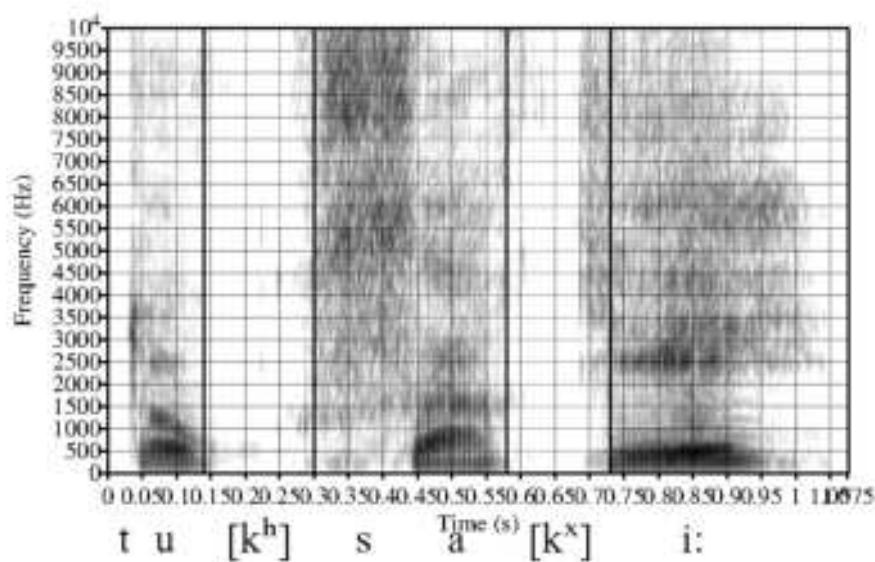

Рисунок 2. Реализация слова *түксакӣ* ‘заяц’

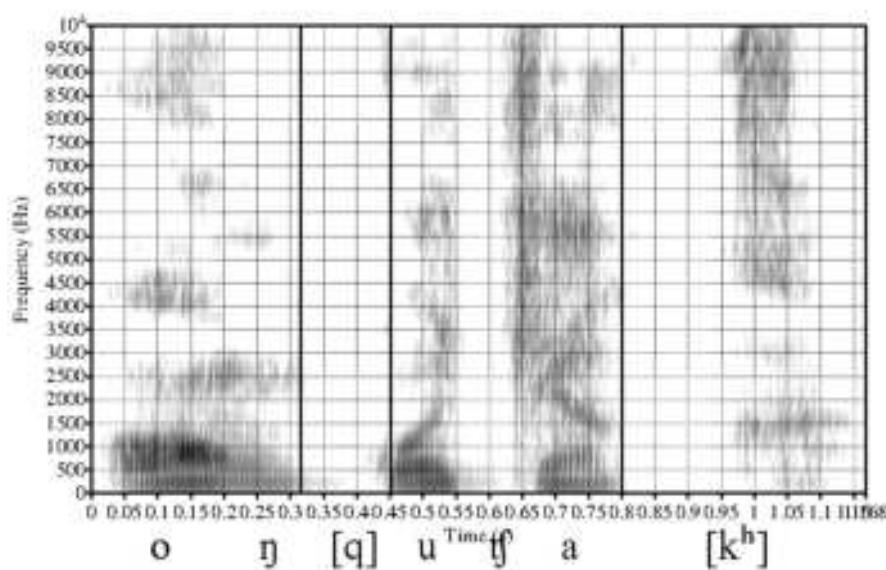

Рисунок 3. Реализация слова *оңқучак* ‘яма, впадина’

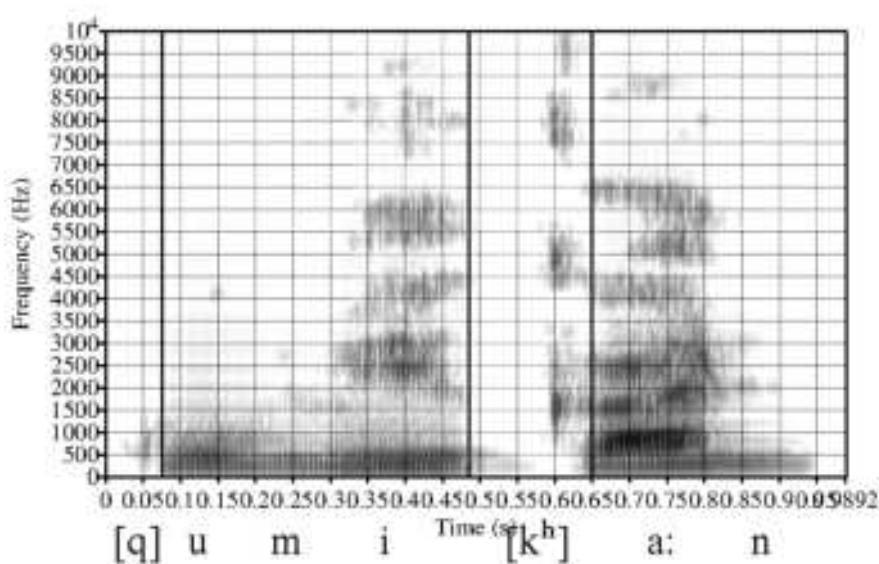

Рисунок 4. Реализация слова *кумикан*
‘маленькое насекомое, букашка’

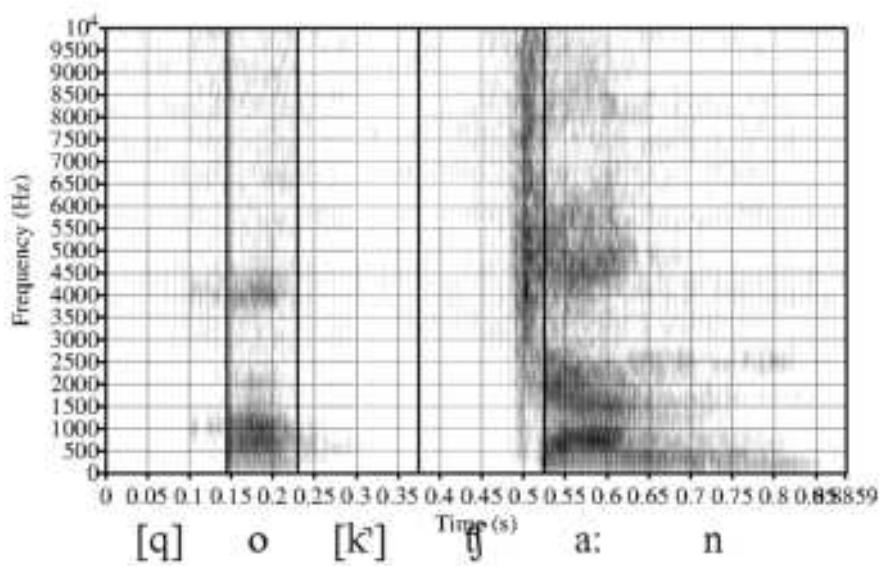

Рисунок 5. Реализация слова *кокчан* ‘малое заднее копытце’

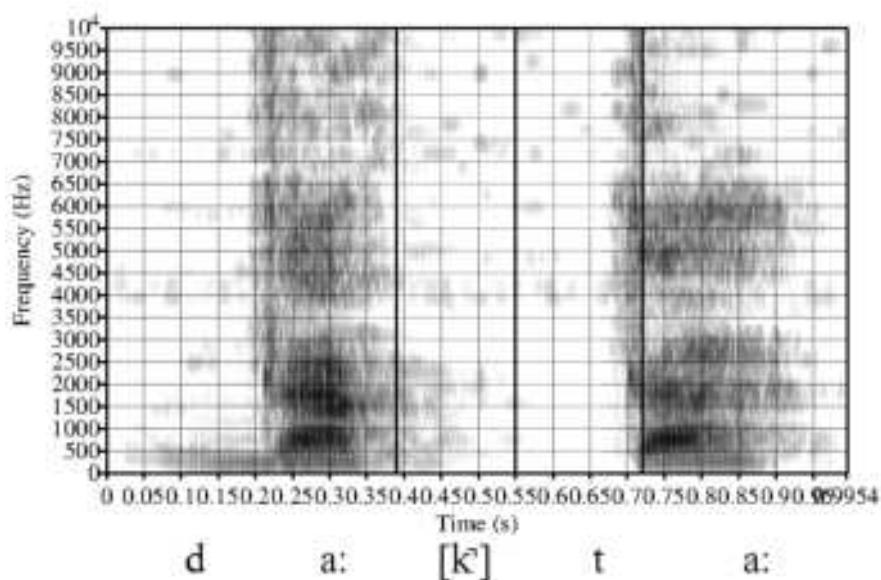

Рисунок 6. Реализация слова *дактэ* ‘клещ’

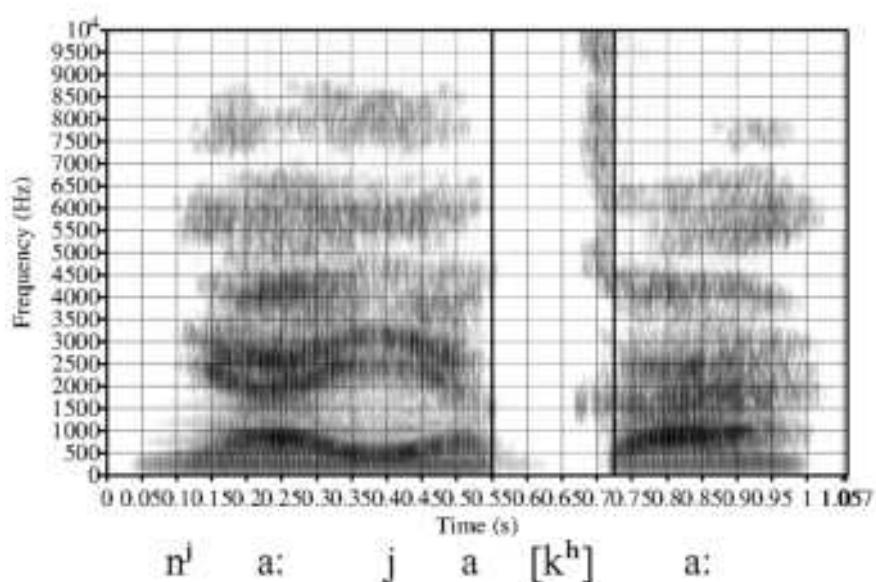

Рисунок 7. Реализация слова *нэйкэ*
‘маленькая вошь’

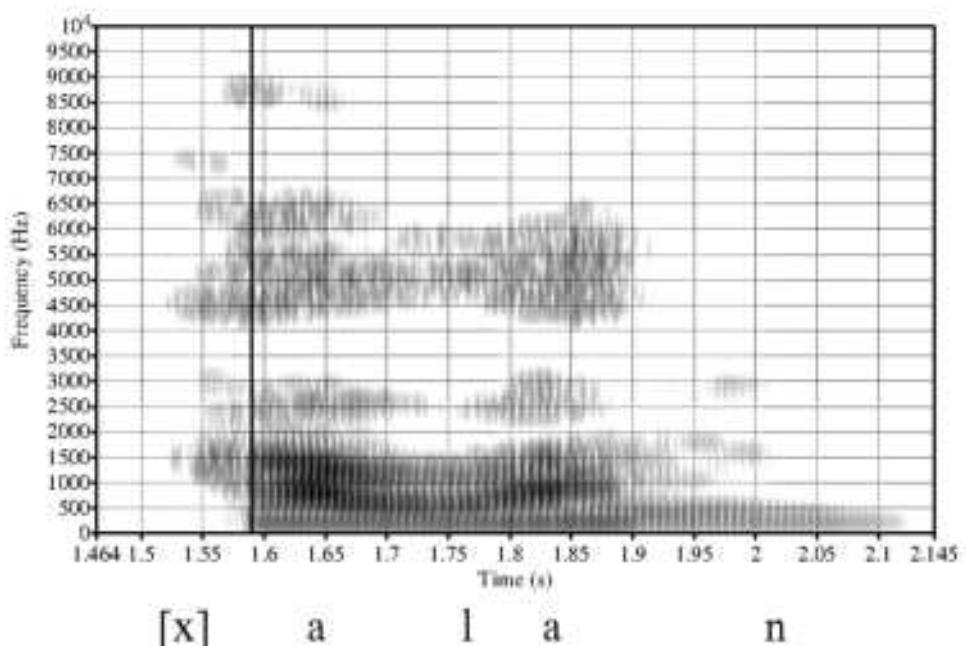

Рисунок 8. Реализация слова *калан* ‘котёл’

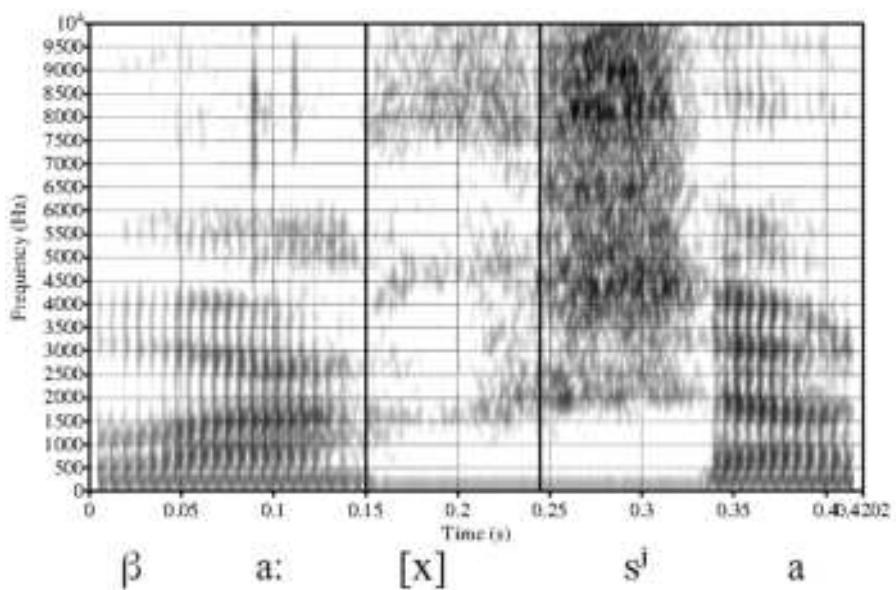
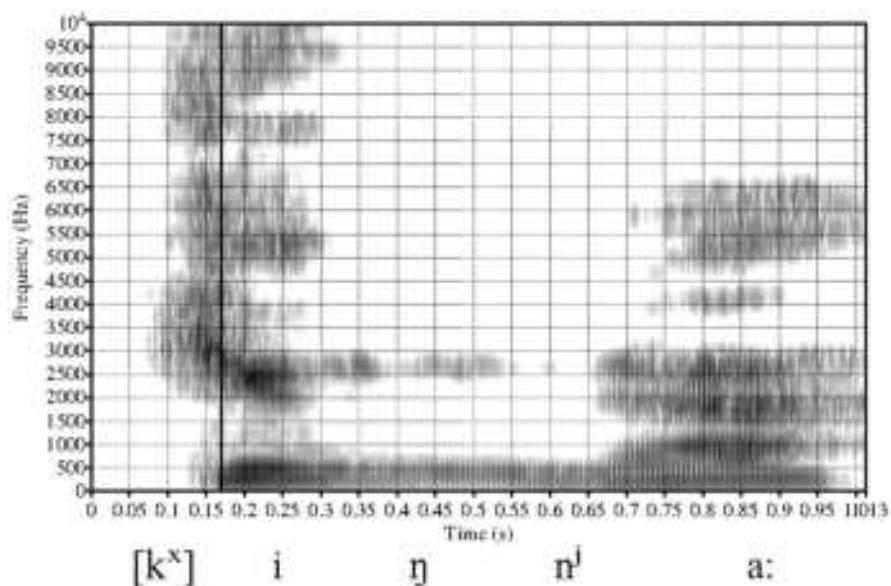

Рисунок 9. Реализация слова *вакся* ‘добыв’

Р и с у н о к 10. Реализация слова *киңэ* ‘лыжа’

**УДК 811.512.212, 81'34
UDC 811.512.212, 81'34**

**Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,
Кравец Татьяна Владимировна, Процукович Елена Александровна**

**Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova,
Tatiana V. Kravets, Elena A. Protsukovich**

**Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation**

morozova_olga06@mail.ru
androsova_s@mail.ru
t_kravetc@mail.ru
amursea@mail.ru

**ГЛАСНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА МЕСТЕ КАНОНИЧЕСКОЙ ДОЛГОЙ
ФОНЕМЫ /з:/ В СЕЛЕМДЖИНСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНКИЙСКОГО
ЯЗЫКА И ИХ ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС***
**PHONETIC PATTERNS OF CANONICAL /з:/ IN THE SELEMNZHA
ACCENT OF THE EVENKI LANGUAGE AND THEIR
PHONOLOGICAL STATUS**

Аннотация

Высокая степень вариантности фонологической системы и моделей её реализации и исчезающий статус эвенкийского языка обуславливают настоятельную необходимость рассмотрения парадигматических и синтагматических фонологических отличий говоров друг от друга и от литературного эвенкийского. Настоящая статья представляет собой акустический анализ феномена «аканья» в селемджинском говоре эвенкийского языка. Полученные результаты, с одной стороны, однозначно подтвердили систематическую замену канонического /з:/ на открытый а-образный звук, а с другой – выявили стабильно большую открытость реализаций на месте собственно /а/. Кроме того, была отмечена дикторская вариантность в реализации характеристики ряда у этих гласных. Значительной разницы по длительности не выявлено. В ходе дальнейших исследований необходимо выяснить, насколько выявленная акустическая разница будет перцептивно значимой.

Abstract

Considerable variability of the Evenki phonological system and its realization patterns as well as its endangered status determine the urgent need for considering paradigmatic and syntagmatic phonological differences among Evenki accents and between accents and standard Evenki. The current paper presents the results of an acoustic study of a-like accent forming in the Selemdzha accent. On the one hand, the obtained results clearly indicate consistent substitute of canonical /з:/ with open a-like sound. On the other hand, canonical

---

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

/a:/ tokens demonstrated greater openness compared to the ones that replaced canonical /z:/. In addition, there was considerable across-speaker variation concerning the feature of advancement-retraction. No significant duration difference was discovered. Further study is necessary to find out if the obtained acoustic difference is perceptually relevant.

Ключевые слова: исчезающие языки, akaющие говоры восточного наречия эвенкийского языка, селемджинский говор, гласные, акустические характеристики.

Keywords: endangered languages, a-like accents of the eastern dialect group, Selemdzha accent, vowels, acoustic features.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_63_73

1. Введение

Исчезающий эвенкийский язык характеризуется высокой степенью вариантности фонологической системы и моделей её реализации, будучи представленным более, чем пятьюдесятью говорами. Селемджинский говор, пожалуй, подвергается наибольшей опасности, поскольку на данный момент насчитывает всего 15 носителей языка, способных свободно говорить на нём. Именно поэтому возникла настоятельная необходимость рассмотреть особенности, отличающие его от литературного¹ эвенкийского, сформированного на основе говоров Подкаменной Тунгуски (Забайкальский край). К одной из таких особенностей, согласно литературным данным, относится долгая гласная фонема /z:/ [Василевич, 1948, с. 263 ; Булатова, 1987, с. 13 ; Морозова et al., 2017]. Её дистрибуция ограничена серединной и конечной позициями в слове в эвенкийском языке в целом. В начальной позиции она фигурирует только в двух словах: *эри-мī* «звать, позвать» (и его производные), *эндекит* «мифическая река, ведущая в мир мёртвых».

Поскольку селемджинский говор относится к восточному наречию², речь его носителей характеризуется «акающим» акцентом [Булатова, 1987, с. 13 ; Морозова et al., 2017, с. 68], который, с позиций Щербовской фонологической школы, должен означать фонемную замену – реализацию гласного /a:/ (вероятно, долгого – в литературных данных комментарии по этому поводу отсутствуют) на месте канонического долгого /z:/. Данная фонологическая интерпретация полностью укладывается в широкое пони-

¹ Мы не используем термин «стандартное эвенкийское произношение», поскольку произносительный стандарт, будучи искусственно навязанным, так и не был принят жителями эвенкийских поселений – носителями двух других наречий, что создало серьёзные расхождения между написанием и произношением. На месте буквы «э» с надчёркиванием, предполагающей в литературном эвенкийском реализацию долгой фонемы /z:/, фактически, носителями восточного наречия произносится гласный [a], а носителями северного наречия – гласный [o] [Булатова, 1987, с. 13].

² Одному из трёх наречий данного языка [Булатова, 1987 ; Цинциус, 1949].

мание нормы как общеязыковой категории, которая характеризует различные языковые образования (литературный язык, диалекты, социолекты и т. д.) [Косериу, 2010, с. 136 ; Наумов, 2010], которой придерживаются и авторы настоящего исследования. Сказанное, в свою очередь, означает, что, вероятно, долгая фонема /з:/ отсутствует в селемджинском говоре эвенкийского языка.

Следует отметить, что это не единственный подобный прецедент. В 1936 году В. А. Горцевская [Горцевская, 1936, с. 4], анализируя работу Н. Н. Поппе, отметила отсутствие данной гласной фонемы в баргузинском говоре эвенкийского языка, относящемся к тому же восточному наречию. Позже В. И. Цинциус [Цинциус, 1949, с. 99] отметила, что долгая фонема /з:/ (для её обозначения автор использовал букву «Э» с надчёркиванием) в отдельных говорах языков северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков часто выступает в виде вариаций ā (акающие говоры эвенкийского и эвенского языков) или ō (окающие говоры тех же языков), а в южной подгруппе обычно находит себе соответствие в виде ē~é. Такая интерпретация могла бы соответствовать теории фонемы и её аллофонов Московской фонологической школы, которая предусматривает возможность «перекрецивания» аллофонов (один и тот же аллофон может представлять разные фонемы). Вместе с тем, применение такой тактики к несовпадающим фонологическим единицам разных наречий и говоров одного языка представляется весьма спорным. Существование варианта / вариации / аллофона / оттенка [a:], представляющей фонему /з:/, требует, по крайней мере, наличия самого [з:], а такого в селемджинском говоре, похоже, не наблюдается.

Для селемджинского говора, кроме указанной замены долгой /з:/ на долгую /а:/, это может ещё и означать возможность аналогичной замены краткой /з/ на /а/ (по логике вещей – на краткую)³. Это в свою очередь может означать, как минимум, ограничение дистрибуции краткого /з/, в случае если «аканье» распространялось не на все позиции, или даже полное вытеснение коррелятивной пары из вокализма данного говора, если «аканье» имеет место во всех позициях.

Учитывая вышесказанное, сформулируем гипотезу настоящего исследования.

1. В селемджинском говоре эвенкийского языка общепринятой является исторически сложившаяся замена долгой фонемы /з:/ на долгую /а:/, в результате которой система гласных в данном говоре насчитывает меньше единиц.

2. Указанная парадигматическая и синтагматическая особенности ведут к нарушению сингармонизма в данном говоре эвенкийского языка.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведён акустический эксперимент.

³ В данном исследовании мы ограничимся лишь первой упомянутой парой.

2. Акустический анализ

2.1. Материал и методика исследования

В исследовании был использован звуковой материал, полученный от одного мужчины (Dm) и двух женщин (Df1, Df2) в возрасте 54–72 лет, для которых эвенкийский язык является в полном смысле родным, то есть усвоенным с самого раннего возраста в кругу семьи, а русским – вторым языком, усвоенным в период обучения в школе (с семи лет). Все дикторы демонстрируют полный билингвизм (т. е. свободное владение обоими языками).

В основной корпус исследования вошли изолированные слова, в которых, по слуховым впечатлениям, вместо долгой фонемы /z:/ реализуется долгая /a:/. Каждое слово было записано в троекратном повторении. Запись осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. Запись производилась при стандартных параметрах оцифровки (44 кГц, 16 бит, моно) с помощью программы Audacity [Audacity, 2016]. Кроме того, были использованы некоторые фрагменты из спонтанной речи одного из носителей исследуемого говора, записанной в аналогичных условиях. Уровень владения русским языком данного диктора был оценён группой экспертов-русистов как посредственный.

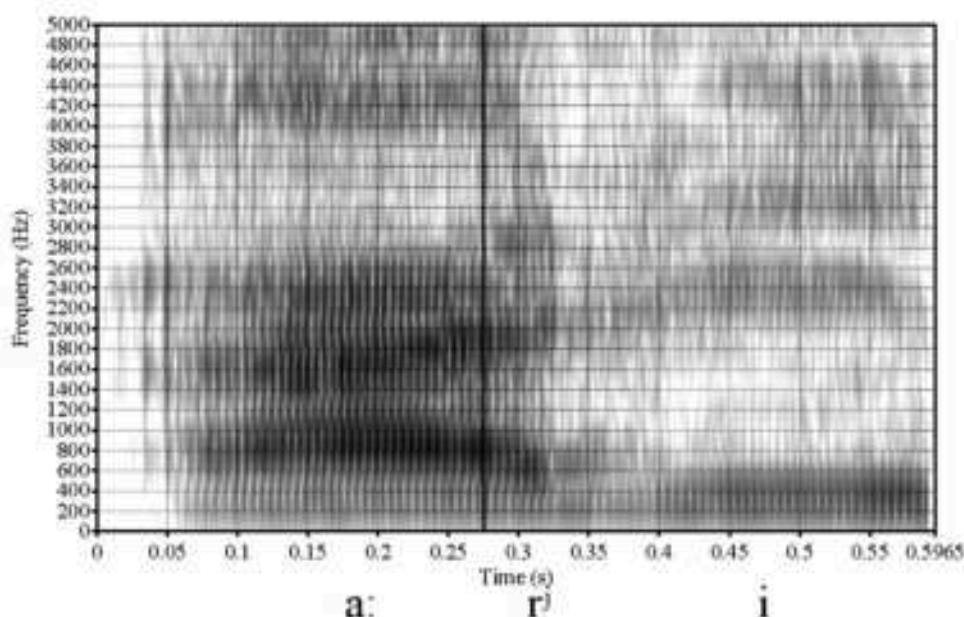
Акустический анализ (сегментация, замеры длительности и значений первой и второй формант – F1, F2) проводился в программе PRAAT [Boersma, 2017]. Для каждого гласного было проанализировано по 18 реализаций от каждого диктора. Общее количество реализаций – 108 (54 на месте /z:/ и столько же – на месте /a:/).

Прежде чем приступить к обсуждению результатов, необходимо отметить ряд трудностей, с которыми столкнулись авторы настоящего исследования в связи с неоднозначностью отношений «написание – фонема». Каноническая гласная /z:/ на письме обозначается буквой ё, однако на нашем материале отмечен не один, как ожидалось – /a:/, – а два варианта прочтения данной буквы: /a:/ (Ёрими «звать, позвать» ёңдекит, кумикэн «жук», гэләмй «просить») и /e:/ (Ёкун «что», ёмә «какой», ёкуды-кат «любой»). Как видно из приведённых примеров, перекрещивание этих прочтений происходит и в начальной позиции. Нельзя не отметить, что и сами дикторы-эвенки – носители «акающего» говора – испытывали немалые сложности, столкнувшись со словами, содержащими в написании данную букву, и далеко не сразу узнавали эти слова. Порой им было проще вспомнить соответствующее эвенкийское слово, посмотрев на русский перевод. Указанные факты поднимают ещё одну проблему, относящуюся к современной эвенкийской письменности и её потенциала не разрушать, а сохранять аутентичные модели реализации эвенкийских фонем.

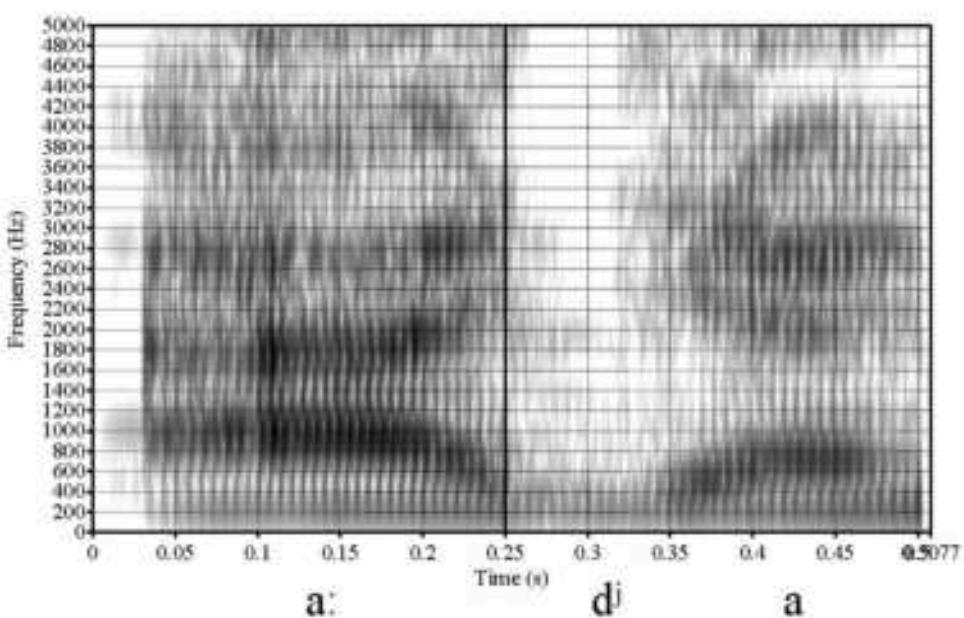
2.1. Обсуждение результатов

Как уже упоминалось, дистрибуция долгой фонемы ограничена серединной и конечной позициями в слове. В начальной позиции не употребляется. В словах ёрими «звать, позвать» и ёңдекит «мифическая река,

ведущая в мир мёртвых» с начальной канонической /з:/ в речи исследуемых дикторов реализуется долгая /а:/, о чём свидетельствует формантная картина, особенно – высокое значение F1 (средние значения формант гласного в реализациях указанных слов составили: F1=787, F2=1628). На рисунке 1 приведён один из таких примеров. Для сравнения на рисунке 2 приведён пример реализации канонического /а:/.

Рисунок 1. Реализация долгой /а:/ на месте /з:/ из слова *Эрими* «звать, позвать»

Рисунок 2. Реализация долгой /а:/ из слова *Адямы* «поспать»

На обоих рисунках стационарные участки до зоны перехода к следующему согласному явно акустически схожи как по F1, так и по F2.

В абсолютном конце слов каноническая /з:/ в 100% случаев заменялась на долгую /а:/. Указанная замена имеет место, например, в корнях слов типа *бэйнгэ* «зверь», *некэ* «соболь», *сэксэ* «кровь» и подобных, а также в суффиксе -лэ. В последнем случае возникает омофония суффиксов -лэ и -ла, которую можно наглядно продемонстрировать на рисунках 3–4.

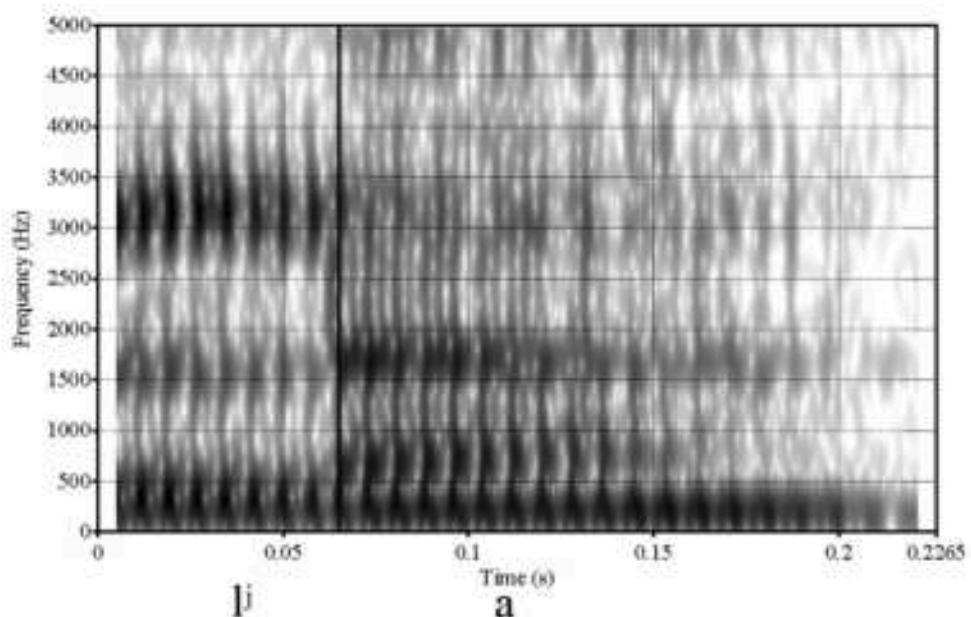

Рисунок 3. Реализация долгой /а:/ из слова *посёлкала* «посёлок»

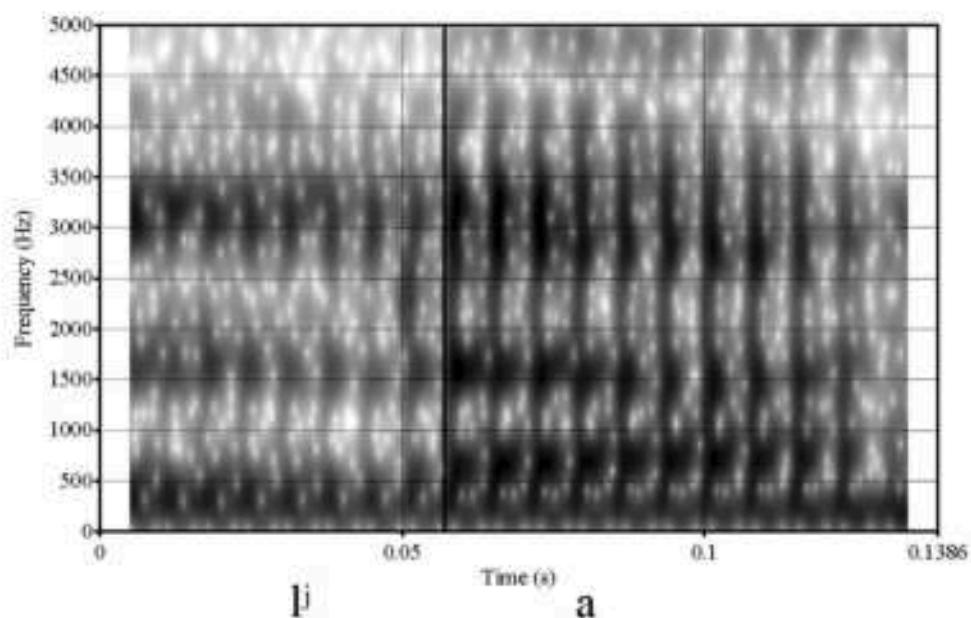
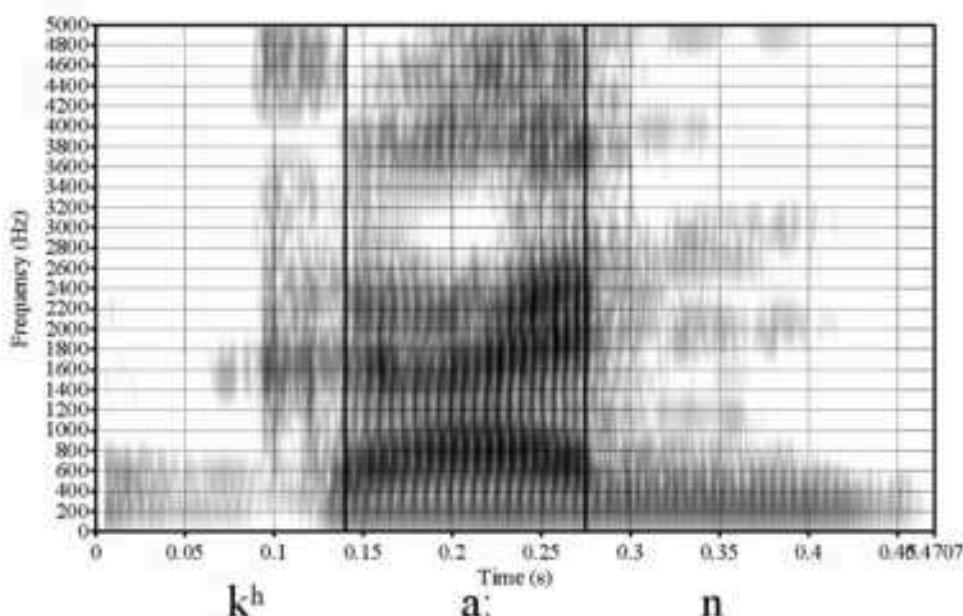

Рисунок 4. Реализация долгой /а:/ на месте канонической /з:/ из слова *ихэвдэлэ* «спока не выросла»

В середине слова в суффиксах *-кэн*, *-чэн*, *-мэн* и корневой морфеме также реализуется а-образный гласный: например, *ирэксэ* «шкура оленя». Один из характерных примеров – суффикс *-кэн* из слова *урэкэн* «горка» – приведён на рисунке 5.

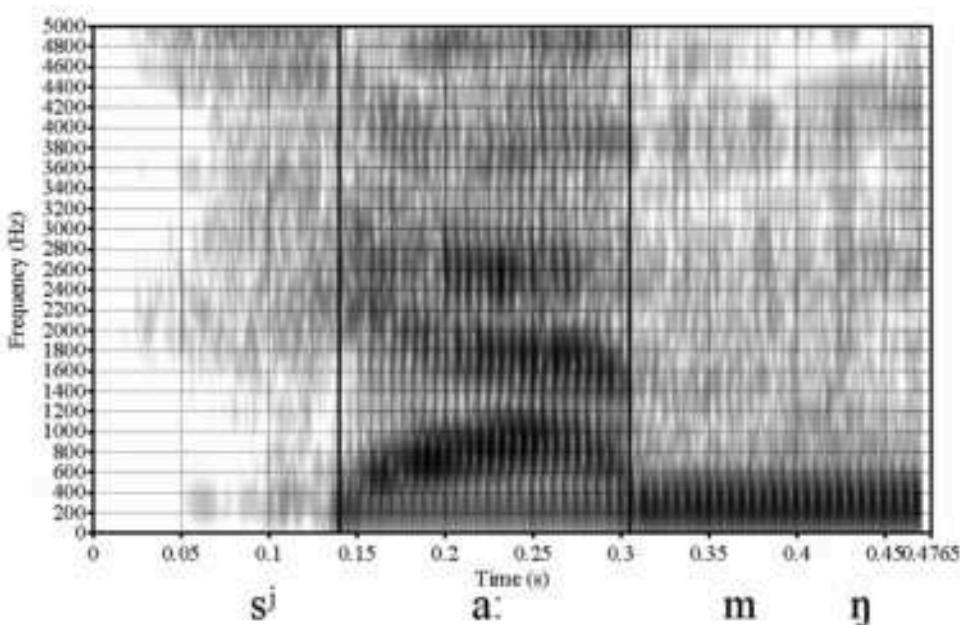

Рисунок 5. Реализация долгой /а:/ на месте канонической /з:/ из слова *урэкэн* «горка»

В сочетании с предшествующей фонемой /s/ замена /з:/ на /а:/ сопровождалась реализацией предшествующего мягкого аллофона [s]⁴, на что указывал соответствующий i-образный переход как, например, в слове *сэмнгими* «потерять» (см. рис. 6). В препозиции к канонической /а:/ был реализован исключительно твёрдый аллофон. Таким образом, в данной точке синтагматики потенциальной омофонии не возникало по причине существенных акустических отличий, выраженных наличием либо отсутствием i-образного перехода, и разной дистрибуции твёрдого и мягкого аллофона фонемы /s/.

Для а-образных реализаций на месте канонического /з:/ и для реализаций собственно /а:/ по каждому диктору были вычислены средние значения, первый и третий квартили (среднее минимальное и среднее максимально значения соответственно) и длительность (см. табл. 1). У всех дикторов отмечалась разница по всем указанным параметрам для F1 в сторону больших значений для реализации собственно /а:/ по сравнению с а-образными реализациями на месте канонического /з:/, хотя последние, безусловно, следует считать открытыми, а не среднего подъёма, как предполагается для канонического /з:/.

⁴ По признаку мягкости в эвенкийском языке есть только две коррелятивные пары: /d/-/d/, /n/-/n/ [Василевич, 1948, с. 6; Константинова 1964, с. 22–23].

Рисунок 6. Реализация долгой /а:/ на месте канонической /з:/ после мягкого [s] из слова съмнгим «потерять»

По F2 у Dm наблюдалась обратная тенденция – более высокие значения у а-образных реализаций на месте канонического /з:/, что свидетельствует об их более переднем характере по сравнению с реализациями собственно /а:/. Для Df1-2, наоборот, значения F2 канонической /а:/ превышали а-образные реализации на месте /з:/, что свидетельствует о более переднем характере /а:/. Значительной разницы по длительности для Dm и Df1 не отмечено; для Df2 длительность реализаций канонического /а:/ превышала длительность а-образных реализаций на месте /з:/.

Таблица 1. Статистическая обработка акустических параметров

Диктор	Параметр	F1	F2	Длительность	F1	F2	Длительность
		/з:/ → /а:/			/а:/		
Dm	Среднее	772	1656	166	894	1537	181
	1 квартиль	744	1590	132	820	1496	126
	3 квартиль	796	1704	210	978	1567	232
Df1	Среднее	759	1496	235	866	1671	239
	1 квартиль	716	1424	200	845	1614	177
	3 квартиль	791	1572	267	890	1730	278
Df2	Среднее	663	1601	115	773	1690	156
	1 квартиль	597	1527	92	737	1662	125
	3 квартиль	721	1694	122	799	1719	175

Как показывают вычисленные статистические параметры, колебания значений F1 и F2 были в ряде случаев весьма заметными, что, разумеется, обусловлено влиянием фонетического окружения – разного согласного контекста, однако значения не перекрещивались, за исключением 3 квартиля для F2 по /з:/ → /а:/ и 1 квартиля для F2 по канонической /а:/ у Df2 (практически одинаковые значения). Разброс значений длительности был более заметным для реализаций канонической /а:/.

3. Заключение

Проведённый акустический анализ реализаций канонических /з:/ и /а:/ в разных позициях в слове и в окружении разных согласных подтвердил реализацию а-образного открытого гласного на месте канонического /з:/, о чём свидетельствуют полученные формантные значения. Вместе с тем, были выявлены несовпадения по формантной структуре а-образных реализаций на месте канонического /з:/ и реализаций канонического /а:/ . То, насколько эта разница окажется перцептивно значимой, поможет выяснить перцептивный эксперимент, программа которого должна быть построена на потенциальных слогах и сочетаниях-омофонах.

Если указанная разница окажется перцептивно незначимой и омофония, действительно, будет иметь место, то это может означать далеко идущие последствия для вокализма селемджинского говора эвенкийского языка. Реализация долгой фонемы /а:/ на месте канонической долгой /з:/ подрывает закон гармонии гласных в эвенкийском языке. Возможно, имеется компенсаторный механизм, позволяющий на данном этапе развития языка удерживать эвенкийский сингармонизм в селемджинском говоре от разрушения. Таким механизмом может быть дистрибуция твёрдых и мягких аллофонов согласных в препозиции к каноническим /з:/ и /а:/ . Следует отметить, что мягкость в случае фонемой /s/ может оказаться перцептивно-полезным признаком для интерпретации акустически а-образного гласного как канонического /з:/, поскольку аллофон [s^j] с канонической /а:/ не сочетается, а значит потенциал для омофонии отсутствует. Между тем, указанное дистрибуционное ограничение не работает в других случаях, кроме /s/. В связи с этим, необходимо выяснить, будет ли действовать какой-либо компенсаторный механизм (возможно, выявленная разница по F1, F2) при наличии омофонии с мягкими аллофонами и при отсутствии смягчения, например, предыдущих заднеязычных согласных, после которых вместо /з:/ также реализуется а-образный гласный.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность Александру Михайловичу Певнову, Алексею Алексеевичу Бурыкину и Надежде Яковлевне Булатовой за неоцененную помощь в интерпретации спорных вопросов современной эвенкийской фонологии, связанных, в том числе с диахроническим аспектом данного языка.

Список литературы

1. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник ; АН СССР, Ин-т языкоznания. – Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. – 168 с.
2. Булатова, Н. Я. Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селемджинского говора эвенкийского языка [Текст] / Н. Я. Булатова, О. Н. Морозова, Г. А. Стручков / отв. ред. О. Н. Морозова, науч. ред. Н. Я. Булатова. – Благовещенск, 2017. – 210 с.
3. Бурыкин, А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка) [Текст] / А. А. Бурыкин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.
4. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л., 1948. – 353 с.
5. Горцевская, В. А. Характеристика говоров баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Поппе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
6. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л., Наука. 1964. – 274 с.
7. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история [Текст] / Э. Косериу. – М. : URSS, 2010. – 184 с.
8. Морозова, О. Н. Коллективный портрет селемджинских эвенков (фонетический аспект) [Текст] / О. Н. Морозова, Т. В. Кравец, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 2. – С. 58–103.
9. Наумов, В. В. Государство и язык. Формулы власти и безвластия [Текст] / В. В. Наумов. – М. : КомКнига, 2010. – 184 с.
10. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
11. Audacity (Version 2.1.3) [Computer program]. – 2016. – Retrieved from <<http://www.audacityteam.org>>.
12. Boersma, P. Praat: Doing phonetics by computer (Version 6.0.33) [Computer program] / P. Boersma, D. Weenink. – 2014. – Retrieved from <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.

References

1. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
2. Bulatova, N. Ya., Morozova, O. N., Struchkov, G. A. (2017). *Zvukovoy evenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskiy slovar'. Zvukovoy russko-evenkiysko-angliyskiy tematicheskiy slovar': na materiale selemdzhinskogo govora evenkiyskogo jazyka* [Sound Evenki-Russian-English subject dictionary. Sound Russian-Evenki-English subject dictionary: Based on the Selemdzha accent of the Evenki language]. Blagoveshchensk.
3. Burykin, A. A. (2004). *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoy forme (na materiale evenkiyskogo jazyka)* [A minority language in its written form (Based on Evenki)]. St. Petersburg : Asian-Studies-in-Petersburg Press.

4. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [The Outline of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
5. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govora barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Poppe* [Features of Barguzin Evenks accent. Based on N. N. Poppe materials]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
6. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. – Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
7. Koseriu, E. (2010). *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya* [Synchrony, diachrony and history]. Moscow : URSS Press.
8. Morozova, O. N., Kravets, T. V., Androsova, S. V. (2017). Kollektivnyy portret selemdzhinskikh evenkov (foneticheskiy aspekt) [Collective portrait of Selemdzha Evenks' speech (phonetic aspect)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (3), 58–103.
9. Naumov, V. V. (2010). *Gosudarstvo i yazyk. Formuly vlasti i bezvlastiya* [State and language. The formula of power and the lack of power]. Moscow : KomKniga Press.
10. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
11. Audacity. (2016). [Computer program] (Version 2.1.3). Retrieved from <<http://www.audacityteam.org>>.
12. Boersma, P., Weenink, D. (2014). *Praat: Doing phonetics by computer* [Computer program] (Version 6.0.33). Retrieved from <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.

УДК 811.512.212
UDC 811.512.212

**Процукович Елена Александровна, Морозова Ольга Николаевна,
 Андрюсова Светлана Викторовна
 Амурский государственный университет
 г. Благовещенск, Российская Федерация**
**Elena A. Protsukovich, Olga N. Morozova, Svetlana V. Androosova
 Amur State University
 Blagoveshchensk, Russian Federation**
 amursea@mail.ru
 morozova_olga06@mail.ru
 androsova_s@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна
**Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
 Санкт-Петербург, Российская Федерация**
**Nadezhda Ya. Bulatova
 Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
 St. Petersburg, Russian Federation**
 bulatovany@gmail.com

Черноградская Ольга Николаевна
**Ивановский культурно-досуговый центр
 с. Ивановское, Селемджинский район, Амурская область, Российская Федерация**
**Olga N. Chernogradskaya
 Cultural and recreational center of Ivanovskoye settlement
 Ivanovskoye, Selemdzha District, Amur Region, Russian Federation**
 aylo9321@mail.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В С. ИВАНОВСКОЕ СЕЛЕМДЖИНСКОГО РАЙОНА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ* SOCIOLINGUISTIC SITUATION IN THE IVANOVSKOE SETTLEMENT, SELEMDZHA DISTRICT, AMUR REGION

Аннотация

Статья представляет собой социолингвистический очерк о селемджинских эвенках. Даны историческая справка об образовании и развитии села Ивановское Селемджинского района Амурской области. Приведены статистические данные о составе населения села. Вместе компактного проживания эвенков проведён анализ современной языковой ситуации. Его результаты свидетельствуют о явном вытеснении русским языком эвенкийского языка из всех сфер его использования. Представлен пилотный анализ спонтанной речи одного из немногих представителей эвенкийского этноса, свободно владеющего родным языком. Выявлены частота и характер русских вкраплений в эвенкийскую речь.

---

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

Abstract

The article presents a sociolinguistic study of the Selemdzha Evenks. The paper gives a historical overview of establishing and development of the Ivanovskoe settlement of the Selemdzha district of the Amur Region. Statistical data on the population structure of the settlement is given. Analysis of the contemporary language situation is carried out in the place of compact settlement of the Evenks. The results clearly indicate the replacement of the Evenki language from all spheres of its use by the dominating Russian language. We also performed a pilot study of spontaneous speech of one of the few representatives of the Evenki ethnos who are fluent in their native language. Frequency and peculiarities of Russian insertions into Evenki speech are demonstrated.

Ключевые слова: эвенки, место компактного проживания, эвенкийский язык, селемджинский говор, языковая ситуация.

Keywords: Evenks, the place of compact settlement, the Evenki language, the Selemdzha accent, the language situation.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_74_85

1. История развития села Ивановское и языковая ситуация

Эвенкийский язык имеет статус языка коренного малочисленного народа Российской Федерации. На эвенкийском языке в настоящее время говорят эвенки, проживающие отдельными группами на огромной территории России: в Красноярском крае (Эвенкийский муниципальный район и Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный округ), Забайкальском и Хабаровском краях, в Бурятии, в Иркутской, Томской, Читинской, Амурской областях, на Сахалине, в Республике Саха (Якутия) [Болдырев, 2009, с. 2]. Кроме этого, эвенки проживают на северо-востоке Китайской Народной Республики (около 40 тыс. чел.) и в Монгольской Народной Республике (около 2 тыс. чел.) [Письменные языки, 2003, с. 641].

В Амурской области эвенки являются единственными представителями коренных малочисленных народов Севера. Основная доля эвенков, проживающих на территории Амурской области, сосредоточена в местах компактного проживания в Зейском, Тындинском, Мазановском и Селемджинском районах. В Зейском районе в поселке Бомнак проживают представители эвенкийских родов Бута, Буллот и Каңагир. В селе Усть-Нюкжа Тындинского района сосредоточены эвенки родов Букачар, Доңой, Метакар, Иңэлас, Чакигир, Ёкоткор, Ниноган, Лалыгар, Интылгун; в селе Первомайское проживают эвенки родов Сологон, Коничар, Куртак, Чакагир, Хэбгин, Бута. В селе Ивановское Селемджинского района эвенки представлены родами Бута, Эдян [Пылаева, 2003, с. 73–75].

Селемджинские эвенки проживают на северо-востоке Амурской области, приравненной к территориям Крайнего Севера. Село Ивановское расположено в долине реки Эльга за тремя перевалами (Лукачевским, Селемджинским и Экимчанским) в 53 километрах к юго-востоку от п. Экимчан. Село окаймлено горными хребтами – Селемджинским и Эзопом.

Село Ивановское было основано в 1893 году как прииск. Оно располагалось вверх по реке Эльга, на правом её берегу от нынешнего расположения села. Эвенки и якуты Амурской области до революции в основном вели кочевой образ жизни по востоку области и Хабаровскому краю. Революция внесла коренные изменения в жизнь его жителей. Началась коллективизация и культурная революция. В 1927 году был основан Жедринский сельский совет. В 30-х годах массовая кооперация местного населения дошла до жителей с. Ивановское.

21 октября 1931 году из местных якутов и эвенков была организована сельхозяйственно-промышленная артель им. Ворошилова. При организации в артель вошло 33 хозяйства, имевшие 585 оленей и 4 лошади. Прежде всего, началось строительство жилых домов и других хозяйственных построек. Приобретались лошади, которых жители села обеспечивали кормами. «Наш колхоз, который мы именуем колхозом имени Ворошилова, организовался в ноябре 1931 года. При организации колхоза в него вошло 33 якутских семейства, имевшие оленей и лошадей. Первое время жили в палатах. Прежде всего, мы занялись строительством домов и других хозяйственных построек. Приобретали лошадей, обеспечивали их сеном...», – вспоминают колхозники Пахомов, Васильева, Мельников.

К 1933 году колхоз значительно окреп и вырос, в него входило уже 47 семей. Оленье стадо составляло 800 голов, 5 голов коров, 12 лошадей. Было построено 8 домов. Стали заниматься овощеводством. Поля в 5,5 гектаров засаживались овсом, картофелем и другими овощами. В 1934 году под посевы было раскорчевано – 4,25 га, а всего посеяно – 12,25 га. К 1934 году оленей насчитывалось до 870 голов, 6 голов взрослого рогатого скота, 4 телят, было приобретено 2 свиньи. Выстроены еще 2 помещения и клуб. Если в 1932 году общая стоимость имущества колхоза составляла 28 тыс. рублей, то в 1934 году стоимость достигла 105 тыс. рублей. Основной неделимый фонд колхоза составлял 23735 рублей.

В клубе (избе-читальне) были организованы ликбезы для местного населения. Этим занимались в основном школьники, которые приезжали летом на каникулы и обучали взрослых людей грамоте. Здесь же разучивали песни, ставили концерты художественной самодеятельности. Проводились конкурсы на лучшую избу и двор колхозников при участии комсомольцев. Просматривали фильмы (кинопередвижки), которые курсировали по району. Таким образом, местное население впервые узнали про кино, на тот момент ещё немое. Были организованы общежитие и ясли, оборудованы столовая и комната для больных.

В период Великой Отечественной войны многие мужчины села ушли на фронт. Несмотря на трудное положение, колхозом обеспечивались грузоперевозки на строительство стратегической линии связи от п. Экимчан до прииска Софийского. Оставшиеся в тылу эвенки оказывали активную помощь фронту, отправляли посылки, занимались разведением оленей.

В 1946 году село было перенесено на более удобное место. Расширилось изготовление национальных изделий (унты, шапки, заготовки, рукавицы, тапочки, кумаланы и т. д.). Это приносило колхозу большой доход.

В 1954 году впервые в домах зажигаются электрические лампочки, в этот же период была организована лисоферма, на которой насчитывалось 80 серебристо-черных лисиц.

В 1963 году строится новая школа, клуб на 150 мест, баня, контора, гараж, детский сад на 50 мест. За счёт средств области построены двухквартирные дома, интернат на 150 мест, библиотека на 8 тыс. книг. Все объекты отапливались от центральной котельной. В колхозе были образованы 4 оленеводческих бригады. Поголовье оленей превысило 3 тыс. голов. Действовала «Красная палатка», которая объезжала оленеводческие бригады с беседами о жизни колхоза, обстановке в стране, а позже, с появлением агитбригады, с концертами и обменом книг.

«Работаю бригадиром с начала посевной. В моей бригаде 8 человек, преимущественно молодёжь. Из них 3 комсомольца. Соцдоговор мы заключили сначала с бригадой Ефремова», – вспоминает Савва Соловьев.

По решению облисполкома в 1959 году на базе артели им. Ворошилова был организован колхоз «Улгэн». После чего в феврале 1977 года колхоз был реорганизован в совхоз «Улгэн». Национальный совхоз наконец-то получил оленеводческое направление. В 1973 году Жедринский сельский совет был переименован в Ивановский, затем ему дали название – с. Ивановское.

В 1984 году строится новая современная школа, директором которой являлся М. М. Ермаков. На тот момент в школе работало 16 учителей. Было организовано 10 кружков для детей и спортивных секций, а также создан школьный музей. В 1994 году был создан Ивановский участок муниципального предприятия СМП «Жилтеплоэлектросеть». В 2001 году строится новое здание детского сада «Звёздочка», который впоследствии стал национальным детским садом с этнонациональной направленностью в области эвенкийского языка и культуры.

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» за селом Ивановское Селемджинского района Амурской области закреплён статус поселения компактного проживания селемджинских эвенков.

По данным статистики Ивановского сельсовета Селемджинского района Амурской области на 01.01.2016 г. в с. Ивановское проживало 396 чел., из них – 322 эвенка (81,5%) шести эвенкийских родов – Бута, Эдян (Эдён), Лалигир (Лалэгэрдар), Кумкада, Каңагир, Мэнэмнү (Моңо) (в порядке убывания количества представителей каждого рода). Эвенкийских родов Аинкагир, Бэтум [Василевич, 1958, с. 576–577], Бэтунг, Буллот (Болдырев, 2013, с. 11), проживающих на территории Селемджинского района Амурской области, не зарегистрировано. Село Ивановское отличается по разнородности этнического состава населения и превосходит другие сёла Амурской области по количественному составу этнических эвенков: в селе проживают 322 эвенка, 60 якутов, 20 представителей других национально-

стей [Морозова, 2017, с. 66]. Основными видами традиционной деятельности селемджинских эвенков являются оленеводство, охотничий промысел, пошив национальных изделий, сбор дикоросов [Болдырев, 2013, с. 9].

Согласно уточненной классификации говоров эвенкийского языка, селемджинский говор относится к селемджинско-буреинско-урмийскому диалекту восточного наречия эвенкийского языка северной ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи [Булатова, 1987, с. 81–87]. Эвенкийский язык села Ивановское Селемджинского района характеризуется разнородностью. Предками эвенков, проживающих в селе в настоящее время, были эвенки, переселившиеся из Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, а также эвенки поселка Якутская Стойба, существовавшего ранее в Амурской области. Переселенцы из Хабаровского края являлись носителями эвенкийского языка, эвенки поселка Якутская Стойба владели эвенкийским и якутским языками. К селемджинскому говору эвенкийского языка относят также язык эвенков Каанай, отдельно проживающих на территории Мазановского района в своих охотничьих родовых угодьях по берегам рек Нора, Джелтула, Асмакан, Эгор [Морозова, 2017, с. 66–67].

Известно, что наиболее «компетентными знатоками» [Болдырев, 2013, с. 12] эвенкийского языка в настоящее время являются представители старшего поколения эвенков в возрасте от 50 до 80 лет [Морозова, 2014, с. 213]. Исследование социолингвистической ситуации в Амурской области показало, что из 322 эвенков, проживающих в селе Ивановское, бегло на родном языке говорят 15 человек, что составляет менее 5% населения [Морозова, 2014, с. 211]. Эвенки 30–40 лет на эвенкийском языке не говорят, лишь в какой-то мере понимают, о чём идёт речь. Те из эвенков, кто продолжает заниматься охотой или оленеводством, знают охотничью и оленеводческую терминологию и используют её в речи. Но языком повседневного общения для них является русский язык [Болдырев, 2013, с. 13]. Молодёжь и дети амурских эвенков не владеют эвенкийским языком: в условиях отсутствия языковой среды общения он в лучшем случае «воспринимается как иностранный» [Пылаева, 2003, с. 68; Тураев, 2006, с. 111].

В детском саду «Звёздочка» села Ивановское ведётся преподавание эвенкийского языка по уникальной программе, созданной по инициативе заведующей детского сада Елены Анатольевны Тимофеевой. Дети поют, ставят сказки и сценки на эвенкийском языке. «А потом они в школу приходят, и там этот интерес к народной культуре гасится», – с сожалением констатирует С. С. Никифоров, возглавлявший село Ивановское в 2009–2015 гг. [Климычева, 2012]. По мнению Г. И. Варламовой, посетившей село в 2011 г., «учителя села Ивановское не проявляют никакого интереса к делу сохранения родного языка, не пытаются обучать родному языку школьников» [Болдырев, 2013, с. 13]. По результатам оценки состояния и функционирования эвенкийского языка в селе Ивановское Г. И. Варламова считает необходимым усилить работу по сохранению языка и культуры эвенков, расширить сферы использования эвенкийского языка.

2. Речевой портрет Т. Н. Сафоновой: некоторые лексические особенности

В данной части статьи представлен речевой портрет носителя селемджинского говора эвенкийского языка Татьяны Николаевны Сафоновой (1935 г. р., род Эдян, возраст на момент интервью – 76 лет), проживающей в селе Ивановское Селемджинского района Амурской области). Речевой портрет создан по материалам аудиозаписей её спонтанных рассказов о своей жизни и жизни сельчан в послевоенное время. Беседу помогала вести односельчанка Галина Ивановна Варламова, владеющая эвенкийским языком.

Эвенкийский язык для данного диктора является родным (русский – вторым, знание якутского – слабое), используется постоянно в различных ситуациях общения. Анализируемый в настоящей статье материал записан во время экспедиции в село Ивановское Селемджинского района Амурской области в 2014 году Морозовой Ольгой Николаевной [Морозова, 2014]. Актуальность работы связана с необходимостью сохранения эвенкийского языка, находящегося на грани исчезновения. Ниже приведена расшифровка речи диктора.

Сафонова Т. Н.:

Хавā барāн, эхин манавра. Хавāя
āчин нýн эн̄эт ситана. Привычка.

Работы много, не заканчивается. Без
работы тоже не получается. При-
вычка.

Омноден̄бэ эхит. Тадū ȳкукāрби ул-
линэви уллинэк̄рби ичэвк̄энден̄бэ.
Экурба-каны лаксийдячāв? Билир-
гимйива, да?

Забуду сейчас. Там кое-что сшитое
мною шитье покажу.
О чем же болтала я? Про прошлое,
да?

Варламова Г. И.:

Тар киракāн бинэ, охो... бултāдячāс.

Это когда маленькая была, охоти-
лась.

Сафонова Т. Н.:

Совсем ухат дяданит бич̄т бōлла
билир. Экун аннян биден̄эн,
эмнэк коргуйра тар, эрэ-тара тук-
сактадячинкивун.

Совсем плохо, бедно жили раньше
(давно). Что хорошего будет,
чтобы не оголодать вот, туда-сюда
бегали постоянно много.

У нас ээээ... мундū баран сō нэк-
нýлбун бич̄тын, кираймакир,
самый хэгдигүй бй. Старший, поэтому
больше всех досталось.

У нас ээээ.. У нас очень много бра-
тьев, сестер было, малолетние,
самая большая я. Старшая, поэтому
больше всех досталось.

Оронмун ахакāн бич̄н.

Оленей немного было.

Детей больше, чем оленей, ведь,
поэтому так... Мучались.. долгая
история...

Детей больше, чем оленей, ведь,
поэтому так... Мучились.. долгая
история...

Тар-ты некэденэл, бултадянал, да?
То момин ариипу гунэй магазинчик эргэчин дёйкэн бичэн.
Во время войны. Тадү нормовас бүнкитын, хлеб там двести грамм, да?

Умун мйла бёгадү, пачку грамм 100–200 сахаркүн, норма в общем бичэн дурукин.

Тар некэксэл, бултайчицкивун бутунну, пушнинавар сдавайдя-ячицкивун.

Тадү умун бэе принимал.

Бү... Тар нормалбавун бүвкү мундү Пушнина, мясо бутунну принимал. Все сдавали.

Чо добыли, чо нашли, всё сдавали.

Зимой ладно, да, тугэ... уллэвэ, Эва, даже бучугураспа вайм, заморозили и то сдавали.

Во время после войны же ачин дептэй девгэ ачин, помошь надо.

Коколлобо улливчэдеёчивкй, унталба уллидеёчицкивун.

Наякса баран, нанналдял, токикса нанналба.

Йсэл, эргэчир нонумундял унталба, урумкун унталба, коколлобо улициккивун.

Авурба эдук-тадук. Тар гунывкийл: - Бэлэттэй наада.

Тар эмэксэл, склатту сдаваинцарав тара. Эмэксэл, бээл эксэвкийл тайкин Экурдулай.

Эксэ... Эксэнкитын. Экурдү бүнкитын.

Потом, дюгаракин, мунэвэ заставляли тыкэн.

Уллэвэ бутунну кукарэвчэвкийл.

Дюга же баран уллэ. Талалдук гайчивкийл боб.

Таладү. Санны эхин талава? Это озеро.

Так, живя, охотясь, да?
В тот момент «ариипу», магазинчик такой маленький был.
Во время войны. Тогда норму давали, хлеб там двести грамм, да?

Одно мыло в месяц, пачку грамм 100–200 сахарка, норма в общем была на все.

Так делая, охотились постоянно, всю пушнину сдавали.

Там один человек принимал.
Мы... Те нормы назначал нам.
Пушнина, мясо, всё принимал. Все сдавали.
Что добыли, что нашли, всё сдавали.

Зимой ладно, да, зимой, мясо, и тому подобное, даже рябчиков, если убивали, замораживали и то сдавали.

Во время после войны же не было достаточной еды, нужна была помошь.

Рукавицы шили, унты шили.

Ровдуги много, огромные шкуры, лосиные шкуры.
Выделав, такие очень длинные унты, короткие унты, рукавицы шили.

Шапки из того-сего. Те говорят: - Помогать надо.

Так придя, на склад сдаем это. Придя, люди уносят насовсем куда-то.

Уно... Уносили. Кому-то давали.

Потом, когда наступало лето, нас заставляли так.

Мясо все варили и сушили.
Летом же много мяса. На солонцах добывают (букв. берут) ведь.

На солонце. Знаешь, наверное, что такое тала? Это озеро.

Летом, туда эти самые...

Летом, туда эти самые...

Варламова Г. И.:

По-нашему, мундү гунывкйл.

Сафонова Т. Н.:

А... Мундү гунмй тала гунывкйл.
Тадү баран токий эмэвкй. Тадү... я
с...Бй аминнюнми сурукс, этэв-
дерэв гуннэ, эмэёчивкйл.
Де эрэ нэрэктэндёчивкйл.
Отец де ва... гарпуйчивкй.

Нэхйлэ- нэхйлэ, ирихиныксал, та-
риңдар ихинцарав.

И тар уллэлбэн дюга ёдяңас ку-
крэёчиттэв, хуликтэёттэв дэлбимэ
Хуликтэвэ санны – кие?

Варламова Г. И.:

Сам, сам.

Сафонова Т. Н.:

Бучивкйл тыкэн длинный. Тадук
резать, на коротенький, маленький.

Тар хуликтэвэ бттап.

Хадынцаар йрикс, кукрэе бучйтт-
эп бутунну тара.

Тар бучукинма колболо эксэкс, нэчинни колбоду.

Тугэ эмэкс, бутунну эксэвкйл.

Бучинни, бутунну сдаёшь, ага.

Тара эхилэ уллэ дуруккан тыкэн
некэнкивун

Оллово ишу мундү задание давали
дюга.

Копчийчицарав тар оллолбо

Копченый, сухой.

Остальной кету во второй бригада
там это в селе как его зовут.

Как же гэрбин?

А Шевлиндя... Шевлиндя... тар..

По-нашему, у нас говорят.

А... У нас говорить тала говорят.
Туда много лосей приходит. Там ...
я .. Я с отцом-своим пойдя, ждём,
говоря, приходят обычно
Ну, вот идут, выставив грудь вперёд
Отец вот ведь ва...(хотела, наверное,
сказать ваячивкй) стреляет обычно.
Еле-еле (образовано от «насили»)
погрузив на себя, то-свое доходим
(до дома).

И то мясо-свое летом, что будешь
делать, делаем кукрэ (мелко на-
резанное сущеное мясо),
делаем хуликтэ (вяленое мясо)
много Хуликтэ знаешь, наверно?

Знаю, знаю.

Вялят так длинные полоски (мяса).
Затем режут на коротенькие, ма-
ленькие (полоски).

Так вяленое мясо делаем.

Часть сварив, сушёное мясо сушим
все то.

То сушёное на лабаз унеся, кладёшь
в лабаз.

Зимой придя, всё уносят.

Вялишь, все сдаёшь, ага.

То тогда все мясо так делали обыч-
но.

По рыбе ещё нам задание давали
летом.

Коптили обычно ту рыбу.

Копченый, сухой.

Остальной кету во второй бригаде
там это в селе как его зовут.

Как же зовут?

А, Шевли (большая река) ... Шевли

А... тадӯ барāн кета.

... это .. А ... там много кеты.

Тадӯ бī эхэк̄энюнми Тйтэ гунэр̄
старик был, отцовский старший брат.

Нунарнютын минэвэ эмэнынкин.

Бӯ тар эхэкэнюнми бутунну ту-
стāннарав.

Эдук-та бочкандялва, йдук-кэ эму-
вувкийл эргэчин хэгдынцэндёл.

Тариннар, кета өдакин, солиттэв
дюганиндява.

Там я с дедушкой, Тит по имени
старик был, старший брат отца.

С ними меня оставлял.

Мы с тем дедом всё солили.

Что за большие бочки, откуда при-
носили такие большие.

Штук сто в одну бочку залезет.

В те, когда кета приходит, солим все
лето.

Следует подчеркнуть, что изученная речь является своего рода идеальной репрезентацией селемджинского говора эвенкийского языка в связи с активным использованием языка данным диктором в бытовой коммуникации и с минимальным влиянием на него русского языка. В отличие от многих эвенков, слабо владеющих этническим языком, Т. Н. Сафоновой, несмотря на преклонный возраст, присущи словоохотливость и самоирония и чувство юмора.

Анализируемый текст представляет собой рассказ о послевоенном детстве диктора. Употреблённая эвенкийская лексика охватывает различные темы: семьи и родства, обмена и купли-продажи, рукоделия, охоты, заготовки еды, выделки шкур, некоторым трудностям военного времени.

В этой связи следует прокомментировать современный лексический состав исследуемого говора эвенкийского языка в целом, подняв важную, на наш взгляд, проблему. По данным звукового тематического словаря 2017 года [Булатова et al., 2017], никаких лексических единиц, отражающих особенности современной действительности, не представлено. Причиной этому может быть слабая динамика развития эвенкийского языка, вызванная недостатком словотворчества, отражающего состояние современного экономического, культурного и политического глобального и регионального развития. Имеется лишь небольшое количество лексических единиц, называющих современные реалии. Среди них *сэлэмэ дегӣ* «самолёт», *сэлэ хокто* «железная дорога». При бурном развитии контактов с русскоязычным населением в досоветское и советское время происходил активный процесс словотворчества при заимствовании русский реалий. В результате был создан целый пласт заимствований по законам эвенкийского словообразования: *болнӣса* «больница», *дӣвэ* «диво, чудо», *лӯска* «ложка», *нэхӣлэ* «насила», *пулӣт* «платок», *пӯлэ* «пуля» и ряд других. В настоящее время данный процесс фактически остановился, что не может не сказываться на жизнеспособности этого исчезающего языка. Следовательно, необходимы меры для возобновления и дальнейшего стимулирования словотворчества как одного из способов ревитализации языка.

3. Заключение

Анализ современной языковой ситуации у селемджинских эвенков, проживающих в селе Ивановское, позволяет сделать следующие выводы.

1. Хорошее фактическое знание эвенкийского языка сохраняют представители старшего поколения эвенков и эвенки, занимающиеся охотой и оленеводством.

2. Дети селемджинских эвенков не владеют эвенкийским языком; отсутствует внутрисемейное общение на этническом языке, а преподавание эвенкийского языка как школьного предмета не способствует овладению им в полной мере.

3. Русский язык в настоящее время вытеснил эвенкийский язык из всех сфер его использования и является средством внутринационального общения селемджинских эвенков. Даже в речи немногочисленных эвенков, свободно говорящих на этническом языке, имеется заметная доля русских вкраплений.

4. Анализ спонтанных нарративных текстов, наиболее полно отражающих актуальное состояние речи билингва, показывает, что случаи языкового переключения являются следствием активного употребления двух языков, чему способствует, с одной стороны, желание сохранить этнический язык, а с другой стороны – давление русского языка, преобладающего во всех ситуациях общения у селемджинских эвенков.

5. Представляется, что для вывода любого исчезающего языка из состояния стагнации, необходим стимул к словотворчеству, отражающему современное состояние общества, а также выработка его механизмов.

Список литературы

1. Булатова, Н. Я. Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селемджинского говора эвенкийского языка [Текст] / Н. Я. Булатова, О. Н. Морозова, Г. А. Стручков / отв. ред. О. Н. Морозова, науч. ред. Н. Я. Булатова. – Благовещенск, 2017. – 210 с.
2. Болдырев, Б. В. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Л. А. Соловьева. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Ч. 1 . – 481 с.
3. Болдырев, Б. В. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Ч. 1 [Текст] / Б. В. Болдырев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – 608 с.
4. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области [Текст] / Н. Я. Булатова. – Ленинград : Наука, 1987. – 168 с.
5. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : ГИИНС, 1958. – 803 с.
6. Климычева, Ю. Мы эвенки – мы кочуем [Текст] / Ю. Климычева // Амурская правда. Режим доступа: <https://www.ampravda.ru/2012/03/29/034006.html>.
7. Морозова, О. Н. Уровень владения эвенкийским языком в Зейском, Селемджинском и Мазановском районах Амурской области [Текст] / О. Н. Морозова //

- Обучение иностранному языку на современном этапе студентов высших и средних общеобразовательных учреждений на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-методической видеоконференции. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2014. – С. 207–214.
8. Морозова, О. Н. Коллективный речевой портрет селемджинских эвенков (фонетический аспект) [Текст] / О. Н. Морозова, Т. В. Кравец, С. В. Андрюсова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – № 3 (2). – С. 58–103.
  9. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2 [Текст] / под. ред. В. Михальченко, О. Казакевич, Т. Крючковой, И. Самариной. – М. : Academia, 2003. – 848 с.
  10. Пылаева, О. Б. Об исчезающем языке амурских эвенков [Текст] / О. Б. Пылаева // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса : сб. науч. тр. / под ред. проф. Г. В. Быковой. – Вып. I. – Благовещенск : Изд-во БГПУ , 2003. – С. 58–102.
  11. Тураев, В. А. Ассимилятивные процессы у дальневосточных эвенков [Текст] / В. А. Тураев // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2006. – № 3. – С. 104–121.
  12. Thomason, S. Language Contact [Text] / S. Thomason. – Edinburgh University Press, 2001. – 310 p.

References

1. Bulatova, N. Ya., Morozova, O. N., Struchkov, G. A. (2017). *Zvukovoy evenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskiy slovar'*. *Zvukovoy russko-evenkiysko-angliyskiy tematicheskiy slovar'*: na materiale selemdzhinskogo govora evenkiyskogo yazyka [Sound Evenki-Russian-English subject dictionary. Sound Russian-Evenki-English subject dictionary: Based on the Selemdzha accent of the Evenki language]. Blagoveshchensk.
2. Boldyrev, B. V., Bykova, G. V., Solov'eva, L. A. (2013). *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti* [Dictionary of the Selemdzha Evenki dialect of the Amur region]. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
3. Boldyrev, B. V. (2009). *Slovar' dzheltulakskogo govora evenkov Amurskoy oblasti. Chast' 1* . [Dictionary of the Dzheltulak Evenki dialect of the Amur region. Part 1]. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
4. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti* [Evenki Dialects of the Amur Region]. Leningrad : Nauka Press.
5. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow : GIINS Press.
6. Klimycheva, Ju. (2012). *My evenki – my kochuem* [We are Evenks – we nomad]. <https://www.ampravda.ru/2012/03/29/034006.html>
7. Morozova, O. N. (2014). *Uroven' vladeniya jevenkijskim jazykom v Zejskom, Selemdzhinskem i Mazanovskom rajona Amurskoj oblasti* [The level of knowledge of the Evenki language in the Zeya, Selemdzha and Mazanovsk districts of the Amur Region]. *Obuchenie inostrannomu yazyku na sovremennom etape studentov vysshikh i srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape*

- [Teaching a foreign language for higher and secondary school students at present time] (pp. 207–214). Blagoveshhensk : Amur State University.
8. Morozova, O. N., Kravec, T. V., Androsova, S. V. (2017). Kollektivnyj rechevoj portret selemdzhinskikh jevenkov (foneticheskij aspekt) [Collective speech portrait of the Selemdzha Evenks (phonetic aspect)]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (2), 58–103.
  9. Pis'mennye jazyki mira: Jazyki Rossijskoj Federacii. (2003). Sociolingvisticheskaja jenciklopedija [Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopedia. Book 2]. Ed. by V. Mikhal'chenko, O. Kazakevich, T. Kryuchkova, I. Samarina. Moscow : Academia Press.
  10. Pylaeva, O. B. (2003). *Ob исчезающем языке амурских evenков* [On the endangered Amur Evenki language]. Blagoveshchensk : Blagoveshhensk State Pedagogical University Press.
  11. Turaev, V. A. (2006). *Assimiljativnye processy u dal'nevostochnyh evenkov* [Assimilative processes in the Far Eastern Evenks]. Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
  12. Thomason, S. (2001). *Language Contact*. Edinburgh University Press.

УДК 81'33, 372.881.1

UDC 81'33, 372.881.1

Чугаева Татьяна Николаевна

Пермский научный центр Уральского отделения Российской академии наук

г. Пермь, Российская Федерация

Tatiana N. Chugaeva

Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science

Perm, Russian Federation

tatiananch@mail.ru

Мартенс Мария Алексеевна

Московский институт психоанализа

г. Пермь, Российская Федерация

Maria A. Martens

Moscow Institute of Psychoanalysis

Perm, Russian Federation

poddyfreiz@yandex.ru

ПО ТУ СТОРОНУ ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ:

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

BEYOND THE TEACHING PROCESS:

OUTLINING THE PROBLEM

Аннотация

Изучение иностранного языка в Российской Федерации до сих пор остаётся острой проблемой для многих взрослых из-за комплекса психологических проблем: неуверенность в своих способностях, негативный прошлый опыт, коммуникативные сложности и прочее. Однако при правильной организации учебного процесса эти затруднения преодолимы. Процесс преподавания иностранного языка имеет много общего с психоаналитической терапией. На занятии по иностранному языку происходит формирование нового речевого и поведенческого паттерна из-за смещения фокуса внимания со смыслового содержания на форму, что даёт большую свободу в выражении мыслей и чувств, чем на родном языке. При применении игровых форм работы, с педагогом, обладающим эмпатией, доброжелательностью и деликатностью, обучение иностранному языку может иметь выраженный терапевтический эффект.

Abstract

Studying a foreign language still remains a challenge for many adults in the Russian Federation due to a number of psychological problems: the lack of self confidence, negative past experience etc. However, if the process of study is organized properly, these challenges could be overcome. The process of teaching a foreign language has much in common with psychoanalytical therapy. During foreign language classes, new and often more comfortable speech and activity patterns are formed due to the shift of the focus of attention from content to form, and that gives more freedom to express thoughts and feelings than by means of the

native language. The use of language games combined with teacher's empathy, amiability, tolerance can produce a consistent therapeutic effect.

Ключевые слова: иностранный язык, речевая коммуникация, игровые формы, средство выражения внутреннего мира, терапевтический эффект.

Keywords: foreign language, speech communication, language game methods means to express the inward reflexions, therapeutic effect.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_86_93

1. Введение

Современное общество с его высоким темпом жизни вынуждает современного человека буквально гнаться за приобретением новых компетенций, причём зачастую это необходимо для того, чтобы просто сохранять прежнюю степень активности. Нередко несоответствие имеющихся возможностей ежедневным личным и рабочим задачам порождают чувство неуверенности в себе, ощущение собственной неполноценности, и усиливает фрустрацию. Из приобретённых же компетенций в итоге далеко не все оказываются полезными и оправдывают временные и финансовые затраты. Однако новые знания и навыки, увеличивая интенсивность нагрузок, могут быстро стать неактуальными, оказаться малоприменимыми в конкретных условиях жизни и деятельности индивида, требуя постоянного обновления. Особое место среди популярных сегодня видов деятельности занимает изучение иностранных языков.

Изучение иностранного языка в Российской Федерации до сих пор остаётся острой проблемой для многих взрослых. С одной стороны, свободное владение иностранным языком всё чаще становится необходимым требованием, предъявляемым работнику работодателем. Владение хотя бы одним иностранным языком считается сегодня неотъемлемой частью профессиональной компетенции специалиста [Ворожцова, 2000]. С другой стороны, для большого количества людей свободное владение иностранным языком до сих пор остается чем-то недостижимым из-за комплекса психологических проблем. Это и предубеждение относительно собственных языковых способностей, неуверенность в себе, тревожность, чувство вины за недостаточно быстрое усвоение материала, страхи выступать на публике, сделать ошибку, выглядеть смешным, коммуникативные сложности, логоневрозы и тому подобное. Нередко эти проблемы связаны с отрицательным опытом (и даже психотравмами) изучения иностранного языка в школе, техникуме, вузе. Нередки случаи, когда люди, которые не смогли поступить в учебные заведения и, таким образом, как бы отвергнутые обществом, снова приступают к изучению иностранного языка. Для успешного усвоения иноязычной речи необходимо избавиться от страхов прошлых неудач, разнообразных комплексов неполноценности, обрести в себе уверенность, осознать и реализовать себя как полноценную личность, преодолеть сниженную самооценку, развить свой интеллектуальный и

творческий потенциал, научиться общению с другими людьми, а это значит научиться понимать и себя, и других [Румянцева, 2004, с. 51].

Однако, как показывает практика, при правильной организации учебного процесса эти затруднения в изучении иностранного языка можно успешно преодолевать. Более того, сам учебный процесс в данном случае может оказывать своеобразный психотерапевтический эффект и способствовать разрешению накопившихся психологических проблем.

2. Психотерапевтический эффект преподавания иностранного языка

В литературе нередко отмечалось, что процесс преподавания иностранного языка имеет много общего с психоаналитической терапией, где пациент, выговариваясь, постепенно находит пути решения своих проблем. Основным методом со временем З. Фрейда является техника свободных ассоциаций, когда пациенту предлагается говорить всё, что приходит ему в голову. У преподавания иностранного языка похожая цель – научить человека свободно выражать свои мысли и чувства на иностранном языке, при этом часто обнаруживается, что обучаемый не умеет делать этого и на своём родном языке. За счёт чего достигается психотерапевтический эффект?

В. фон Гумбольдт называл язык «главнейшей деятельностью человеческого духа, лежащей в основе всех других видов человеческой деятельности» и считал язык «активным посредником между миром и человеком» [Гумбольдт, 1984]. Иностранный язык в процессе формирования речевых коммуникаций также образует некое потенциальное пространство между обучаемым и преподавателем, пространство, вмещающее культурный и творческий опыт их общения [Винникот, 2002]. В своей книге «Игра и реальность» он писал: «Я предпринял попытку обратить внимание читателя на исключительную, как теоретическую, так и практическую, значимость <...> пространства игры, которое развивается и становится той областью, где сосредоточена вся жизнь человека, связанная с творчеством и культурой. Эта зона противопоставляется внутренней, психической реальности индивида и внешнему реальному объективному миру, в котором он живёт. Я поместил эту важнейшую область опыта в потенциальном пространстве между индивидом и его окружением» [Винникот, 2002].

Созданию этого пространства способствуют следующие обстоятельства:

- игровая форма и моделирование жизненных ситуаций (обучаемый понимает, что ситуации лишь имитируют реальную жизнь, за счёт этого снижается тревожность, и, как следствие, повышается эффективность занятия, улучшается усвоение материала);

- параллель между данным занятием в игровой форме, и аналогичными занятиями в детстве (за счёт сходства материалов и методов), вследствие чего происходит пересмотр негативных психологических установок по отношению к себе и своим способностям;

- игра, по мнению М. Кляйн, выступает аналогом свободных ассоциаций у детей, становится таковым и у взрослых. В процессе игры происхо-

дит преодоление сопротивления, и выражение отдельных ранее неосознаваемых желаний, мотивов, ассоциаций, с последующей возможностью их самостоятельной проработки. Здесь проявляется феномен, когда обучающие в процессе обсуждения философских и жизненных тем дают такие ответы на вопросы на иностранном языке, каких не дали бы в случае, если бы дискуссия происходила на их родном языке; эти ответы могут быть более откровенными, либо вообще неожиданными.

Последний феномен связан с преодолением сопротивления – силы, которая, по мнению З. Фрейда «поддерживает болезненное состояние» [Фрейд, 2010], и препятствует разрешению психологических проблем и неврозов. Игровая ситуация часто не воспринимается как реальная, следовательно, в ней возможно говорить и делать то, что в реальной жизни по каким-либо причинам находится «под запретом».

Таким образом, иностранный язык становится новым средством выражения внутреннего мира человека, функционируя в специфической искусственной среде, где одобряется и поощряется максимально широкое его использование.

Современная психолингвистика, возвращаясь к идеям В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртене о психической сущности человеческого языка, расширила как объект, так и предмет своего исследования до уровня речи. Более того, сегодняшняя психолингвистика стремится к всё большему стиранию граней между собой и психологией речи, поскольку современный уровень прикладных психолингвистических задач требует многостороннего, комплексного их решения [Румянцева, 2004, с. 50].

Такой комплексный подход предлагается в трудах И. М. Румянцевой [Румянцева, 2004, 2015, 2017], где разработана система обучения иностранным языкам, которая, являясь в широком смысле психолингвистической, с другой стороны успешно совмещает процесс овладения иноязычной речью с задачами психотерапии и психокоррекции.

В центре обучающей системы стоит человек, личность, в конкретном смысле. Поскольку на обучение приходят взрослые люди, очень разные, каждый с собственными тревогами и сомнениями, надеждами и комплексами, которым нужно не просто помочь выучить язык, но помочь психологически, хотя в большинстве случаев они этого даже не подозревают. Как показано в работах И. М. Румянцевой, учебная группа, также как и психотерапевтическая группа, может рассматриваться как модель «семьи» и речевой среды [Румянцева 2004, с. 152].

Многие отмечают, что на иностранном языке им бывает легче выразить свои мысли и чувства. Вероятные причины этого феномена заключаются в том, что, во-первых, имеет место формирование нового, часто более комфортного речевого и поведенческого паттерна (личность более зрела, чем в момент формирования аналогичного паттерна на родном языке, происходит своеобразная «перезагрузка»). Во-вторых, происходит смещение фокуса внимания со смыслового содержания на форму (грамматическую правильность фразы, использование изученной лексики и новых

речевых конструкций и др.). Педагог в данных ситуациях выступает, как заинтересованный слушатель, мотивирующий обучаемого на наиболее полное вербальное выражение своих мыслей и чувств на иностранном языке. Однако, в отличии от других фигур из круга общения обучаемого, педагог является эмоционально нейтральной фигурой. Он готов доброжелательно выслушать и спокойно воспринять практически любой вербальный материал. Таким образом, обучаемый получает гораздо большую свободу в выражении своих мыслей и чувств, чем при общении в другой среде.

Однако, безусловно, процесс усвоения иностранного языка становится терапевтическим лишь при определённых условиях личностных характеристик и поведения преподавателя.

Прежде всего, это выраженная эмпатия, доброжелательность, терпимость и деликатность, как необходимые качества педагога. Они должны быть тем сильнее, чем более выражена у обучаемого психологическая проблема. Также педагог должен быть эмоционально нейтрален, что в данном случае роднит его с психоаналитиком – то есть, он должен поощрять наиболее полное самовыражение обучаемого, при этом, по возможности, не оказывая на него влияния и давления.

Во-вторых, обязательна комплементарность педагога и обучаемого, когда на обучаемого с определёнными психологическими проблемами находится педагог, чьи личностные и профессиональные качества способствуют разрешению таких проблем. В этом случае формируется своеобразный «педагогический альянс», специфическое взаимодействие двух людей в достижении определённой цели (изучение иностранного языка), основанное на психологической совместимости, взаимной мотивации, соответствии их компетенций намеченной цели (по аналогии с «терапевтическим альянсом»), что способствует как более успешному освоению материала, так и решению психологических проблем.

Важно, чтобы изложение учебного материала строилось по принципу «от простого к сложному», где новая информация логически вытекает из уже изученного. Это дает возможность обучающемуся почувствовать ценность пройденного материала и собственных затраченных усилий, что способствует не только лучшему усвоению материала, но и повышению самооценки, уверенности в своих силах.

И. М. Румянцева описывает существенную личностную перестройку, которая происходит при обучении в процессе занятий иностранным языком: «У человека происходят значительные позитивные изменения в работе высших психических функций, сознания, преодолении психологический защиты. У человека улучшается психическое и даже физическое самочувствие, действие познавательных процессов (восприятия, внимания памяти, мышления воображения), увеличивается его творческий и умственный потенциал, происходит коррекция эмоциональной сферы, ломаются устоявшиеся стереотипы и застарелые установки, мешающие гибкости мышления и блокирующие восприятие нового, формируется адекватная самооценка, появляется уверенность в себе, то есть человек достигает нормальной социальной адаптации, совершенствуется как личность, в то же

время развитие человека, раскрытие всех его внутренних качеств и резервов, повышение культурного, духовного и интеллектуального уровня способствует улучшению его обучаемости и освоению иноязычной речи [Румянцева, 2004, с. 52]. Это полностью согласуется с концепцией Л. С. Выготского о развитии высших психических функций человека в процессе общения и освоения им культурных ценностей» [Выготский, 2011].

Кроме того, программа обучения иностранному языку должна быть ориентирована на формирование новых коммуникативных навыков, где большое внимание уделяется устным видам речевой деятельности – восприятию и говорению. При этом, поскольку речь является и средством, и формой общения, то изучающему иностранный язык необходимо научиться овладеть и искусством настоящего общения.

Р. Бастин определяет психотерапию как особый вид межличностного взаимодействия, при котором пациентам оказывается профессиональная помощь психологическими средствами при решении возникающих у них проблем или затруднений психического характера. Различают три определения психотерапии: 1) метод лечения, 2) метод влияния или воздействия, приводящем в движение процесс обучения, 3) комплекс явлений, происходящих в ходе взаимодействия и общения людей [Карвасарский, 1998, с. 446]. Очевидно, что в процессе обучения иностранной речи людям может оказываться психологическая помощь и устраняются проблемы психического характера, что улучшает их психическое и соматическое самочувствие. При освободившейся от затруднений психике легко запускаются механизмы обучения, а групповая форма обучения способствует «благотворному воздействию одного человека на другого». Главная причина состоит в том, что речь принадлежит психике человека, является её психическим свойством и функцией, а следовательно, влияние на психику при помощи психотерапевтических средств оказывается для развития и формирования иноязычной речи эффективным и действенным [Румянцева, 2004, с. 54, 2015, с. 44].

По мнению М. Е. Литвака, потребность в психотерапии и её широкое распространение сегодня диктуется динамизмом нашей жизни, а потому психотерапевтические приёмы могут успешно использоваться и педагогикой. «Современная жизнь меняет педагогическую концепцию. В соответствии с ней человека необходимо научить не только чему-то конкретному, но и быстро отказываться от всего устаревшего, то есть следует все время развивать психологическую гибкость, менять систему отношений» [Литвак, 2000]. А психотерапия является единственной наукой, которая предлагает технику изменения отношения личности к себе, к людям, к труду, что является ее основной задачей. Поэтому, по мнению И. М. Румянцевой, содружество психотерапии и педагогики представляется более чем оправданным.

Под психологической коррекцией при таком подходе понимается направленное воздействие на определённые психологические структуры с целью обеспечения полноценного развития и функционирования. В ходе обучения иноязычной речи специальными психологическими приёмами и техниками достигаются исправления, если таковые необходимы, и разви-

тие всех психических процессов, свойств и состояний личности, которые в свою очередь помогают формированию такого психического процесса как речь [Румянцева 2004, с. 54].

Разработанный И. М. Румянцевой Интегративный лингво-психологический тренинг (ИЛПТ) позволяет интенсифицировать процесс обучения. Пройденный учебный курс (100 часов, 7 недель, 3 вечерних занятия в неделю) позволяет человеку усвоить лексический материал (в объёме 3–5 тысяч слов), достаточный для свободного общения на иностранном языке, что, помимо всех иных плодотворных перемен, является основной целью обучения. Подобный подход оказывается особенно оправданным в случае с труднообучаемыми людьми, которые является таковыми по причине не зрелости ряда психических функций, недоформировавшихся полностью в силу тех или иных обстоятельств со времён детства. Такие нарушения могут оказаться очень стойкими, трудно корректируемыми, поскольку то, что еще очень гибко у ребёнка, у взрослого человека застарело и заскорузло. Здесь психокоррекция и обучение иноязычной речи объединены и как бы слиты воедино [Румянцева, 2004].

Предлагаемый метод предоставляет не просто краткосрочный, доступный и эффективный путь познания, но также интересен с точки зрения степени свободы овладения языком и развития личности в целом. Для людей взрослых, сомневающихся в себе (как они сами считают «неспособных к языкам»), этот метод является наиболее целесообразным и плодотворным.

3. Заключение

Таким образом, в статье показано, что изучение иностранного языка даёт возможность заново пережить этапы становления речевых компетенций и сформировать новые речевые и поведенческие паттерны.

Учитывая существующую параллель между психотерапевтическим и педагогическим процессом в преподавании иностранного языка, при изучении иностранного языка возможно формирование новых речевых и поведенческих паттернов, в которых уменьшаются или исчезают проявления дефектов речи, логоневрозов, базовой и ситуационной тревожности, происходит укрепление эго и личностных границ. Изучение иностранного языка может быть рекомендовано как вспомогательное средство терапии неврозов, как общеразвивающее средство, способствующее развитию и укреплению чувства собственной идентичности, уверенности в собственных силах.

Список литературы

1. Винникотт, Д. Игра и реальность [Текст] / Д. Винникотт. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 288 с.
2. Ворожцова, И. Б. Личностно-деятельностная модель обучения иностранному языку [Текст] / И. Б. Ворожцова. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – 360 с.
3. Выготский, Л. Мысление и речь [Текст] / Л. Выготский. – М. : Астрель. – 637 с.

4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкоznанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
5. Литвак, М. Е. Если хочешь быть счастливым : учеб. пособие по психотерапии и психологии общения [Текст] / М. Е. Литвак. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 608 с.
6. Психотерапевтическая энциклопедия [Текст] / Под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб. : Питер, 1998. – 752 с.
7. Румянцева, И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология [Текст] / И. М. Румянцева. – М. : ПЕР СЭ, Логос, 2004. – 320 с.
8. Румянцева, И. М. На перекрестке наук: психотерапия в обучении иноязычной речи [Текст] / И. М. Румянцева // Высшее образование сегодня. – 2015. – № 8. – С. 43–45.
9. Румянцева, И. М. Психотерапия как здоровьесберегающая технология обучения иностранным языком [Текст] / И. М. Румянцева // Высшее образование сегодня. – 2017. – № 10. – С. 60–62.
10. Фрейд, З. Психоаналитические этюды [Текст] / З. Фрейд. – Минск : Попурри, 2010. – 608 с.

References

1. Vinnikott, D. (2002). *Igra i real'nost'* [Game and reality]. Moscow : Research Institute of General Humanities.
2. Vorozhtsova, I. B. (2000). *Lichnostno-deyatelnostnaya model' obucheniya inostrannomu yazyku* [Individual-activity-oriented model of foreign language teaching]. Izhevsk : Udmurt University Press.
3. Vygotsky, L. (2011). *Thinking and speech*. Moscow : Astrel' Press.
4. Humboldt, W. von. (1984). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected papers in linguistics]. Moscow : Progress Press.
5. Litvak, M. E. (2000). *Esli khochesh' byt' schastlivym : ucheb. posobie po psikhoterapii i psikhologii obshcheniya* [If you want to be happy. A coursebook in psychotherapy and psychology of teaching]. Rostov-on-Don : Feniks Press.
6. Karvasarskiy, B. D. (ed.) (1998). *Psikhoterapevticheskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Psychotherapy]. St. Petersburg : Piter Press.
7. Rumyantseva, I. M. (2004). *Psikhologiya rechi i lingvopedagogicheskaya psikhologiya* [Speech psychology and linguistic pedagogical psychology]. Moscow : Logos Press.
8. Rumyantseva, I. M. (2015). Na perekrestke nauk: psikhoterapiya v obuchenii inoyazychnoy rechi [On the crossroad of sciences: psychotherapy in teaching foreign speech]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 8, 43–45.
9. Rumyantseva, I. M. (2017). Psikhoterapiya kak zdorov'esberegayushchaya tekhnologiya obucheniya inostrannym yazykom [Psychotherapy as a health-saving technology of teaching foreign languages]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 10, 60–62.
10. Freud, S. (2010). *Psikhoanaliticheskie etyudy* [Psychoanalytical studies]. Minsk : Popurri Press.

Шамина Елена Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Elena A. Shamina
St.-Petersburg State University
St.-Petersburg, Russian Federation
elena_shamina@hotmail.com, e.shamina@spbu.ru

**РЕЧЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ
 СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ:
 ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**
**LITERARY CHARACTERS' SPEECH AS A MIRROR
 OF THE SOCIOLINGUISTIC SITUATION:
 A PHONETIC APPROACH**

Аннотация

В статье рассматривается отображение в произведениях авторов из России, Великобритании, США, Австралии и Испании произносительных особенностей литературных персонажей. Анализируются примеры использования с этой целью авторских комментариев, а также буквенной транскрипции и других визуальных способов регистрации сегментных и просодических характеристик речи, указывающих на иностранный акцент, региональный или социальный диалект, индивидуальные особенности произношения и прочее. Приводятся количественные данные относительно частоты употребления указанного литературного приёма в русской, английской и испанской литературе. Делается вывод о социолингвистической значимости изображения акцента в литературе и адекватном представлении на материале речи персонажей социолингвистической ситуации в стране.

Abstract

The article deals with the representation of literary characters' pronunciation in books by modern Russian, British, American (USA), Australian and Spanish writers. It shows how the author's comments, as well as alternative spellings and other visual means of registering segmental and prosodic features of speech are used to point to a foreign accent, a regional or social dialect, or individual pronunciation patterns, etc. Frequencies of the use of the literary tool in Russian, English and Spanish literatures are presented. The conclusion emphasizes the sociolinguistic validity of book characters' phonetic portraying and the adequate picture of the sociolinguistic situation in the country drawn with its help.

Ключевые слова: литературные персонажи, произносительная норма, фонетические особенности, региональные варианты, социолекты, акцент.

Keywords: literary characters, pronunciation standard, phonetic variation, regional dialects, social dialects, accents.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_94_109

*Коллектив кафедры – как одно тело,
и когда кто-то уходит, это всё равно что тело
лишилось важного органа... Как достать книгу
с полки без руки? Как спеть песню без голоса?*

*И ёщё: мы все занимаемся фонетикой,
потому что это безумно интересно –
во всех проявлениях фонетики. Посвящаю мои штудии
фонетики в литературе моему дорогому другу
и соратнику столь рано покинувшему нас –*

*Нине Борисовне Вольской.
Надеюсь, её бы они заинтересовали.*

1. Общие замечания

Внимательное рассмотрение специфических черт речи литературных персонажей приводит к заключению о том, что они обусловлены не только и не столько литературной традицией или особенностями авторского стиля, сколько социолингвистической ситуацией в стране (странах, регионе), на языке которой произведение написано.

Понятно, что регистрация в тексте отличительных черт речи того или иного героя литературного произведения становится возможной только после формирования национального языка и кристаллизации его нормативного (литературного) варианта, в том числе фонетического и орфографического. До этого, в отсутствие литературной нормы, практически все художественные произведения с необходимостью писались на диалекте автора, либо писца или переписчика (ср. [Crystal, 2004]). После того как процесс стандартизации письменной формы языка заканчивается, девиантные написания воспринимаются и оцениваются на фоне нормативных и, таким образом, превращаются в своеобразные маркеры особенностей говорящего: личностных или социальных. Можно сказать, что появление национального литературного языка приводит к появлению нового литературного приёма, состоящего в том, чтобы привлекать внимание читателя к манере персонажа использовать язык, наряду с его манерой одеваться, вести себя и прочее.

Как и все другие литературные приёмы, данный приём используется разными авторами в разной степени, при этом различия в частотности указаний на речевые характеристики героев наблюдаются не только от автора к автору, но и в разных произведениях одного писателя [Шамина, 2014].

Что касается целей, с какими авторами приводятся подобные указания, то высказывалось мнение, что они, в основном, сводятся к приданию тексту определённого «местного колорита» и высмеиванию персонажей-провинциалов [Beal, 2006]. Если такое положение дел и имело место быть в Великобритании 16–18 веках, то в целом с данным соображением трудно

согласиться, и основная часть настоящей статьи посвящена именно анализу причин появления в художественных произведениях речевых характеристик персонажей.

Необходимо также отметить, что если использованию в литературе, театре и кино диалектных форм в целом исследователи уделяют внимание (ср, например, [Hodson 2014], то собственно фонетические свойства речи литературных персонажей, за редким исключением (см. [Игнаткина, 2003] остаются практически не изученными.

2. Диалектная литература, литературные диалекты, акцентная и аллегровая речь

Даже в исторические периоды, следующие за периодом формирования литературной нормы языка, вполне возможно существование собственно диалектной литературы, т. е. литературы, написанной на диалекте носителем данного диалекта (при этом целевая аудитория может быть разной). Примерами в современной русскозычной литературе могут служить некоторые рассказы Василия Белова, написанные от лица главного героя, а в англоязычной – произведения ирландских авторов Ирвина Уэлша и Родди Дойла, в которых не только речь персонажей, но и авторская речь демонстрирует региональные черты. Цитаты, приведённые ниже, отражают лексические, грамматические и произносительные особенности соответствующих языковых вариантов¹.

Уклались ночевать. Сват Андрей ерзает. Сапоги висят, сохнут. «Дедушко, вон у Кузьки в петров день гости ночевали, все в сапогах на сарае спали. Обутые». – «Напились, видно». – «Не! Кузькин божат и вина не пьет, одно сусло, а тоже не разувался». – «Божат?» – «Ыгы». – «Видно, он забыл разуться-то. А ты ноги-то поглубже в сено зарой, оне и не замерзнут». (В. Белов. Бухтины вологодские завиральные. 1994).

The sweat wis lashing oafay Sick Boy; he wis trembling. Ah wis jist sitting thair, focusing oan the telly. (I. Welsh. Trainspotting. 1993).

«Jaysis! Wha' tracks are yis doin', eejits?» (R. Doyle. The Commitments. 1987).

Помимо собственно диалектной литературы, в английском культурном пространстве существует то, что Д. Кристалл называет «литературными диалектами» [Crystal, 2004], т. е. отражение достаточно условными средствами представления автора художественного произведения о том или ином диалекте. Можно предположить, что использование такого рода условных обозначений ненормативных, девиантных черт со временем формирует представление о литературных диалектах и у читателей. Знаменитыми образцами данного литературного приёма можно считать пьесу Бернарда Шоу «Пигмалион», а также роман Марка Твена «Приключения Гекельберри Финна» и роман Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», примеры из которых приведены ниже.

---

¹ Здесь и далее ненормативные формы выделены полужирным шрифтом.

An' tha canna ma'e it horrid. Tha mun ta'e th' rough wi' th' smooth. (D. H. Lawrence. *Lady Chatterley's Lover*. 1928).

I knows what I's gwyne to do. I's gwyne to set here and listen tell I hears it agin. (Mark Twain. *The Adventures of Huckleberry Finn*. 1884).

Можно предполагать наличие литературных диалектов и в других языковых сообществах, но такими данными автор статьи не располагает.

Основания для отображения произносительных характеристик персонажей, наряду с грамматическими и лексическими особенностями их речи, в произведениях на реальных или литературных диалектах вполне понятны, ибо вариативность, демонстрируемая региональными, социальными и прочими вариантами языка затрагивает все уровни языковой системы. Однако для английского языка вообще, в том числе и для его литературной формы, характерно употребление написаний, отражающих аллегровое, беглое, редуцированное произнесение частотных грамматических форм типа *I'm* вместо *I am*, *he's* вместо *he is* или *he has*. Такое употребление аллегровых форм является традиционным и никак не сказывается на эмоциональном восприятии или социолингвистической оценке текста. Именно в связи с этим фактором такие формы изымались из рассмотрения при изучении социолингвистической значимости речевых характеристик персонажей литературы, написанной на английском языке. Основным критерием отбора произведений для анализа являлся их обще-литературный, в целом нормативный характер.

3. Материал исследования

Источником материала для данного исследования служили произведения, так сказать, «обычной» литературы, далекой от изображения жизненно-го уклада носителей диалектов (жителей патриархальной деревни, социальных изгоев и пр.), в которой привлечение внимания к социолингвистическим факторам, сопутствующим образу жизни главных героев, не является основной целью. Для этого выбирались произведения современной (изданной после 1950 года) прозы разных жанров, написанные на разные темы и в разных стилях, включая короткие рассказы, психологические романы, детективы, литературные сказки и прочее. Рассмотрению подвергались художественные тексты, написанные на русском, испанском и английском языках, при этом испанский язык представлен исключительно испанским (кастильским) национальным вариантом, а английский – британским, американским (США) и австралийским национальными вариантами.

В соответствии с целью исследования из художественных текстов методом сплошной выборки отбирались примеры фонетических особенностей речи персонажей; грамматические и лексические отклонения от нормы во внимание не принимались. Так, например, в английском тексте

«*He's kind of a good-lookin' ² kid,*» said Mrs. Snell. «***Them*** big brown eyes and all.» (J. D. Salinger. *Down at the Dinghy*)

² Здесь и далее фонетические особенности речи персонажей обозначены подчёркиванием.

грамматическая форма местоимения *them* употреблена вместо артикля и в рассмотрение не принимается, в то время как написание *good-lookin'* вместо *good-looking* свидетельствует о замене говорящим конечного велярного согласного, обязательного для нормативного произношения данного слова, на переднеязычный и поэтому учитывается при анализе. Следует также отметить, что среди фонетических особенностей речи рассматривались не только сегментные, подобные приведённому выше, но и супрасегментные явления, такие как мелодика, словесное ударение или тембр голоса. Очевидно, что и те, и другие демонстрируют вариативность, подвергаются нормализации и могут иметь отношение к обсуждаемым проблемам (ср. [Скрепин, 1997]). Примерами просодического акцента персонажей могут служить следующие отрывки из рассмотренных произведений.

И когда пораженный Анатолий Иваныч с воплем: – Ты что-о, ты что де-ла-ешь?! – сграбастал его за шиворот и так и понес в учительскую на вытянутой руке, мальчик все еще смеялся (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

«*What does it mean?*» *incredulous*. «*What a question!* *What. A. Question*». (N. Shakespear. Secrets of the Sea).

Как нету?! – крикнул я, настежь открывая холодильную дверцу. А лосося? Вон икры еще сколько (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом).

He spoke with the lilting accent («с мелодичным акцентом») of the region, solemn, incantatory, dignified (I. Murdoch. The Unicorn).

Для указания на произносительные характеристики своих героев писатели используют целый ряд приемов: разные варианты буквенной транскрипции прямой речи, в том числе пропуск или повтор букв, шрифтовое выделение, разрядку при помощи дефиса, авторские комментарии, комментарии других персонажей произведения, а также разнообразные сочетания этих способов [Шамина, 2015]. Все они учитывались при сборе материала. Решение о нормативности / ненормативности приведённого в художественном тексте произношения принималось на основании данных орфоэпических словарей привлечённых к анализу языков и специальной литературы, посвящённой норме и вариативности произносительной стороны указанных языков [Вербицкая, 1984; Ощепкова, 2012; Шахбагова, 1992; Aguirre, 2011; Blair, Collins, 2001; García, 1994; Wells, 1982; Wolfram, Schilling-Ester, 1998].

Всего на 10645 страницах художественной прозы было собрано 1710 примеров фонетической портретизации речи персонажей (219 на русском, 164 на испанском и 1327 на английском языках, из которых 716 примеров были извлечены из произведений британских авторов, 224 – американских и 387 – австралийских).

4. Произносительные особенности персонажей в русскоязычной литературе: анализ примеров

Указания на фонетические особенности речи персонажей в русскоязычной литературе встречаются в рассматриваемом материале существенно реже, чем в литературе на других языках: примерно один раз на 12

страниц текста. При этом больше половины (55%) таких указаний связано с изображением иностранного акцента (как в русском языке, так и в других языках). Ниже приведены характерные примеры.

Лордкипанидзе! – Здэс, - послышалось из дальнего конца автобуса. Я нэ слышал (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом).

Потом в трубке что-то бикнуло и послышался другой голос, говорящий безлично и механически, но с сильным украинским акцентом:

– Пятьдесят девять... пятьдесят уосемь (В. Пелевин. Омон Ра).

Итак, – на хорошем и даже бойком французском языке, но немножко при этом окая (Харламов был волжанином), – итак, дорогой друг, поправляйтесь, – сказал он летчику (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

Также достаточно часто (приблизительно в 20% случаев) встречается отображение индивидуальной манеры речи, при этом она может быть постоянной, например, заикание или шепелявость, или временной, связанной с определенным эмоциональным или физическим состоянием (см. нижеследующие примеры).

К-кларисса... Я в-восхищаюсь вами. И з-завидую. ... Я очень б-боюсь двух вещей: попасть в смешное или нелепое п-положение и ... ослабить свою оборону (Б. Акунин. Левиафан).

Яся отвечала на вопросы однозначно, глаза ее были опущены, пока она не вскидывала утяжеленные тушию ресницы, чтобы вымолвить, именно вымолвить со смиренно-королевской интонацией своей покойной матери: «Спасибо, нет, благодарю вас, да...» (Л. Улицкая. Бедные, злые, любимые).

В сущности, мы приезжали без всякого реального смысла, – немного дребезжащим голосом произнес Харламов. (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

На отображение диалектной речи приходится около 15% собранных примеров.

Ха-арош парень, но много чё ишишет! – Ишишет, заметил Андрюша, и хорошо, что ишишет. Найдет чего-нить, и будет починять-починять (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Их всего несколько пробных экземпляров, – поспешил сообщить радиост, по-южному выговаривая: «нэсколько», «экзэмпляру» (Б. Акунин. Шпионский роман).

Встречаются среди собранных примеров также прямые отсылки на социальную стратификацию языка.

Вы не поверите! – воскликнул молодой (этот по-русски изъяснялся без акцента, но как-то очень уж гладко – будто белогвардеец из кино про гражданскую войну (Борис Акунин. Шпионский роман).

Несмотря на упомянутую «старость и усталость», это был все тот же великолепно артикулированный, выразительный баритон, с тем же неуловимо «старосветским» выговором коренного ленинградца, с проникновенными – когда это нужно – модуляциями голоса, которому в юности Захар совершенно не мог противиться (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

В редких случаях регистрируются аллегровые разговорные или просторечные формы:

*И Захар – вроде и привык уже, – каждый раз озадаченно спрашивал:
– Вы че, теть Лид? Он же блондин!* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Распределение различных факторов, обусловливающих появление в русскоязычном художественном тексте указаний на произносительные характеристики персонажей представлено на рисунке 1.

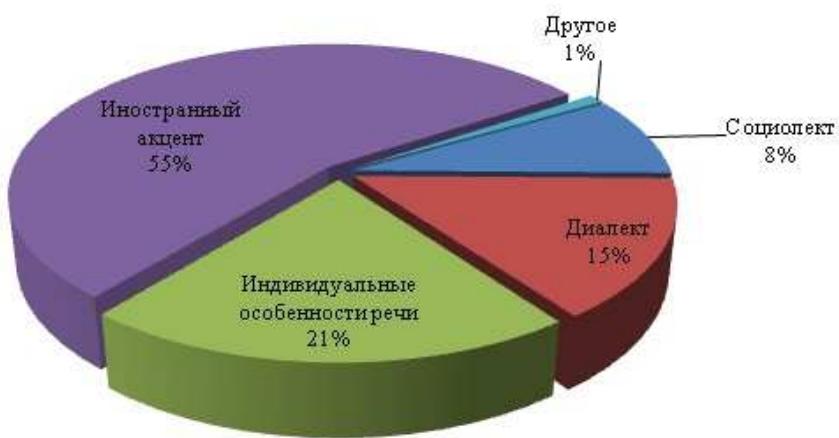

Рисунок 1. Социолингвистические факторы, обусловливающие фонетическую портретизацию персонажей русской литературы

5. Произносительные особенности персонажей в англоязычной литературе: анализ примеров

В современной англоязычной прозе фонетическая портретизация речи персонажей является востребованным литературным приёмом и встречается в собранном материале приблизительно 1 раз на 5,5 страниц. Необходимо подчеркнуть, что существенных различий в использовании данного приёма между авторами, пишущими на разных национальных вариантах английского языка, отмечено не было, что само по себе интересно, так как социолингвистическая ситуация, скажем, в США и Австралии значительно отличается. Тем не менее, при последующем анализе национальная принадлежность автора не учитывается.

По всей вероятности, именно в связи с высокой популярностью указания на произносительные особенности речи героя как литературного приёма, почти в пятой части собранных англоязычных примеров (18%) не представляется возможным по контексту достоверно определить его функцию. В подавляющем большинстве таких случаев автор при помощи неконвенциональной буквенной транскрипции изображает обычное произнесение безударных грамматических форм, как в нижеследующих примерах.

Aah, they tellya (tell you³) a lotta (lot of) stuff. (J. D. Salinger: Nine Stories).

And if you can't be an artist, feed em (them), care for em (them), and make sure they have a place to come in out of the rain (S. King. Duma Key).

Для так называемых «слабых форм» характерна реализация нейтрального гласного, а также выпадение некоторых гласных и согласных, так что использование альтернативного написания либо никак не влияет на произнесение безударного гласного, либо отражает случаи элизии, то есть не обозначает каких-либо отклонений от нормативного произношения.

Примечательно, что в русском материале был зарегистрирован только один случай, когда авторская неконвенциональная буквенная транскрипция отражала реальное и при этом вполне нормативное произношение слова.

Переглянувшись, раскатистым движением от плеча они выплескивали из ведер на мостовую помои, и мутные потоки бежали по булыжникам вниз, догоняя «спартменов», словно бы в тщетном стремлении слиться с водами такого же, мутно-кофейного Буга. (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Однако, при всей сложности толкования функции точной регистрации в англоязычной письменной речи фонетических свойств речи устной, можно предположить, что приведённые выше примеры демонстрируют скорее социальные, в широком смысле этого слова, характеристики героев, к которым следует отнести также положение говорящего на оси «свой – чужой». Анализ собранного материала показывает, что в достаточно большом количестве случаев фонетические особенности речи отмечаются у участников дружеского общения или у персонажей, находящихся в близких, дружеских отношениях с тем героем, от лица которого ведётся повествование. Такая тенденция последовательно прослеживается, например, в романе Стивена Кинга «Duma Key»: в графическом представлении речи главного героя ненормативные элементы, отражающие произносительные черты стилистически сниженной формы речи, появляются, только когда он разговаривает с двумя другими персонажами: одним из своих друзей и с младшей дочерью. Следовательно, использование фонетической портретизации речи персонажей как литературный приём может указывать на личную близость участников акта коммуникации.

Вообще говоря, социальные характеристики героев англоязычных книг выходят на первый план при анализе целей указания на их произношение. Так, в проанализированных текстах встречается всего несколько примеров (около 3% случаев) указания на индивидуальные особенности произношения, в силу дефектов дикции, юного возраста или изменённого физического или эмоционального состояния.

He spoke with ... an occasional lisp, too. «Afterwards? Impossible! Impothible! ... Motht (most) important occasion, as you know» (C. Dexter. The third Inspector Morse Omnibus).

---

³ Здесь и в следующих примерах в скобках представлены конвенциональные нормативные написания.

The little ones say «It's Libbit's frog. A frog with teef (teeth)» (S. King. Duma Key).

She was actually very drunk, I realized ... but that didn't make her uninteresting. «... her sisters grew up ... before old Mr. White Man had fully conshol... consolidated his hold» (S. King. Duma Key).

Иностранный акцент также отмечается в небольшом количестве случаев (всего 2%):

Diana said nothing anticipating the return of the visiting curator, a choleric German-American scholar. Dr Weiss shouted in a furious unEnglish way that made Diana tingle with pleasure (G. Waterfield. The Hound in the Left-Hand Corner).

Национальные варианты английского языка тоже находят отражение в речи литературных персонажей, хотя и не слишком часто: всего в 4% случаев. Проиллюстрируем на следующих примерах.

I'll be fine, Ed – just once I get in that bairth (bath) (говорит американская туристка в британской гостинице) (C. Dexter. The third Inspector Morse Omnibus).

«My specs», he mumbled. The accent was Australian. «I lost them». (N. Shakespear. Secrets of the Sea).

Региональные диалекты английского языка (в любом из национальных вариантов) и местные фонетические особенности упоминаются гораздо чаще, примерно в 11% описываемых примеров.

His West Country dialect (as I straightaway placed it) was to such an extent o'erlaid with the excesses of the Australian manner of speech that I could follow some of his statements only with great difficulty (C. Dexter. The third Inspector Morse Omnibus).

He said, «Those chirrun (children) were heartbroken for the baby-uns (baby-ones)». Wireman's imitation of the old man's southern accent was eerily good... (S. King. Duma Key).

В подавляющем же большинстве случаев указания на произношение персонажа имеет непосредственное отношение к его социальному статусу, уровню образования, образу жизни, т.е. имеет социолингвистическую значимость. Прямые отсылки к социальному положению говорящего содержатся в 62% имеющегося английского материала. Их можно проиллюстрировать следующими примерами.

Scottow certainly seemed to be ... one of 'the gentry'. His accent and his manner proclaimed him no subordinate, and Marian conjectured that he might be a relative or a family friend (I. Murdoch. The Unicorn).

He was about my height, and not far off my age, but he was considerably richer. His shirt was from Jermyn Street, his suit was from Savile Row, and his voice was from one of our more expensive public schools (H. Laurie. The Gun Seller).

«Yes, I've got a poncy voice, and a poncy job, and my boyfriend works in the city. ... Half the people I meet never take me seriously because of the way I talk, and the other half only take me seriously because of the way I talk. Gets on your nerves after a while» (H. Laurie. The Gun Seller).

His voice was clear and ringing, not Scots, full of ... sounds that prickled his non-existent hackles with class hostility. (A. S. Byatt. Possession).

При анализе материала были обнаружены интересные случаи, демонстрирующие возможную взаимную непонятность английских территориальных диалектов и социолектов, являющуюся результатом высокой фонетической вариативности английского языка. Некоторые из них приведены ниже.

«Excuse me, but would you have an axe I could borrow» – «An ix?» repeated Tony. «Yes, an axe.»... «I dunno what an “ix” is,» Tony said (S. Townsend. The Queen and I).

I heard the news vendor's cry, and it may well have been the first time in my life that I actually understood something a news vendor said. The other passers-by were almost certainly hearing 'Reeded In Silly Shup Up', but I hardly had to glance at the poster to know that he meant 'Three Dead In City Shoot-Up' (H. Laurie. The Gun Seller).

Примечательно, что фонетические диалектные особенности не затрудняют понимание русского текста на слух и, соответственно, подобное явление не отмечается в русскоязычных художественных текстах.

Распределение различных факторов, обуславливающих появление в англоязычном литературном тексте указаний на произносительные характеристики персонажей, представлено на рисунке 2.

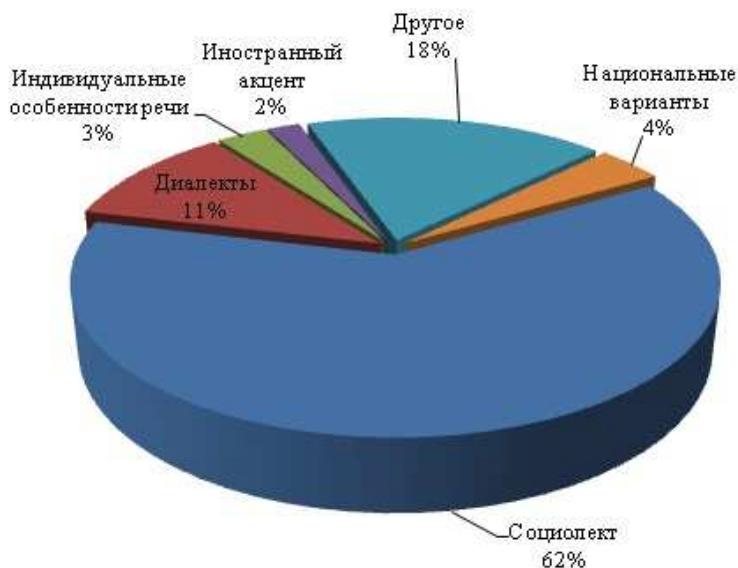

Рисунок 2. Социолингвистические факторы, обуславливающие фонетическую портретизацию персонажей англоязычной литературы

6. Произносительные особенности персонажей в испанской литературе: анализ примеров

Как и в англоязычной литературе, в литературе испанской основное внимание читателей привлекается к произношению, обусловленному скоп-

рее социальными причинами, чем индивидуальными. Этому, вероятно, способствует непростая социолингвистическая ситуация в стране, историческая, политическая и экономическая разобщенность автономных областей, политические центробежные тенденции (ср. ситуацию с самоопределением Каталонии в настоящее время), существование наряду с государственным, целого ряда региональных языков (каталанского, галисийского и баскского). Указанные факторы также, как представляется, повышают интерес писателей и читателей к языковым характеристикам персонажей, поскольку в испанской литературе они встречаются чаще, чем в других разделах собранного материала, а именно практически на каждой четвёртой странице.

При этом указания на индивидуальные фонетические особенности речи отмечаются только в 2,5% случаев (см. нижеследующий пример).

Nati tenía una voz bellísima, alta, musical, jolgoriosa, llena de alegría, una voz que parecía una campana finita («Голос у Нати чудесный – высокий, мелодичный, звенящий беспечным весельем, голос, напоминающий серебряный колокольчик»⁴) (J. C. Cela. *Lacolmena*).

Иностранный акцент встречается еще реже: *Señolas y señoles, glacias. Glacias* (J. Marsé. *Elamantebilingüe*).

В последнем примере отмечается замена [r] на [l], характерная для носителей китайского языка, роль которого разыгрывает один из второстепенных персонажей произведения Х. Марсе.

Примеры использования речи на региональных языках Испании составляют около 3%: «*Oh! – exclamó tuy sorprendido el transeúnte de lustrosos zapatos.- Ésta sí que es buena: ¿hijo de Pau Casals y no habla catalán? ¡Vaya, vaya!*» («Как! –изумленно воскликнул толстяк по-испански, – Вот тебе и раз: родной сын Пау Казальса не говорит по-кatalонски! Ну и дела!»⁵) (J. Marsé. *Elamantebilingüe*).

Диалектные формы находят отражение в испанской литературе в 83% случаев регистрации произносительных особенностей. Так, в романе Х. Марсе «Двуязычный любовник» регистрируются такие характерные для андалузского диалекта черты, как шепелявое произношение щелевого /s/ (так называемое «сесеко»), редукция /i/ на конце слова в наречии *tu* («очень») и выпадение /r/ на конце слова в существительном *señor*: «*Una hiztoria tu bonita, zí, zeñó...*» («Чудесный рассказ, сеньор, да»).

К другого рода социолингвистическим особенностям следует отнести изображения сниженно-разговорных форм и собственно просторечия, присущего низшим слоям населения, чаще всего посредством пропуска одной или нескольких букв, соответствующего фонетической редукции. Хотя их можно отнести к проявлениям определённого социолекта, прямого авторского указания на социальный класс говорящего или его оценки они не содержат.

---

⁴ Пер. с исп. Е. М. Лысенко.

⁵ Пер. с исп. Н. М. Беленькой.

Аналогично такому же явлению в англоязычной прозе, в проанализированных произведениях испанских авторов встречаются замечания о сильно выраженной фонетической вариативности испанского языка, что может привести к непониманию одним носителем испанского языка другого: «*Entonces procure hablar sin ese acento, porque no le entiendo*». («Тогда, по крайней мере, постарайтесь говорить без этого акцента, а то я ничего не понимаю») (J. Marsé. Elamantebilingüe).

Распределение факторов, обуславливающих появление в испанском художественном тексте указаний на произносительные характеристики персонажей, представлено на рисунке 3.

Рисунок 3. Социолингвистические факторы, обуславливающие фонетическую портретизацию персонажей испанской литературы

7. Сравнительный анализ представленности фонетической портретизации речи персонажей в современной литературе на русском, английском и испанском языках

Как показывает проведённый анализ, содержащиеся в современной литературе указания на произносительные характеристики персонажей достаточно адекватно отражают социолингвистическую ситуацию в России, Испании и, по крайней мере, трёх англоязычных странах: Великобритании, США и Австралии. Речь героев испанских книг свидетельствует о наличии на территории этой страны, помимо испанского, региональных языков, а речь англоязычных персонажей – о существовании хорошо различимых на слух национальных вариантов английского языка. Функционирование всех трёх рассматриваемых языков предполагает региональную, диалектную вариативность, и эта вариативность находит отражение в зафиксированной писателями речи книжных героев.

Особенно интересными представляются различия в целях, с которыми авторы прибегают к фонетическому портретированию персонажей, которые становятся очевидны при внимательном рассмотрении собранного материала (см. выше) и рисунков 1, 2, 3.

Даже в отсутствие национальных вариантов и близкородственных русскому региональных языков, фонетика русского языка достаточно вариативна, чтобы привлечь внимание художников слова. Однако они предпочитают концентрироваться на индивидуальных произносительных особенностях персонажей, а также на регистрации иностранного акцента, который, по всей видимости, выступает в данном случае как маркер индивидуальности, наряду с предпочтениями в еде или одежде. Строгой социальной обусловленности подобные изображения произносительной стороны речи, скорее всего, не имеют.

Англоязычные и испаноязычные авторы, наоборот, наибольшее внимание уделяют социально обусловленным отклонениям от произносительной нормы соответствующих языков. При этом писатели-испанцы тщательно фиксируют многочисленные диалектные произносительные формы, как бы приглашая читателя погрузиться в многообразный мир звучащей испанской речи. В то же время писатели, создающие произведения на английском языке, используют регистрацию произносительных характеристик своих героев для указания, прежде всего, на их социальный статус и на способ взаимодействия с другими персонажами.

Объяснения такому положения дел, видимо, следует искать в различиях в социальной стратификации сообществ, на языке которых написаны подвергшиеся анализу литературные произведения, и их культурных традициях, в частности, в отношении к нормализации языка и употреблению девиантных форм.

Нетерпимое отношение к девиантным произносительным формам в английском языке демонстрирует тот факт, что только в англоязычном литературном дискурсе те или иные произносительные характеристики вызывают ярко выраженное эмоциональное отношение (чаще всего, хотя и не исключительно, отрицательное), что свидетельствует о чрезвычайной социолингвистической значимости произносительной стороны языка в англоязычном мире (см. ниже следующие примеры).

He had an accent like Alex's, only more pronounced. A Pom for sure. (N. Shakespear. Secrets of the Sea).

«I don't want to open my mouth, they'll all hate my accent.» ... No they won't, Martin reassured her. But they did. (K. Atkinson. One Good Turn).

В первом примере герой, от лица которого ведётся повествование, использует презрительно окрашенный австралийский сленгизм для обозначения англичан Пом, а в следующей цитате выявляется возможность резко отрицательной оценки незнакомого человека только на основании его акцента (в данном случае, американского носителями британского английского). Примечательно, что даже нормативное произношение в определённой социолингвистической ситуации может вызывать резко отрица-

тельную реакцию: *Charles yanked Harry's hand and said: 'Harry, for goodness' sake, speak properly.' Harry said, 'If I speak proper I get my cowin' face smashed in'* (S. Townsend. The Queen and I). В данном случае носитель языковой нормы сознательно использует ненормативные произносительные варианты из боязни быть побитым.

8. Выводы

Фонетический аспект изучения речи литературных персонажей даёт интереснейший материал для социофонетики. Хотя, как всякий другой литературный приём, приведение в тексте характеристик произношения героя может использоваться авторами непоследовательно, тем не менее, как выяснилось в ходе настоящего исследования, оно вполне достоверно отражает социолингвистическую ситуацию в сообществе, на языке которого произведение написано. Были обнаружены существенные различия в стратегиях авторов, пишущих на разных языках, в отображении фонетических черт, присущих речи их персонажей. Эти различия объясняются не чисто лингвистическими причинами, хотя можно предположить, что разные языки в разной степени приспособлены для, например, буквенной транскрипции как способа фонетической портретизации персонажей, а, скорее, социолингвистическими. К их числу следует отнести исторически сложившуюся глубокую стратификацию британского общества, находящую выражение, в том числе, и в особенностях речи разных слоёв общества [Шевченко, 1990], что, видимо, было заимствовано в качестве культурного багажа американским и австралийским языковыми сообществами [Trudgill, 1983], длительную демократическую традицию всеобщего политического равенства в России, экономическую и культурную автономию областей Испании.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность Варваре Испрниковой, Екатерине Поповой и Веронике Федоровой за помощь в сборе материала.

Список литературы

1. Вербицкая, Л. А. Вариантность современной произносительной нормы и культура речи [Текст] / Л. А. Вербицкая // Нормы реализации. Варьирование языковых средств : межвуз. сб. научных тр. Горький, 1984. – С. 53–60.
2. Игнаткина, Л. В. Фонетический портрет японца в русской художественной литературе [Текст] / Л. В. Игнаткина // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция фонетики. – Вып. 21. – СПб : филологический ф-т СПбГУ, 2003. – С. 22–27.
3. Ощепкова, В. В. Язык и Культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии [Текст] / В. В. Ощепкова. – СПб. : Каро, 2012. – 83 с.
4. Скрелин, П. А. Просодические корреляты уровня речевой культуры [Текст] / П. А. Скрелин // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы : межвуз. сб. – Вып. 3. – СПб, 1997. – С. 52–60.

5. Шамина, Е. А. Речь литературных персонажей: произношение в социолингвистическом аспекте [Текст] / Е. А. Шамина // Англистика XXI века: сб. материалов VII Всерос. науч. конф. – СПб.: филологический ф-т СПбГУ, 2014. – С. 305–308.
6. Шамина, Е. А. Фонетические свойства речи героев английских книг: способы передачи [Текст] / Е. А. Шамина // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков. Материалы XII Всероссийского научно-исследовательского семинара, посвящённого памяти проф. Л. В. Бондарко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 135–142.
7. Шахбагова, Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии [Текст] / Д. А. Шахбагова. – М. : Фоллис, 1992. – 284 с.
8. Шевченко, Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. [Текст] / Т. И. Шевченко. – Москва : Высшая школа, 1990. – 142 с.
9. Aguirre, A. F. La norma lingüística del Español desde una perspectiva lexicográfica: norma nacional versus norma panhispánica [Text] / A. F. Aguirre // Normas. Revista de Estudios Lingüísticos Hispánicos. – 2011. – №.1. – P. 53–70.
10. Beal, J. C. Language and Region [Text] / J. C. Beal. – London – New York : Routledge, 2006. – 117 p.
11. Blair, D. Varieties of English around the World: English in Australia [Text] / D. Blair, P. Collins. – Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. – 368 p.
12. Crystal, D. The stories of English [Text] / D. Crystal. – London : Penguin Books, 2004.
13. García, P. M. Lenguas y dialectos de España [Text] / P. M. García. – Madrid : Arco Libros, 1994. – 64 p.
14. Hodson, J. Dialect in film and literature [Text] / J. Hodson. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. – 103 p.
15. Trudgill, P. On Dialects: Social and Geographical Perspectives [Text] / P. Trudgill. – Oxford : Basil Blackwell, 1983. – 240 p.
16. Wells, J. C. Accents of English [Text] / J. C. Wells. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 673 p.
17. Wolfram, W. American English. Dialects and Variation. [Text] / W. Wolfram, N. Schilling-Ester. – Malden : Blackwell Publishers, 1998. – 398 p.

References

1. Verbitskaja, L.A. (1984). Variantnost' sovremennoj proiznositel'noj normy I kul'tura rechi [Modern Standard pronunciation variation and speech culture]. *Normy realizatsii. Varjirovanie yazykovykh sredstv* [Standard realization patterns. Language means variation patterns] (pp. 53–60). Gorky.
2. Ignatkina, L. V. (2003). Foneticheskij portret yapontsa v russkoj khudozhestvennoj literature [Phonetic portrait of a Japanese in Russian fiction]. *Proc. of the XXXI All-Russia scientific and methodological conference of teachers and PhD students. Phonetics* (Vol. 21, pp. 22–27). St. Petersburg.
3. Oshchepkova, V. V. (2012). *Yazyk I kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii* [Language and culture in Great Britain, the USA, Canada, Australia, New Zealand]. St. Petersburg : Karo Press.

4. Skrelin, P. A. (1997). Prosodicheskie korrel'aty urovn'a rechevoj kul'tury [Prosodic correlates of speech culture level]. *Experimental'no-foneticheskij analiz rechi: probemy i metody* [Experimental phonetic speech analysis: Challenges and methods] (Vol. 3, pp. 52–60). St. Petersburg.
5. Shamina, E. A. (2014). Rech literaturnykh persjnazhej: proiznoshenie v sotsiolingvisticheskem aspekte [Books characters speech: Sociolinguistic aspect of pronunciation]. *Proc. of the VII All-Russia scientific conference «Anglistika XXI veka»* [English studies of the 19th century] (pp. 305–308). St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Shamina, E. A. (2015). Foneticheskie svojstva rechi geroev anglijskikh knig: sposoby peredachi [The phonetic speech peculiarities of English books characters: Means of depicting]. *Proc. of the XII All-Russia scientific and research seminar dedicated to the memory of Professor L. V. Bondarko «Aktual'nye problemy fonetiki I metodiki prepodavanija inostrannykh jazykov»* [Current issues of phonetics and foreign language teaching methods] (pp. 135–142). Blagoveshchensk: Amur State University Press.
7. Shakhabogova, D. A. (1992). *Foneticheskaja sistema anglijskogo jazyka v diakhronii I sinkhronii* [Diachrony and synchrony of the English Phonological System]. Moscow: Follis Press.
8. Shevchenko, T. I. (1990). *Sotsial'naja differentsiatsija anglijskogo proiznoshenija* [Social differentiation of English pronunciation]. Moscow: Higher School Press.
9. Aguirre, A. F. (2011). La norma lingüística del Español desde una perspectiva lexicográfica: norma nacional versus norma panhispánica. *Normas. Revista de Estudios Lingüísticos Hispánicos*, 1, 53–70.
10. Beal, J. C. (2006). *Language and Region*. London – New York: Routledge.
11. Blair, D., Collins, P. (2001). *Varieties of English around the World: English in Australia*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
12. Crystal, D. (2004). *The stories of English*. London: Penguin Books.
13. García, P. M. (1994). *Lenguas y dialectos de España*. Madrid: Arco Libros.
14. Hodson, J. (2014). *Dialect in film and literature*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
15. Trudgill, P. (1983). *On Dialects: Social and Geographical Perspectives*. Oxford: Basil Blackwell.
16. Wells, J. C. (1982). *Accents of English*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Wolfram, W., Schilling-Ester, N. (1998). *American English. Dialects and Variation*. Malden: Blackwell Publishers.

MEMORIA

Нина Борисовна Вольская (23 июля 1953 – 21 сентября 2017)

Всегда в наших сердцах

УДК 81'11
UDC 81'11

Андрюсова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
androsova_s@mail.ru

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ДАЛ МНЕ УПАСТЬ A PERSON WHO DID NOT LET ME FALL DOWN

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_111_115

Наша фонетическая семья понесла невосполнимую утрату. 21 сентября 2017 года не стало Нины Борисовны Вольской, кандидата филологических наук, доцента кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета.

Невозможно сдержать слёз. Невозможно смириться, потому что образ Нины Борисовны и смерть – понятия несовместимые. Это просто не может быть про НЕЁ. Она просто не могла уйти так рано. Ещё 19 января мы виделись на семинаре по речевым корпусам, обсуждали достижения свои и других коллег в данной области (чему-то мысленно апплодировали, по поводу чего-то недоумевали и даже негодовали), делились впечатлениями, хвастались детьми и внуками. Мои аспиранты имели счастье и честь беседовать с ней и получить, как всегда, конструктивную, но такую добрую критику (как говорится, не в бровь, а в глаз). Это было во второй половине марта этого года на XLVI Международной филологической конференции. Потом мы переписывались: я переживала за то, как моя аспирантка выступила (она занимается современным состоянием британского варианта английского языка, в котором Нина Борисовна – один из авторитетнейших отечественных специалистов), а Нина Борисовна, как всегда, успокаивала, воодушевляла, говорила, что она просто молодец. Потом мы готовили июньский номер нашего журнала, посвящённый Лии Васильевне Бондарко, а Нина Борисовна сделала нам просто шикарный подарок – «подвигла» г-жу Эмилию Бикбулатову-Освалт (которая с лёгкой руки Лии Васильевны теперь живёт в США и работает в Висконсинском университете [Бикбулатова-Освалт, 2017]) поделиться с нашим журналом воспоминаниями об этом дорогом нашим сердцам человеке. Это было в июне, а 21 сентября её не стало.

Я узнала об этом утром 23 сентября на перемене между второй и третьей парами. Слёзы просто задушили. Думала, не смогу продолжать занятия. Потом подумала, что Нина Борисовна, прекрасно зная свой диагноз, никогда не позволяла себе раскисать, вернулась к работе.

Время, конечно, лечит, но шрамы всегда остаются, так что никакая пластическая операция не поможет. Остаются и воспоминания. Пока они болезненные, но выговориться нужно, иначе потеряются яркость, эмоции и острота ощущений, всё сгладится и уйдёт в тень, будет, как далёкое эхо. Поэтому нужно сейчас.

В воспоминаниях о Нине Борисовне Вольской сложно поставить точку, поэтому не буду и пытаться. Наша с ней встреча произошла в 2000 году, когда мы, три аспирантки из далёкого г. Благовещенска, приехали на четырёхмесячную стажировку на кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета. Первым большим мероприятием, которое мы посетили, стала филологическая конференция студентов и аспирантов. На конференции тогда председательствовала Лия Васильевна Бондарко. Мы сидели тихо, как мышки, внимательно слушали докладчиков и мечтали, чтобы студенты нашего филологического факультета Амурского государственного университета заинтересовались фонетическими исследованиями и когда-нибудь могли так же замечательно рассказывать о результатах своих исследований.

В конце одного из докладов Нина Борисовна задала свой вопрос и затем начала горячо спорить с докладчиком. В ходе дискуссии румянец на щеках Нины Борисовны становился всё заметнее, градус эмоций всё повышался. В то же время было совершенно ясно, что эта критика была не для того, чтобы выискать чего-нибудь криминальное – именно такое впечатление было всегда у меня самой на наших конференциях и дискуссиях, когда я была ещё студенткой (не столь уж давние от 2000 года времена – память была ещё свежа). Отсюда и панический страх перед вопросами – меня хотят «завалить». На той конференции было совсем по-другому: вы молодцы, а что если с другой стороны посмотреть, например, вот так? А с этой точки зрения рассматривали? Обязательно посмотрите. Тогда я впервые поняла, что вопросы к докладчику на конференциях – это хорошо. Но страх отпустил ещё не скоро, поэтому, когда Лия Васильевна сказала, что Нина Борисовна будет одним из рецензентов моей кандидатской диссертации, сердце моё так и ушло в пятки.

Замечаний, конечно, было много. Никогда не забуду, как мы с Ниной Борисовной по несколько часов несколько раз сидели в «предбаннике», ещё до ремонта, и обсуждали её замечания. Со многими я была согласна и думала: «Ну как я могла быть такой глупой». А Нина Борисовна не просто делала замечания, но и учила стратегии их исправления. Она была одним из двух учёных, которые впервые научили меня смотреть на плоды своего научного творчества «чужими» глазами, с точки зрения отстранённого читателя, который, как позже сказала Мирра Вениаминовна Гордина, ленив. Нина Борисовна показала, что часто исследователь многое в своей работе оставляет «между строк» (как она любила повторять, «часто за деревьями леса не видать») и что то, что для автора работы само собой разумеется, может быть совершенно непонятно читателю. Тогда же я узнала, что Нина Борисовна – прекраснейший преподаватель-практик с самым лучшим на свете британским произношением.

А какие она вела слуховые семинары! На первом же мы поняли, что для настоящего фонетиста неважно, какой язык. Любой победит. Тогда это был один из кавказских языков с бессменным Магометом и многие необычные и непривычные для нас звуки, которые мы учились не только правильно транскрибировать, но и имитировать.

Уже в период защиты в 2001 году (всего-то 40 дней командировки по сравнению с четырьмя месяцами стажировки) я уже решила, чем буду заниматься дальше – фонетический слог в американском варианте английского языка – безумно вдохновила докторская диссертация Лии Васильевны. Когда поделилась этим с Ниной Борисовной, она сказала: «Светочка, а вы вообще понимаете, за что берётесь?». Но другое мне было неинтересно, на что Нина Борисовна сказала, что хлебну я с этой темой. Как в воду глядела. Но если честно – это того стоило!

На фонетических чтениях в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера Нина Борисовна буквально спасла меня от конфузов. Конечно же, на таком мероприятии доклады читали одни корифеи. Мой доклад – проба пера про слог в американской спонтанной речи и первый шаг к моей научно-исследовательской мечте – был стендовым. Тогда я узнала, что такое настоящий стендовый доклад. Стендовые доклады там, действительно, размещались на стенах, а автор ждал, когда кто-нибудь заинтересуется и задержится у его стендса, и затем рассказывал суть своего доклада. Всех, конечно же, интересовали экспериментальные данные. Сначала подошла Нина Борисовна, постояла, почитала, а потом заговорщически с улыбкой спросила: «Светочка, а что это у вас за автор такой интересный в списке литературы – Година». Думала, умру на месте. А тут ещё тот самый автор – Гордина, в фамилии которой я пропустила букву, – на подходе к моему стенду. «Ну что стоите? Ручка есть?» – спросила Нина Борисовна. Какая там ручка у трясущегося будущего докторанта! Нина Борисовна, конечно же, дала ручку, а я дописала злосчастную букву. Успела. Мирра Вениаминовна подошла, доклад прочитала, попросила описать спектры, покивала. Может чего и подумала про фамилию, но ничего не сказала.

В счастливом 2013 году я защищала докторскую диссертацию в РГПУ им. А. И. Герцена. В день защиты думала сойду с ума. Было очень страшно по разным обстоятельствам, но решила, что буду биться до конца, что бы ни случилось. И когда я увидела Нину Борисовну, входящую с коллегой в зал заседаний, то поняла, что всё будет хорошо. Как будто гвоздь из сердца вытащили. Иногда достаточно просто поймать взгляд человека, услышать его голос, и сразу отпускает. Что-то похожее было со мной на защите кандидатской. Я думала, что сердце просто разорвётся – так было страшно. Казалось, этот набат слышали не только сидевшие на заднем ряду немаленького зала заседаний, но и все в радиусе квартала. Горло пересохло, вдыхать могу, а выдыхать – не очень. Сижу на стуле, жду «экзекуции». И тут Лия Васильевна просто начала говорить. Какие-то положенные формальности. При звуке её голоса всё вдруг улеглось и успокоилось. Отпустило. Всё снова повторилось, когда почти 12 лет спустя я увидела Нину Борисовну, входящую в зал заседаний – человека, который не дал мне упасть.

Нина Борисовна умела находить изюминку в, казалось бы, тривиальных вещах. Ну что там пауза, например? Однако открываем её статью и видим, что пауза – это крайне интересный и наименее изученный компонент фразовой интонации [Вольская, 2004, с. 129]. Да и само название статьи не могло не заинтриговать – «О паузе и не только о ней». Неудивительно, что подобные вещи вдохновляли на дальнейшие исследования не только её аспирантов (см., напр. работу Т. В. Качковской [Качковская, 2015]). Вот и мы с моим аспирантом-китайцем серьёзно увлеклись стратегиями паузации, типами пауз, заполнителями, предпаузальным удлинением в родной русской, акцентной русской и родной китайской спонтанной речи.

Нина Борисовна была прекрасной женой, матерью и бабушкой. Когда она показывала фотографии своих внуков, рассказывала об их успехах, называла их такими милыми ласковыми именами, не восхищаться было невозможно. Конечно же, я хвасталась своими старшими и младшими девчонками-двойняшками – специально до поездки выбирала самые лучшие снимки. Вот так мы и напитывались гормоном радости, рассматривая детские фотографии. В эти моменты я всегда испытывала некий когнитивный диссонанс. Ну как может «бабушка» быть такой молодой, красивой и успешной в науке! В этом вся Нина Борисовна – гармония во всём. Редко встретишь такую природную красоту без грамма косметики. До встречи с Ниной Борисовной мне не приходило в голову, что седые волосы могут быть красивыми...

Как и у многих коллег на кафедре фонетики, у Нины Борисовны было тонкое чувство фонетического юмора. Никогда не забуду премилую историю, которую Нина Борисовна рассказывала нам по поводу просодической интерференции и которую теперь я рассказываю своим студентам. Это история о финско-русской интерференции. В финском языке общий вопрос характеризуется выраженной деклинацией, в отличие от русского общего вопроса, который оформляется восходящим движением основного тона (об интоационных конструкциях, характерных для русского языка см. в работе Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1980]). Это обстоятельство вызывает немалые затруднения у финнов, изучающих русский язык. Один такой финн позвонил дочери Нины Борисовны дабы слёзно попросить о помощи с домашним заданием. Трубку на его несчастье подняла Нина Борисовна. Сей финн, конечно же, с вышеуказанными просодическими особенностями СПРОСИЛ: «Катя ↓дома». «Я знаю», – с присущим только ей юмором ответила Нина Борисовна.

А ещё Нина Борисовна не любила зелёный чай – говорила, что он безвкусный, как сено (а мы-то – граничащие с Китаем – расстарались!). И часто готовила кашу из овсяных хлопьев в микроволновке, с маслицем и сахаром побольше – иначе она противная...

Список литературы

1. Андрюсова, С. В. К вопросу о структуре слогов в английской спонтанной речи (на материале американского варианта английского языка) / С. В. Андрюсова // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндерса / [науч.

- ред. Л. В. Бондарко]. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. – 2004. – С. 109–114
2. Бикбулатова-Освальт, Э. Мой Учитель – Лидия (Лия) Васильевна Бондарко [Текст] / Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 2. – С. 115–117.
  3. Брызгунова, Е. А. Интонация [Текст] / Е. А. Брызгунова // Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – С. 96–122.
  4. Вольская, Н. Б. О паузе и не только о ней [Текст] / Н. Б. Вольская // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндер: сб. статей [науч. ред. Л. В. Бондарко]. – СПб.: Филологический университет СПбГУ, 2004. – С. 129–136.
  5. Качковская, Т. В. Взаимодействие сегментных и просодических факторов, влияющих на степень и локализацию предпаузального удлинения в русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд филол. наук 10.02.19 / Качковская Татьяна Васильевна ; Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2015. – 23 с.

References

1. Androsova, S. V. (2004). K voprosu o strukture slogov v angliyskoy spontannoy rechi (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka) [Concerning syllable structure in English spontaneous speech (Based on American English)]. In L. V. Bondarko, *Foneticheskie chtenia v chest' 100-letiya so dnya rozhdeniya L. R. Zindera* [Phonetic studies in honor of L. R. Zinder: 100 years since the scientist's birthday] (pp. 109–114). St. Petersburg : St. Petersburg University Press.
2. Bikbulatova-Oswalt, E. Moi uchitel' – Lidia (Lia) Vasilievna Bondarko [My Teacher – Lidia (Lia) Vasilievna Bondarko]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (2), 115–117.
3. Bryzgunova, E. A. (1980). Intonatsiya [Intonation]. In N. Yu. Shvedova, *Russkaya grammatika* [Russian Grammar] (Vol. 1, pp. 96–122). Moscow : Nauka Press.
4. Volskaya, N. B. O pause i ne tol'ko o ney [A pause and beyond it]. In L. V. Bondarko, *Foneticheskie chtenia v chest' 100-letiya so dnya rozhdeniya L. R. Zindera* [Phonetic studies in honor of L. R. Zinder: 100 years since the scientist's birthday] (pp. 129–136). St. Petersburg : St. Petersburg University Press.
5. Kachkovskaya, T. V. (2015). *Vzaimodeistvie segmentnyh i prosodicheskikh faktorov, vliayushchih na stepen' i lokalizatsiu predpausal'nogo udlinenia v russkom yazyke* [Segmental and prosodic factors interaction and their influence on the degree and location of prepausal lengthening in the Russian language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. St. Petersburg State University.

Наши авторы

Андросова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна, кандидат филологических наук, ведущий сотрудник Института лингвистических исследований Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: bulatovany@gmail.com

Кожина Наталья Витальевна, студент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: natalyakozhinamailru@mail.ru

Копьёва Дарья Александровна, магистрант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: dasha.kop.da@mail.ru

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: t_kravetc@mail.ru

Кравченко Евгения Викторовна, аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: kravchenko0992@mail.ru

Лельхова Федосья Макаровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, email: lelkhovafm@yandex.ru

Мартенс Мария Алексеевна, врач-терапевт, магистрант Московского института психоанализа, г. Пермь, Российская Федерация, email: poddyfreiz@yandex.ru.

Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Процукович Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: amursea@mail.ru

Шамина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: elena_shamina@hotmail.com

Шуйская Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: T.Shuiskaya@mail.ru

Черноградская Ольга Николаевна, магистрант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: aylo9321@mail.ru

Чугаева Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и философии Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Пермь, Российская Федерация, email: tatiananch@mail.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com

Natalya V. Kozhina, student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: natalyakozhin@mail.ru@mail.ru

Daria A. Kop'iova, Master student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: dasha.kop.da@mail.ru

Evgeniya V. Kravchenko, PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: kravchenko0992@mail.ru

Fedorja M. Lelkhova, PhD in Philology, senior researcher, Ob-Ugrian Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, email: lelhovafm@yandex.ru

Maria A. Martens, therapist, Master student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Perm, Russian Federation, email: poddyfreiz@yandex.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, the Head of the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Elena A. Protsukovich, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru

Elena A. Shamina, PhD in Philology, associate professor, Department of Phonetics and Methods of Foreign Language Teaching, Faculty of Philology, St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russian Federation, email: elena_shamina@hotmail.com, e.shamina@spbu.ru

Tatiana V. Shuiskaya, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: T.Shiuskaya@mail.ru

Olga N. Chernogradskaya, Master student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: aylo9321@mail.ru

Tatiana N. Chugaeva, Doctor of Philology, the Head of the Department of Foreign Languages, Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Perm, Russian Federation, email: tatiananch@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

Кожина Н. В., Шуйская Т. В.	Особенности реализации согласных в речи детей 3,6–3,9 лет	5
Копьёва Д. А., Андросова С. В.	«Языковое гнездо» как способ решения проблемы сохранения эвенкийского языка в Амурской области	17
Кравченко Е. В.	Классификации модальных частиц современного ки- тайского языка	26
Лельхова Ф. М.	Глаголы интенсивного темпа движения в хантыйском языке	35
Морозова О. Н.	Заднеязычный глухой смычный /k/ в селемджинском гово- ре эвенкийского языка	44
Морозова О. Н., Андросова С. В., Кравец Т. В., Процукович Е. А.	Гласные реализации на месте канонической долгой фоне- мы /з:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка и их фонологический статус	63
Процукович Е. А., Морозова О. Н., Андросова С. В., Булатова Н. Я., Черноградская О. Н.	Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селем- джинского района Амурской области	74
Чугаева Т. Н., Мартенс М. А.	По ту сторону процесса преподавания: к постановке проблемы	86
Шамина Е. А.	Речь литературных персонажей как отражение социо- лингвистической ситуации: фонетический аспект	94

Memoria

Андросова С. В.	Человек, который не дал мне упасть	111
Информация об авторах		116

CONTENTS

Original Papers

Kozhina N. V., Shuiskaya T. V.	Peculiarities in consonants pronunciation in the speech of 3,6–3,9 year-old children	5
Kop'iova D. A., Androsova S. V.	«Language nest» as a way to solve the problem of preserving the Evenki language in the Amur Region	17
Kravchenko E. V.	Classifications of modal particles in modern Chinese	26
Lelkhova F. M.	Verbs denoting intense pace of movement in the Khanty language	35
Morozova O. N.	Velar voiceless stop /k/ in the Selemdzha accent of the Evenki language	44
Morozova O. N., Androsova S. V., Kravets T. V., Protsukovich E. A.	Phonetic patterns of canonical /ʒ:/ in the Selemdzha accent of the Evenki language and their phonological status	63
Protsukovich E. A., Morozova O. N., Androsova S. V., Bulatova N. Ya., Chernogradskaya O. N.	Sociolinguistic situation in the Ivanovskoe settlement, Selemdzha District, Amur Region	74
Chugaeva T. N., Martens M. A.	Beyond the teaching process: Outlining the problem	86
Shamina E. A.	Literary characters' speech as a mirror of the sociolinguistic situation: A phonetic approach	94

Memoria

Androsova S. V.	A person who did not let me fall down	111
Our authors		116

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3, № 3, 2017.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 24.11.17. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500. Заказ 831.
Отпечатано в типографии АмГУ.